

УРАЛЬСКИЙ

следопыт

ISSN 0134 - 241X

5 (767) май, 2021

www.uralstalker.com

Самый мелкий

УРАЛ — КУЗНИЦА ПОБЕДЫ

ВОДА КАМЕНЬ ТОЧИТ

ЗАШИФРОВАТЬ-
РАСШИФРОВАТЬ

Май 2021

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Консультант – Ю.А. Горбунов.

Литературный консультант –
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

На обложке –

1 стр.: Фото Василия Колбина.

4 стр.: Фото Евгения Рябинина.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Вадим Панов, Юрий Казарин,
Дмитрий Байжалов, Сергей Лукьяненко,
Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2021 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №5 (767), 2021 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **УС**, публикуются на правах рекламы.

Проект «С чего начинается Родина»
выходит при финансовой поддержке
Фонда Президентских грантов

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России:
Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

**Аэлита
Журнал
в журнале**

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №5, 2021 г.
Подписан к печати 27.04.2021 г. Дата выхода 29.04.2021 г.
Цена свободная. Печать офсетная. Отпечатано ООО
«Периодика», 623751, Свердловская область, г. Реж,
ул. О.Кошевого, д.16. Телефон: +7 (34364) 33-66-5.
Тираж 11000. Заказ №

Встречный ветер

Юбилей

Л.КРАПИВИНА
Жизнь
по уставу.....18

Заповедные земли

С.ЗИМИН
Уральский
рябчик.....22

Добрые попутчики
Уникальная
коллекция
изданий лесного
профиля.....27

Версия
Ю.МАМОНТОВ
Председатель
комиссии
уполномочен
заявить28

Собираясь в поход

М.КОЛОТОВ
Складной
штык-нож32

Быть молодым — здорово!

О.ЧЕРЕПАНОВА
Топосьёмка
в Катниковской
пещере..... 36

Фотолетопись

П.КЛИМОВ
Снег начинается
понедельник... 40

Путешествие по Уралу

Е.РЯБИНИН
Клятва альпиниста..... 44

Река времени

День Победы
А.ТУРЧАНИНОВ
Разорванное
колесо3

Далекое-близкое
Р.БУРАНБАЕВА
Здравствуй,
Солдат!..... 6

Традиции

Л.КОЩЕЕВ
Незаметные победители..... 10

Юбилей

В.ВЕРЕТЕНЕВ
Сохраняя традиции 14

Разорванное колесо

Мотоциклетный разведбат

В центральном городском парке столицы Урала находится памятник «Разорванное колесо», посвященный погибшим разведчикам. Здесь, в лесу, в мае 1943-го проходили курс «молодого бойца» воины-новобранцы мотоциклетного батальона. Это спустя три года на их знамени будет красоваться ряд боевых орденов, а пока бойцам надо было научиться стрелять, метать гранаты, рыть окопы, маскироваться, брать «языков» и вести рукопашный бой.

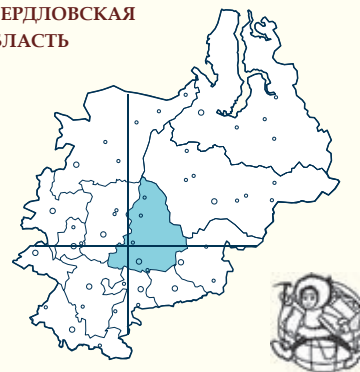
Формирование и обучение

В феврале 1943 года, в период формирования Уральского добровольческого танкового корпуса (УДТК), был издан приказ о создании в его составе мотоциклетного батальона с местом дислокации в городе Свердловске: ему было присвоено наименование — 88-й Отдельный мотоциклетный батальон (ОМЦБ). Он был окончательно сформирован к маю и укомплектован добровольцами. Командиром батальона был назначен гвардии капитан Красильников Георгий Адамович. По штату батальон должен был иметь десять танков, пять бронемашин, десять бронетранспортёров и более ста мотоциклов на 451 человек личного состава.

В апреле в батальон прибыли десятки боевых мотоциклов М-72 с Ирбитского мотоциклетного завода. Но оказалось, что большинство состава батальона не умеет водить мотоцикл. По просьбе командования ирбитчане направили в батальон лучших рабочих мотоциклетного завода. Борис Зефиров и Николай Цыкунов сделали своими руками стенд «Материальная часть мотоцикла М-72»; на своих мотоциклах привезли его в место расположения батальона и до выхода батальона на фронт обучали материальной части мотоцикла и вождению воинов батальона. *В состав батальона входил также миномётный взвод на мотоциклах, взвод мотопехоты, медсанчасть, служба боепитания,*

▲ Памятник погибшим мотоциклистам-разведчикам, архитектор Г. Голубев, 1995 г.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Александр Турчанинов

Учредитель производственной студии «Уралкино», руководитель кинопроекта «Добровольцы Урала», режиссер, автор проекта «Мы победили в 45-м».

Иллюстрации
из архива автора

◀ Военные мотоциклисты на марше

служба снабжения ГСМ, хоззвод и начхим.

Вся боевая подготовка воинов мотоциклетного батальона корпуса проходила на территории городского парка им. В.В. Маяковского; там воины учились стрелять, метать гранаты, рыть окопы, маскироваться, ползать попластунами, брать «языков», вести рукопашный бой, оказывать медицинскую помощь, выносить раненых с поля боя; также проходили строевую и политическую подготовку, радиодело. В конце мая

были проведены общепатольонные учения в районе населённого пункта Нижне-Исетск с отработкой марш-броска мотоциклетного батальона в предвидении встречного боя и обороны. Во время учений были выполнены боевые стрельбы.

В самом начале июня 1943 года батальон отдельным эшелоном с бронемашинами и мотоциклами был отправлен с воинской площадки Свердловского вокзала на фронт. 25 июня 1943 года 30-й УДТК вошёл в состав 4-й

танковой армии генерал-лейтенанта Баданова Василия Михайловича (отличившегося в Сталинградской битве). В составе танкового лагеря батальоном в дневное и ночное время отработывались темы ведения разведзора и действий разведки при вводе танкового корпуса в прорыв. А также были отработаны действия моторазведки в лесистой местности в ночном бою; захват пленных; действия диверсионной группы при нападении

▼ Командир батальона гвардии майор в отставке В.А. Концевой

▼ Председатель РОО «Ветераны военной контрразведки» К.А. Лихачёв напутствует участников экспедиции «Добровольцы Урала. Память 2020» по местам боёв Уральского добровольческого танкового корпуса

▲ Военные мотоциклисты в составе колонны наступающих войск

на штаб противника и на коммуникации противника в его тылу.

Боевое крещение

Батальон принял первое «боевое крещение» в Орловской стратегической наступательной операции «Кутузов» (12 июля — 18 августа 1943 г.) на северном фланге Орловско-Курской дуги. Войска левого крыла Западного фронта, Брянский и Центральный фронты перешли в наступление, положившее начало Орловской стратегической наступательной операции. В операции «Кутузов» участвовало более миллиона человек, более двадцати тысяч орудий, свыше трех тысяч самолетов.

Бои на Орловской земле

В первую разведку они выехали 26 июля 1943 года по заданию командира генерал-лейтенанта танковых войск Г. С. Родина на мотоциклах, с задачей проехать вдоль линии фронта наступления корпуса провести рекогносцировку. Определить проходимость дорог, мостов, по возможности засечь огневые точки врага на пути наступления корпуса. В процессе этой разведки их удивил освещенный дом со звучащим патефоном, что на линии фронта им показалось фантазмагорией. Но когда стоявший часовой начал по ним стрелять, разведчики поняли, что они заехали в расположение врага. Из дома выстреливали здоровенные «детины» в нижнем белье и попадали под кинжальный огонь мотоциклетных пулеметов. Как оказалось, это румыны отметили проезд на фронт. Первая разведка прошла успешно и разведдозор вернулся без потерь.

27 июля 1943 года 30-й танковый Уральский добровольческий корпус перешел в наступление с задачей, прорвав оборону врага, перерезать

шоссейную и железную дороги между Орлом и Брянском. 25-я механизированная и 18-я танковая дивизии противника, полк «Великая Германия», два самоходно-артиллерийских полка, большое количество противотанковой артиллерии, соединения бомбардировочной авиации сдерживали наступление частей и соединений корпуса. Нашим танкистам противостояли впервые примененные Т-5 «Пантера» с 75 мм пушкой и Т-6 «Тигр» с 88 мм пушкой и лобовой броней 100 мм. Они могли поражать наши Т-34 с расстояния 1,5–2 км. Наш Т-34 с 76 мм пушкой мог поражать с расстояния 500–600 метров. Против наших танкистов были применены химические ампулы, которые выводили из строя на 6–8 часов, газ вызывал головную боль, рвоту, кашель. Пользуясь наличием небранных хлебов, враг применил управляемые танкетки-торпеды «Голиаф» (SD KFZ-302), от взрыва которых башня танка отлетала вверх на 15–20 метров.

Боевые потери

При выполнении боевой задачи 2 августа 1943 года восточнее деревни Ветловка при движении по ложбине погиб командир бронероты, старший техник-лейтенант Майко. В ночь на 3 августа был организован ночной поиск в тыл противника, в ходе которого был захвачен ценный «язык» обер-ефрейтор. В ходе выполнения задачи погиб командир разведгруппы Истомин. От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и отвагу сержант Истомин Николай Никифорович, командир мотоци-

клетного отделения 88-го отдельного мотоциклетного батальона, был награжден Орденом Отечественной войны 1-й степени посмертно.

Доблестный путь

За отличные боевые действия на Орловском плацдарме в составе 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса 88-му отдельному мотоциклетному батальону в октябре 1943 года присвоено гвардейское звание, и он был переименован в 7-й гвардейский отдельный мотоциклетный батальон. Все воины батальона стали гвардейцами. Разведчикам были вручены первые правительственные награды.

Доблестный путь прошли разведчики-мотоциклисты в составе Уральского добровольческого танкового корпуса, получая боевые награды и неся потери. Они завершили войну в Праге в мае 1945-го. За участие в боях по освобождению столицы Чехословакии батальон был удостоен почетного наименования «Пражский». Командир 10-го гвардейского Уральско-Львовского танкового корпуса генерал-лейтенант Белов Е. Е. был назначен первым военным комендантом Праги (!) Разведчикам 7-го отдельного гвардейского мотоциклетного разведывательного Пражского ордена Красной Звезды, Александра Невского и Богдана Хмельницкого батальона было поручено почетное право несения караула на посту № 1, охраняя знамя 10-го гвардейского танкового Уральско-Львовского Добровольческого Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова. **УС**

Справка

Инновационный комплексный проект «Мы победили в 45-м!»

Был создан по инициативе общественной организации «Ветераны военной контрразведки» (председатель Константин Александрович Лихачёв) в содружестве со Свердловской областной общественной патриотической организацией «Добровольцы Урала», возглавляемой председателем Евгением Фёдоровичем Лохтиным.

Целью проекта явилось изучение заключительного этапа Великой Отечественной войны на примере 7-го отдельного гвардейского мотоциклетного разведывательного Пражского батальона 10-го гвардейского танкового Уральско-Львовского Добровольческого корпуса и создание новых исторически достоверных произведений. Проект был признан победителем в конкурсе проектов Фонда президентских грантов на развитие гражданского общества.

▼ Символ Берлина — Бранденбургские ворота — сегодня

Здравствуй, Солдат!

Из жизни моих земляков весной 45-го

БАШКОРТОСТАН

2 мая 1945-го капитулировал Берлин. Миллионы моих соотечественников мечтали об этом дне, с гранатой бросаясь под танк, замерзая в окопах, возвращаясь из забвения в госпиталях. Среди участников штурма Берлина были и отцы моих подруг-одноклассниц, и ученик моего деда. Здесь рассказ о четырех днях их жизни: с 28 апреля по 2 мая 45-го. Дня, когда они брали Берлин.

Римма Буранбаева

Филолог, поисковик. Жила в Нью-Йорке, Бонне. Ею найдено более 800 солдат и офицеров, без вести пропавших в годы Великой Отечественной войны. Награждена памятной медалью «Патриот России». Живет в Уфе.

Мне посчастливилось родиться в семье военных, прошедших всю войну. Поездка в Берлин для меня тяжелое испытание. Здесь я словно оказываюсь в далеких 40-х, и ничего с этим не могу поделать. Иду по знаменитому бульвару Унтер-ден-Линден к Бранденбургским воротам — мимо уличных музыкантов, оживших скульптур и конных экипажей, тут и бравый крепьш разгуливает в форме майора Красной Армии. Заряжаюсь энергией веселой разноязыкой толпы туристов со всего мира, но знаю: ещё несколько шагов, и меня настигнут другие чувства... Перешагнув линию на асфальте, обозначающую место бывшей берлинской стены, я перешагиваю в другое измерение...

Мемориал Тиргартен

Здравствуй, солдат! Стоит бронзовый солдат на высоком пьедестале. Винтовка на плече говорит: всё, война окончена. Жестом руки он прощается с погибшими соотечественниками. Их около 2500. По обе стороны мемориала стоят два танка «Т-34» и две пушки, прошедшие битву за Берлин. На колоннах золотом высечено: «Вечная слава героям, павшим при штурме города Берлин».

На каждой колонне — фамилии пехотинцев, артиллеристов, танкистов, саперов, воинов всех родов войск, Героев Советского Союза — полковников, рядовых... Всего 178 имен. Вчитываюсь с сжимающим сердцем: это чьи-то отцы, мужья, братья, сыновья погибли в самые последние дни войны — в конце

апреля — начале мая 1945 года. Вдруг вижу: «Гилязов Х.К., гвардии рядовой, 1926–29.04.1945». Уж не земляк ли... Знают ли его родные, ведь у большинства павших их матери, жёны, дети здесь так и не побывали.

Раньше этот мемориал входил в советский анклав британской зоны оккупации. И до вывода группы советских войск из Германии в 1994 году покой павших солдат охранял торжественный караул Советской Армии. Вглядываюсь в фото последнего караула с болю в сердце: наши солдаты и офицеры, преклонив колено, прощаются с павшими соотечественниками. И все это — в 360 м от Рейхстага! Депутаты бундестага заседают рядом с грандиозным свидетельством поражения своей страны! Правительство ФРГ при выводе наших войск обязалось сохранить мемориалы в порядке и четко соблюдает договоренность. Немецкая принципиальность впечатляет.

Вернувшись в Уфу, на сайтах Минобороны нахожу: Гилязов Хабби Камалетдинович (Камалетдинович — обычная ошибка писаря), 1926 г.р. В райвоенкомате призыва уточняю год рождения — 1924. Родился в БАССР, Благоварском районе, д. Такчура. Призван в 1942-м. Убит 29.04.1945. Служил наводчиком зенитной установки М-17 в 64-й гвардейской танковой бригаде 1 танковой армии 1 Белорусского фронта.

Первичное место захоронения: Германия, город Берлин, «Александрштрассе». И — потрясающе — сохранилась «Схема захоронения рядового Х. Гилязова». На рисунке — самый центр Берлина, мост через реку и рядом — одиночный памятник со звез-

▲ Штурм Берлина, апрель 1945-го

дой. «Его зарыли в шар земной». Значит, если приедет родственник в Берлин, то по схеме найдет место, где Хабби держал последний бой! Выходит, оттуда перенесли рядового Гилязова в мемориал Тиргартен.

Помнит ли его кто-нибудь? Есть ли родня? Звоню в поселковый совет — родня давно разъехалась, нашли дальнего родственника — отставного майора, вернувшегося на родину. Разговор с руководством школы взволновал: оказывается, до войны в Такчуре была только начальная школа, старшечки же ходили в школу соседнего села Старокучербаево. Выходит, Хабби — ученик моего дедушки, директора Старокучербаевской школы Галимьяна Усманова! Гвардии рядовому Хабби Гилязову из деревни Такчура, ещё недавно отвечавшему на уроках моему дедушке, пришлось пройти пол-Европы, увидеть разруху и смерть. И дойти до Берлина. Вот-вот Победа! И — домой! Но 29 апреля 1945-го жизнь 20-летнего парня оборвалась. Он

не узнал — уже завтра над Рейхстагом водрузят Знамя Победы.

Оборона Берлина

Столица Третьего рейха была тщательно подготовлена к длительной обороне. Правительственные кварталы, основные вокзалы, крепкие городские строения были превращены в мощные узлы сопротивления. Подъездные пути были перекрыты баррикадами и заминированы. Улицы, площади, перекрестки, дворы находились под прицельным огнем. Разветвленная подземная телефонная связь оставляла возможность вермахту управлять войсками в самых критических ситуациях, когда наземная связь была выведена из строя. Бомбоубежища, метро, подземные коммуникации позволяли осуществить вострую незаметную переброску тысяч солдат. Гитлер, укравшийся 16 января в бункере, в саду рейхсканцелярии, приказал удерживать столицу до последнего. Берлинский гарнизон вместе с фанатичными бойцами СС, а также фольксштурма и гитлерюгенда яростно защищал город. Потери и вермахта, и Красной Армии были колоссальными.

Центральный вокзал

Гвардии старший лейтенант Иван Филиппович Чижик — командир 6 батареи 568 минометного полка 42 минометной Нарвской Краснознаменной бригады — дошел до Берлина. Вот этот город, до которого они клялись дойти, хороня убитых однополчан ещё в начале войны, на Северо-Западном фронте, прорывая блокаду Ленинграда, освобождая Белоруссию и Польшу. Теперь он видел вывешенные берлинцами в окнах белые полотнища в знак капитуляции. Из документа: «В яростных боях на подступе к городу и при

▼ Немецкий зенитный расчет на башне в Тиргартене

взятии Берлина батарея старшего лейтенанта Ивана Чижика огнем и колесами поддерживала наступление пехоты». 28 апреля 1945 года. Приказ: взять Центральный вокзал Берлина. А отсюда идет шквальный огонь... горько гибнуть в последние дни...

Из наградного документа к представлению Ивана Чижика к ордену Красного Знамени: «Когда в районе Центрального вокзала Берлина противник оказал сильное сопротивление, открыв яростный огонь... Иван Чижик с разведчиками выдвинулся вперед пехоты и начал разведку огневых сил противника. Он обнаружил четыре станковых пулемета, два орудия прямой наводки и очаги, где засели автоматчики. Вернувшись к позициям и подготовив огни, Чижик батареей своей уничтожил три станковых пулемета, два орудия прямой наводки, деморализовал группы автоматчиков, и поддерживаемая его батареей рота без потерь овладела Центральным вокзалом, что сильно отразилось на обороне противника в целом». Через три с половиной дня войска берлинского гарнизона сдались.

Война для командира батареи Ивана Чижика закончилась. Пройдя путь от Ленинграда до столицы Третьего рейха, раненный в июле 41-го и в марте 45-го, он остался в живых и увидел Победу... за всех своих погибших товарищей. Елена Ивановна — его дочь и моя одноклассница — побывала туристом в Берлине. «Была ли ты на Центральном вокзале?» — спросила я её. «Да. Но если бы я знала, что мой отец брал этот вокзал... Знал бы отец, что я буду стоять на том самом месте...»

Крепость Шпандау

У многих из моих одноклассников отцы, а у некоторых и матери, как у меня, вернулись с фронтов Великой Отечественной и, как правило, не любили рассказывать о войне. Завоевав ценой невероятных лишений и страданий Победу, они все силы теперь отдавали строительству новой, прекрасной жизни. И неудивительно, что мы почти ничего не знали о подвигах наших отцов и матерей. Часто бывая дома у одноклассницы, близкой подруги Татьяны Гришиной, ныне профессора Академии труда и социальных отношений в Москве и общаясь с её папой Василием Яковлевичем, всегда бодрым, оживленно вникающим во все наши школьные дела, я и понятия не имела, что передо мной — настоящий герой. И узнала эту историю, уже будучи взрослой, случайно прочитав в солидном издании о героях Великой Отечественной войны.

28 апреля. Вот-вот падет Берлин. Но на северо-западе города упорно обороняется цитадель Шпандау — один из важных узлов сопротивления Берлина.

Ее орудия обстреливают мост через реку Хафель, идущие по нему советские войска, военную технику. Необходим штурм Шпандау. Но, кроме 460 военных, в крепости около 1500 женщин и детей, укрывшихся из окрестных поселений. Чтобы избежать бессмысленной бойни, командующий 47-й армией генерал-лейтенант Ф.И. Перхорович ставит перед своим политотделом задачу: «Необходимо склонить гарнизон крепости к капитуляции без боя... неразумно губить наших людей и мирных немецких жителей из-за упрямства горстки фашистских маньяков».

Два дня, 28 и 29 апреля, офицеры политотдела через МГУ (мощную громкоговорящую установку) обращаются к офицерам и солдатам, гарантируя им жизнь, а раненым — медпомощь в случае прекращения сопротивления. Те, кто в крепости, слышат и голоса своих родных — мирные жители через громкоговорители просят их остаться живыми... Безрезультатно. Командование решает послать парламентариев, чтобы те попытались склонить гарнизон к капитуляции. Задача крайне рискованная. Так, незадолго до этого в Будапеште расстреляли нашего парламентария. Ровно в 10 часов 30-го апреля группа парламентариев в составе начальника 7 отделения политотдела майора Василия Гришина, капитана Владимира Галла, антифашиста-немца Ульмера и немецкого полковника двинулась в сторону цитадели. Понимая, что белый флаг в их руках — не гарантия. Зная, что за ними напряженно следят сотни глаз. Сотни стволов автоматов из бойниц нацелены на них. Огромные ворота забаррикадированы. Перед ними мощная молчаливая крепость.

— Халло! — обращаются парламентарии неведомо к кому. И сверху, с балкона, летит веревочная лестница.

Два немецких офицера спускаются вниз, вскидывают руку в фашистском приветствии: — Комендант крепости полковник Юнг! Заместитель коменданта подполковник Кох! От имени советского командования майор Гришин предлагает гарнизону прекратить бессмысленное сопротивление и сложить оружие, гарантируя: солдатам и офицерам — право на жизнь, больным и раненым — медпомощь.

Комендант крепости и его заместитель внимательно выслушивают условия капитуляции, но сложить оружие отказываются.

— При условии гарантии жизни моим солдатам и офицерам, я бы при-

▲ Подполковник В.Я. Гришин перед окончанием службы в Германии (ГДР), 1950 г.

нял ваше предложение о капитуляции. Но есть приказ фюрера: если командир объявляет приказ о капитуляции самовольно, то любой офицер имеет право расстрелять его, — отвечает комендант Юнг.

Василий Гришин принимает отчаянное решение: подняться в крепость и самим переговорить с гарнизоном. Комендант явно растерян: — Безопасность не гарантирую.

Советские парламентарии поднимаются по веревочной лестнице на балкон, входят в огромный зал замка с бойницами вместо окон. Перед ними — гарнизон, офицеры и солдаты, выстроившиеся по периметру в два-три ряда. Некоторые — в эсэсовской форме. Гришин с Галлом занимают позицию для обороны — встают у стены плечом к плечу. Под ненавидящими взглядами эсэсовцев повторяют условия капитуляции.

— Во избежание ничем не оправданных жертв среди солдат и офицеров крепости, учитывая, что у вас есть раненые, а также мирные жители, от имени советского командования предлагаем гарнизону прекратить бессмысленное сопротивление и сложить оружие.

Получив отказ в капитуляции, в политотделе стали искать другие ходы. Начальник политотдела 47 армии полковник (впоследствии генерал-полковник) Михаил Харитонович Калашник в своей книге «Испытание ог-

нем» вспоминает: «Обратились к коменданту крепости — выделить одного из его офицеров, чтобы тот сам убедился в гуманном отношении советских войск к пленным немецким солдатам и офицерам...» Далее воспоминания военного корреспондента Анатолия Медникова: «Приближалось окончание битвы за Берлин, и волна нашего наступления катилась уже к берегам Хафеля и Эльбы. Это были последние дни апреля. Случайно, по дороге к Эльбе... я впервые услышал о Шпандауской крепости, встретив «газик» седьмого отделения политотдела 47-й армии.

В машине рядом с инструктором отдела капитаном Пескановским сидел молодой немецкий лейтенант в фуражке с высокой тульей, из-под блестящего козырька которой поблескивали скорее удивленные, чем испуганные глаза, жадно осматривающие все вокруг. Офицер был при оружии, что само по себе казалось очень странным, и вообще держался не как пленный, а как парламентар, уверенный в своей безопасности. Машина Пескановского шла от линии фронта к Берлину. Немецкий офицер побывал на пунктах сбора военнопленных, разговаривал с ними. Убедился в том, что советские войска обращаются с немецкими военнопленными вполне гуманно.

— Я буду настаивать на капитуляции гарнизона цитадели, — заявил лейтенант.
— Наше сопротивление действительно бессмысленно. Уже 1 мая на звонок начальника политотдела 47-й армии Михаила Калашника: «Так они собираются сдаваться?» Гришин докладывает: «Ждем до 15.00!». Владимир Галл писал: Пошли тягостные часы ожидания... В 15.00 перед нашими позициями появляются парламентары с белым флагом. Все! Крепость

капитулировала! Майор Василий Гришин докладывает наверх о капитуляции цитадели Шпандау. Через несколько часов ворота крепости открываются. И 460 немецких солдат и офицеров выходят, стараясь держаться колоннами. Солдаты хмуро бросают свои автоматы на груды оружия. — А что с нами? — страх на лицах женщин с детьми, стариков. Родные только что плененных солдат и офицеров, мирные жители, укрывавшиеся в крепости, жмутся в полуторагтысячную испуганную толпу. По приказу командования армии переводчик обращается к ним через рупор: — Гражданское население может покинуть крепость и отправиться по домам!

Галл вспоминал: «Лавина ликующих людей прошла мимо нас через ворота». К советским офицерам подбегает молодая немка с ребенком на руках, со слезами на глазах благодарит спасителей. Так, отчаянно рискуя, советские парламентары Василий Гришин и Владимир Галл спасли около двух тысяч немецких жизней и многие жизни советских солдат, которые не погибли за 1-2 дня до падения Берлина, беря штурмом крепость, а вернулись домой с Победой. За этот и другие подвиги майор Гришин награжден орденом Отечественной войны 1 степени. Капитан Галл — орденом Отечественной войны 2 степени.

Свидетелем их подвига стал сослуживец — 19-летний лейтенант Красной Армии Конрад Вольф. (Сын писателя Фридриха Вольфа, эмигрировавшего из гитлеровской Германии в СССР, жившего одно время в Уфе. Брат знаменитого контрразведчика Маркуса

Вольфа. В 1942 году будущий руководитель гэдээровской «Штази», Маркус приехал в Башкирию по телеграмме из исполкома Коминтерна, для обучения в школе разведки, организованной в Кушнаренково).

Служивший в том же политотделе, что Галл и Гришин, Вольф вызвался пойти парламентаром. Но майор Гришин справедливо рассудил: пойми немцы, что перед ними их соотечественник, придут в ярость и расстреляют неминуемо обоих. Став после войны знаменитым в ГДР режиссером, Конрад Вольф создаст об этой истории фильм «Мне было 19», правда, с весьма вольным изложением, неузнаваемо поменяв роли главных действующих лиц. Фильм войдет в число 100 лучших фильмов немецкого кинематографа всех времен. Но это будет потом. А пока события развивались стремительно. 30 апреля Знамя Победы водружено над Рейхстагом! 30 апреля Гитлер покончил жизнь самоубийством. 1 мая Василий Гришин и Владимир Галл спасли огромное количество жизней немецких солдат и мирных жителей и советских солдат во имя будущего. 2 мая Берлин капитулировал. Оставалась неделя до 9 мая, до Великой Победы...

Р.С. Приехав в очередной раз в Берлин, я не могла не поехать в цитадель Шпандау. Не знала и была взволнована: при входе в крепость установлена мемориальная доска в память о подвиге советских парламентаров. Немцы чтят Василия Гришина и Владимира Галла, спасших около двух тысяч немецких жизней. ❏

► Крепость Шпандау в западном Берлине

Незаметные победители

Наш козырь — внезапность!

Триумф «Восьмерки» и «Трех троек»

▲ Уральский электромеханический завод (УЭМЗ) сегодня

Лев Кошечев

Член Общественной палаты города Екатеринбурга. Работал в газетах «На смену!», «Главный проспект», «Наша газета». Автор сценариев документальных фильмов об истории России. Долгое время возглавлял газеты «Уральский рабочий» и «Вечерний Екатеринбург». Родился в Свердловске, закончил радиотехнический факультет УрГТУ-УПИ.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фото из архива автора

Многие думают, что за тайнами нужно отправляться куда-то в глушь. В большом-то городе всё давным-давно изучено. Особенно, если это касается периода войны, воспетого вдоль и поперек. Но это абсолютно не так!

В конюшне не было гвоздя

Секрет успеха в каком-то деле зачастую может заключаться в какой-то вещи, которая непосвященным кажется абсолютно неважной. Ну, вот, к примеру, современная маневренная война. Блицкриг. Что там глав-

ное? Танки? Пикирующие бомбардировщики? Не только и не столько! Ситуация в таком бою развивается динамично и непредсказуемо, так что штабам нужно постоянно получать донесения и отдавать приказы. В условиях, когда все постоян-

◀ Гениальное орудие Победы — шифратор К-37

▶ Здание завода Гейслера в Санкт-Петербурге, выстроенное в 1912 году по проекту архитектора Р.И. Кригера

но перемещаются, сделать это можно только по радио.

По поводу начального периода войны раньше часто писали: отсталое-неграмотное руководство вооруженных сил рассчитывало обойтись гражданской телефонной сетью — вот и получили. Потом были опубликованы данные о том, что радиостанций в войсках было предостаточно. Тогда стали говорить: отсталые-неграмотные красные командиры современных технологий не понимали и потому боялись. Крестьяне же от сохи! Вот если бы царских офицеров не расстреляли...

Но дело было как раз в том, что командиры Красной Армии учились весьма прилежно, причем учились на опыте царской армии. В 1914 году армия Самсонова была разгромлена в хлам, потому что... активно использовала радио. На море была противоположная ситуация. Немцы терпели неудачу за неудачей, потому что на Балтфлоте адмиралом Непениным была создана мощнейшая система радиоразведки. А для тех краскомов, которые учебники читали невнимательно, хорошим уроком стала Финская война.

Без радио было не обойтись, но и работать открытым текстом в эфире было самоубийством. Шифровать вручную? Ночью 22 июня штаб советского ВМФ и Генштаб отправили каждый свою директиву. Наркомвоенмор Кузнецов был лаконичен. Начальник Генерального штаба Жуков — несколько веле-речив. Поэтому флотскую директиву успели зашифровать-расшифровать еще до начала боевых действий. Телеграмму Жукова в войсках прочитали... после обеда. Завоевать пол-Европы немецкой армии удалось, потому что её службы связи были оснащены шифро-машинами «Энигма». Впрочем, нельзя сказать, что в СССР это направление техники совсем уж проворонили.

▲ Валентин Рытов — создатель первого шифратора (аппарата К-37 «Кристалл»)

► Руководитель спецлаборатории Волосок Иван Павлович

Родоначалники

Владимира Ильича Ленина или его сподвижников на фотографиях часто можно видеть рядом с телефонным аппаратом характерной формы, с трубкой в руке. Ну, а как! Совершить революцию, победить потом всех врагов — это было немисливо без телефонных переговоров. Впрочем, сам Ленин и его современники не говорили «телефон». Штуку, по которой разговаривают, они называли «гейслером». Точно так же, как мы сегодня любой копируемый аппарат именуем «ксероксом». И причина была та же: практически все телефонные аппараты в до-революционной России были выпущены фирмой «Гейслер».

Это было первое в стране предприятие, занимавшееся оборудованием электросвязи. В 1874 году Николай Карлович Гейслер открыл мастерскую по ремонту телеграфных аппаратов. Непосредственно в здании петербург-

ского почтамта. Три скромных верстака разрослись в завод на Петроградской стороне.

После революции капиталиста Гейслера постарались забыть. Завод получил имя своего столяра Алексея Кулакова, участвовавшего в штурме Зимнего, а потом погибшего на Гражданской.

В 1936 году завод был передан в ведение наркомата оборонной промышленности, все предприятия которого обозначались номерами. Так что вместо громоздких прежних названий предприятие теперь именовалось «№ 209». Согласитесь, очень красиво.

Спецлаборатория

Работы над шифровальной техникой в стране начались чуть ли не в 1918 году, но велись на энтузиазме и кустарно. Лишь в 1932 году была создана спецлаборатория при Главном Штабе РККА. Её возглавил инженер, которому едва исполнилось тридцать, — Иван Павлович Волосок.

Но очень скоро обрисовалась нужда в производственной базе. Поэтому в 1935 году Волоска поставили во главе Особой группы на «заводе Кулакова». В её состав вошли В.М. Домничев, В.Н. Рытов, О.А. Примазова и Е.П. Изотовой. За последующие годы эти четверо проделали огромный объем работы.

Никаких микросхем и полупроводников тогда еще не было. Радиолампы были капризны и громоздки. Поэтому достаточно сложные математические шифровальные алгоритмы нужно было воплотить в виде *электромеханического* устройства. Та же музыкальная шкатулка, только гораздо слож-

▼ Корпус № 3 УПИ, где был размещен завод 707 (фото начала 1940-х)

◀ Первый шифратор К-37

▶ Команда заводууправления на юбилее УЭМЗ

▼ Аппарат Гейслера в кабинете Ленина в Смольном

▶ Мемориальная доска на здании корпуса УПИ, посвященная заводу № 707 (УЭМЗ)

ней. Добиться, чтобы эта «конструкция из ниточек и веревочек» работала устойчиво, было адски сложно. Тем более, что годы разрухи, эмиграция инженеров и квалифицированных рабочих изрядно подкосили эту отрасль. Кроме того, завод буквально рвали на части заказами со всех сторон: в стране шло интенсивное перевооружение, номенклатура «инновационных изделий» расширялась головокружительными темпами.

Первый шифратор

Освоение производства первого шифратора конструкции Волоска заняло на заводе *четыре года*. Еще столько же ушло на разработку и освоение его усовершенствованной версии «Спектр». Советскому торгпредству в Стокгольме удалось закупить два экземпляра шифратора В-211, созданного в 1932 году шведским изобретателем Борисом Хагелином по заказу французской армии. Используя В-211 как прототип, инженер завода Валентин Рытов в 1937 году создал аппарат К-37 «Кристалл» весом всего 19 кг — фактически, аналог немецкой «Энигмы».

Но производство и этого изделия шло медленно. К началу Великой Отечественной в войсках было полторы сотни «Кристаллов». Для полноценного оснащения вооруженных сил требовалось в десяток раз больше.

Эвакуация из Ленинграда началась уже в июле. Удивительно, что с первого дня войны «колыбель революции» оказалась под угрозой ударов любыми видами финской авиации — от вражеских аэродромов было всего около сотни километров. А позиция финнов окончательно прояснилась 29 июня, когда их армия начала наступление.

Первыми команду отправляться получили объекты, наиболее уязвимые для бомбежек. В частности, Эрмитаж. Завод Кулакова с его деликатным производством тоже частично погрузился в эшелоны. И исчез. Даже самый высокопоставленный немецкий агент не смог бы выяснить, в какой город прибыл завод № 209. Потому что он не прибыл никуда.

Уральский следепыт, май 2021

▲ Официальный бренд УЭМЗ

Под чужим небом

На одной из железнодорожных станций сотрудникам завода было объявлено — они работают на заводе № 707. Ни о каком заводе № 209 они никогда не слышали. Разгрузилось предприятие в Свердловске. Всеобщая эвакуация еще толком и не начиналась, выбор промплощадок для размещения был огромен. Но предпочли разместиться в учебном корпусе металлургического факультета УПИ. Потому что край города. И есть возможность разместить работников завода и их семьи в том же здании, чтобы сократить их контакты с посторонними.

Сюда «Военторг» привозил продукты и другие товары, сюда приезжали кинопередвижки и концертные бригады. Так что контакты с посторонними не просто были сокращены, а отсутствовали вовсе. Техника, которой занимались эти люди, была гораздо более секретной, чем новейшие танки «Уралмаша» или «Катюши».

Уже 25 августа завод начал на Урале выпуск своей продукции. Но тре-

бовалось не только выпускать, но и создавать. В кутерьме лета-осени 1941 года, несмотря на все усилия, неизвестно пропало несколько экземпляров «Кристалла». Следовало исходить из того, что их изучил враг. Алгоритм шифрования нужно было изменить, усложнить. Что и было сделано.

В 1942 году в производство была запущена новая модель мощного шифратора М-101 «Изумруд» конструкции Н.М. Шарыгина. Впоследствии он использовался для переписки высшего уровня секретности между Ставкой ВГК и штабами фронтов.

Впоследствии Сталинградскую битву назвали «триумфом «восьмерки»». Этот номер в структуре штабов нашей армии носили подразделения шифровальщиков. Несмотря на огромный объем пересылаемой корреспонденции, противник до последнего момента абсолютно не подозревал о готовившейся операции. Но это было триумфом и завода № 707. Как и все последующие боевые действия, в которых важным нашим козырем оставалась внезапность.

Наш язык — молчание

Томми Флауэрс был, конечно, человеком выдержки феноменальной. Когда очередной знаковый в компании заканчивал хвастать своими военными подвигами и ухмылялся ему: «А ты что сделал для победы?», он лишь виновато улыбался. Покупал своим внукам книги о том, как американцы изготовили первый в мире компьютер. Даже когда настал его черед уйти из жизни, он не сказал ни слова.

Лишь потом его потомки узнали — первый в мире компьютер изготовил всё-таки мистер Флауэрс. Упомянуть об этом десятки лет нельзя было потому, что с помощью этого компьютера в годы войны была взломана немецкая шифровальная система «Лоренц». Если рассказать, что ты умел полвека назад, легко будет догадаться, что ты умеешь сейчас.

Вот и завод на восточной окраине Свердловска десятилетия молчал о своем шифровальном прошлом. Тем более, что здесь вообще говорить не любили. Даже сегодня об этом в официальной истории Уральского электромеханического завода (известного как «Три тройки») — лишь два слова.

Однако мы обязаны знать и помнить. Победа была добыта в цехах горьковского авиационного, откуда выкатили Ла-5. На Уралмаше, когда там научились сваривать несокрушимые танковые башни. Но так же и здесь, в учебном корпусе № 3 УПИ-УрФУ. ☒

◀ Современный вид корпуса № 3 УПИ (Металлургический факультет УПИ-УрФУ)

Сохраняя традиции

Мотовилихе — 285 лет

▲ 76-мм полковая пушка образца 1927 года, экспозиция Музея истории Мотовилихинских заводов.

Пермские пушечные заводы (ППЗ) в годы Великой Отечественной войны выпустили четвертую часть всех артсистем страны. Огонь пушек-гаубиц, наряду с залпами «Катюши», признавался главной ударной и сдерживающей силой в первый период Великой Отечественной войны.

Самоходные установки с пермскими пушками стали великолепным оружием, взламывающим оборону противника.

Мотовилихинский медеплавильный завод был заложен спустя 11 лет после смерти Петра I на притоке Камы — Мотовилихе. Спустя сто с лишним лет, после истощения медных рудников, в Перми начинается возведение сталепушечного завода под началом инженера Николая Воронцова.

Пермская «Царь-пушка»

Через год рядом со сталепушечным был заложен ещё один завод — чугунопушечный. Предприятия быстро разрастались, поэтому было принято решение об их слиянии. Появилось и новое название — Пермские пушечные заводы (далее — ППЗ), Горным начальником которых становится Н.В. Воронцов. В 1869 г. по заказу Морского министерства здесь было отлито 20-дюймовое литое гладкоствольное чугунное орудие — так называ-

Владимир Веретенев

Историк, управляющий музея пермской артиллерии (Музей истории ПАО «Мотовилихинские заводы»).

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Фотографии из архива музея.

Река времени

◀ Гладкоствольная 20-дюймовая литая чугунная пушка, изготовлена в 1869 году на Мотовилихинском заводе

Уральский следопыт, май 2021

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

◀ Советская 122 мм гаубица-пушка (А-19)

емая пермская «Царь-пушка», получившая название по аналогии с московской. Пушка имела калибр 508 мм. Длина ствола составляла около 4,9 м. Вес ствола — 2750/45045 пуд/кг. После заводских испытаний, успешно выдержав 314 выстрелов снарядами в 28/458 пуд/кг, пушка была оставлена на заводе, а сегодня находится на открытой площадке музея истории предприятия. На заводе получили доброкачественную сталь и полностью овладели техникой изготовления стальных крупнокалиберных нарезных орудий. Ассортимент продукции ППЗ в XIX веке включал в себя не только стальные и чугунные орудия, но и боеприпасы. Также в 60–90-е гг. XIX века здесь было построено примерно 60 пассажирских, грузо-пассажирских и буксирных пароходов.

Инновации XX века

За годы Первой мировой войны ППЗ выпустили пятую часть всех орудий, изготовленных в России, и стояли на втором месте после Путиловского. На фабриках было организовано производство прицелов и пружин маятников, до этого получаемых с Петроградского и Ижевского оружейных заводов. В 1918 г. бывшие Пермские пушечные заводы были переименованы в Мотовилихинский механический завод и национализированы. Переломным моментом для завода становится 1924 г., когда начальником технического

◀ Горный начальник Пермских пушечных заводов Николай Воронцов

бюро становится В. Н. Сидоренко, который по праву считается основателем конструкторской школы Мотовилихи. Его проект по модернизации 76-мм полевой пушки был признан лучшим, и орудие получает новое название — 76-мм дивизионная пушка образца 1902/30 годов — и уходит в производство.

Также под его руководством были разработаны и приняты на вооружение проекты модернизации 122-мм и 152-мм гаубиц. Эта артиллерийская система отвечала основным тре-

◀ Панорама завода, конец 19 века

▲ «Артиллерия — бог войны», на страже мира

▲ Петров Ф.Ф. — автор проекта 122-мм гаубицы образца 1938 года (М-30)

▲ Ильин В.А. — автор легендарного проекта 152-мм гаубица М-10 образца 1938 года

Эти пушки заменили собой устаревшие шнейдеровские орудия и с успехом применялись в Великой Отечественной войне. Особое признание со стороны войск получила 122-мм гаубица М-30, про которую впоследствии маршал артиллерии Г.Ф. Одинов скажет: «Лучше ее уже ничего не может быть».

Главный артцентр страны

Начало войны выдвинуло Мотовилиху в число главных предприятий, занимавшихся обеспечением армии артиллерийским вооружением. И это объяснимо: за плечами прославленного коллектива был вековой опыт создания артсистем. Здесь трудились выдающиеся конструкторы и организаторы производства, высококвалифицированные рабочие.

В 1941 году Мотовилиха поставляла фронту артиллерийское вооружение, а другим оборонным пред-

приятиям — артиллерийские пружины, орудийные щиты, тонкую броню, лист для станин, авиационные штамповки и конструкционный лист, танковый прокат, артиллерийские поковки, штамповки и фасонные отливки. Перед новым директором завода А.И. Быховским стояли задачи глобального масштаба: заниматься разработкой новых артиллерийских орудий и увеличивать выпуск имеющихся.

Рабочие и служащие делали все для увеличения выпуска военной продукции. С первых дней войны завод перестроил производство, резко увеличив выпуск артиллерии. Рабочий день порой длился до 18 часов в сутки. Работали без выходных и праздничных дней, без отпусков. Осенью 1941 года в Пермь были эвакуированы 64 предприятия из западных и центральных районов страны. Практически за месяц Мотовилихинский завод освоил выпуск 45-мм противотанковых пушек образца

бованиям по могуществу, дальности стрельбы, гибкости огня и была технологична в производстве. В короткий срок разработаны чертежи и изготовлен образец новой пушки, которая принимается на вооружение под названием «152-мм гаубица-пушка образца 1937 г.» (заводское название МЛ-20). Это орудие в период Великой Отечественной войны изготавливалось в больших количествах и во всех сражениях являлось основной ударной силой. К началу Великой Отечественной войны на заводе были разработаны 122-мм гаубица М-30 (автор Ф.Ф. Петров) и 152-мм гаубица образца 1938 г. М-10 (В.А. Ильин).

▼ Легендарная самоходная установка СУ-152

▲ Заводские руководители штаба по выпуску сверхплановых арт.батарей в годы войны

1937 года и 25-мм зенитных автоматических пушек 72 К, которые ранее производились на заводе Калинина № 8. Кроме артистем и артиллерийских снарядов, завод освоил и поставки крупных серий сопел для реактивных снарядов М-13, более известных как «Катюши».

Конструкторская мысль

Во время войны на заводе действовало два конструкторских бюро: опытно-конструкторское бюро под руководством главного конструктора С.П. Гуренко и эвакуированное из Ленинграда Особое конструкторское бюро. Тогда и была разработана модификация 45-мм противотанковой пушки. В январе 1943 г. заводу было поручено выполнение задания по разработ-

ке и выпуску мощной самоходной пушки на базе шасси тяжелого танка Кировского завода. Впервые СУ-152 получила боевое крещение на Курской дуге. Всего там было 24 самоходки, входившие в состав двух тяжелых самоходных артиллерийских полков. Образец следующей самоходки ИСУ-152 был изменен и доработан.

Самоходные установки с мотовилихинскими пушками калибра 152 и 122-мм, начиная с 1943 г., выпускались до конца войны, участвовали в битве на Орловско-Курской дуге и последующих сражениях, являясь великолепным оружием в борьбе с тяжелобронированными танками и самоходными установками противника. Их часто использовали для артиллерийской подготовки. В ходе Сандомирско-Силезской операции на 1-м Украинском фронте к ведению огня с закрытых позиций был привлечен гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полк. Полк подавил две минометные батареи, уничтожил восемь орудий и до батальона солдат и офицеров противника. Незаменимыми оказались СУ-152 в ходе уличных боев в крупных германских городах весной 1945 года. ИСУ постоянно включали в состав штурмовых групп.

Все для фронта!

За годы войны заводом было выпущено свыше 48000 орудий. Именно из 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20 в ночь со 2 на 3 августа 1944 года был

произведен первый выстрел по территории фашистской Германии, а из 122-мм корпусной пушки – первый выстрел по Берлину 20 апреля 1945 года.

Самоотверженный труд многотысячного коллектива завода № 172 был высоко оценен Родиной. За выдающиеся успехи в разработке боевой техники и обеспечение фронта вооружением завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени от 3 июня 1942 г. за образцовое выполнение заданий Государственного комитета обороны по производству и освоению новых видов, орденом Красного Знамени от 20 октября 1944 г. и орденом Отечественной войны 1-й степени от 28 июня 1945 г. за выдающиеся заслуги в деле создания и организации массового производства мощного артиллерийского вооружения. Более семисот работников завода были удостоены орденов и медалей. Более девяти тысяч человек были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Пушки мотовилихинских заводов во все времена отличались высоким качеством и безотказно действовали на всех фронтах. Не случайно Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в поздравлении коллектива завода с награждением орденом Отечественной войны I степени писал: «Ваши грозные пушки и самоходная артиллерия сыграли решающую роль в разгроме гитлеровской Германии и победоносном завершении войны». **УС**

▼ Экспозиция музея «Мотовилихинские заводы» в Перми

60 лет отряду «Каравелла»

ЖИЗНЬ ПО УСТАВУ

В начале 2000-х в истории «Каравеллы» случилось одно забавное событие. Изменившиеся социально-политические условия жизни России снова потребовали узаконить наш статус, пройти перерегистрацию отряда как общественной организации.

В связи с чем возник вопрос к юристам, как это можно сделать, максимально сохранив текст единственного короткого уникального, принятого сорок лет назад, документа. Юристы сначала сказали «без проблем», а затем «сломали голову», недоумевая, зачем нам понадобилось вводить в текст общепринятого, типового, утвержденного, стандартного юридического документа наши исторически сложившиеся 16 пунктов Устава. Когда я стала упорствовать и проявлять настойчивость, то услышала недоуменные возгласы:

– Зачем Вам это нужно? Устав юрлица – это бумага – простая документальная формальность. Вы её сдадите в министерство юстиции, положите в папку и будете получать гранты. Живите и работайте, как раньше, просто сыграйте по нашим правилам. И всё!

– Подождите... На ней будет стоять печать «Каравеллы» и моя подпись как руководителя? Она будет официально обо-

значать наш статус и называться Уставом нашей организации?

– Да. Ну и что?

– Значит, она уже не будет для меня как командора и всех участников программ «Каравеллы», как взрослых, так и ребят, пустой формальностью. Она будет наполнена смыслом, и именно поэтому нам нужно, чтобы наш исторический Устав в неё тоже вошёл.

– Но там же говорится про ветер, волну, борьбу с несправедливостью и предательством. Это не юридические термины...

– Ну и что? Если документ, как Вы говорите, простая формальность... Какая разница, что там будет написано?

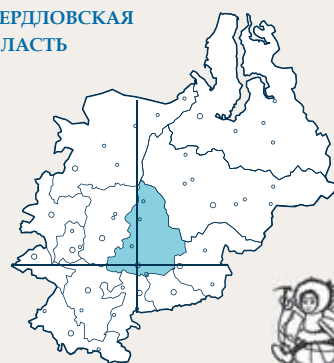
– Лариса Александровна! По-моему, Вы усложняете на пустом месте. Документ, конечно, во многом формальный, но в нём же есть смысл. Он нужен для жизни юрлица.

– А разве жизнь юрлица не является продолжением истории и частью жизни организации вообще?

► Прониной, 30

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Лариса Крапивина

Командор детской парусной флотилии «Каравелла», яхтенный капитан, член Союза журналистов России, кандидат педагогических наук, Почётный работник сферы молодёжной политики РФ.

– Странно Вы спрашиваете, но да, конечно, является.

– Тогда мы не можем перечеркнуть всю историю, которая была до этого момента. Организация прожила уже сорок лет. Если мы так сделаем, то проигнорируем и зачеркнём вклад всех предыдущих ребят «Каравеллы» и основателя отряда Владислава Крапивина. Это он написал этот Устав. До нас жили люди, после нас они будут. Мы только звено в цепи сменяющихся поколений. Если это наш Устав, то в нём должны быть записаны наши законы, которые понятны каждому ребёнку. У нас же детская организация. В ней главные участники – это ребята. Для каждого из нас этот Устав не простая бумага... – и тут меня осенило. – послушайте, о чём мы вообще спорим? У Вас своя бюрократия, у нас своя! Давайте их как-то объединим.

После этих слов юрист всё мгновенно понял, а главное – помог правильным языком грамотно оформить документ. В итоге, уже почти двадцать лет, в условиях новой истории России, весь текст короткого каравельского устава без изменений внесён в Устав Свердловской региональной общественной детской организации «Каравелла», ставшей правопреемницей пресс-центра и парусной флотилии пионерско-комсомольской дружины имени Аркадия Гайдара. Кстати, в те годы за имя писателя Гайдара, которое мы упорно не хотели снимать с вывески, не раз к нам прилетали вол-

ны негодования и злости. Подчас словесные баталии переходили все допустимые культурные нормы. Но каждая такая «битва за Гайдара» только укрепляла нашу позицию. И это была отнюдь не бессмысленная трата сил. Потому что Гайдар был отличный журналист, писатель, боец, который погиб на передовой. Именно поэтому мы и взяли его имя. Даже если бы он создал только одного «Тимура и его команду», его уже нужно было внести в золотую книгу детской литературы. Он, как лучшие классики, смог описать эпоху, показал страну в условиях революционных преобразований, гражданской войны, на грани Великой Отечественной. И сделал он это глазами детей как непосредственных участников и героев. «Р.В.С.», «Школа», «Судьба барабанщика», «Чук и Гек», «Дальние страны», «Военная тайна», «На графских развалинах», «Горячий камень». Каждая повесть – художественное свидетельство непростых исторических событий.

Но не буду отвлекаться. Итак. Как появился первый устав «Каравеллы»? С 1967 года внешкольный, корреспондентский, пионерский отряд «Ветер» получил своё официальное помещение. Часть цокольного полуподвального этажа в пятиэтажке на Уктусе, по адресу ул. Прониной, 30. В этом здании каравелльцы прожили больше десяти лет. Свой ДОМ обеспечил стабильность, программность, регулярность

встреч и занятий, в общем, плановость жизни. Жизни интересной и увлекательной. Дом, в котором смогли вырастить, научить, воспитать, обогреть многих. Чего только здесь не происходило! Спектакли, конкурсы, походы, киносьёмки, мушкетёрские турниры, пионерские рейды, корреспондентские задания. С 1968 года началось освоение морей.

Отец-основатель, поняв, что не может быть далеко от своей творческой лаборатории, в которой живут его герои и прямо из воздуха рождаются сюжеты, тоже быстро поменял благоустроенную квартиру, пусть и в коммуналке, но в центре города, на две маленькие комнатки в двухэтажном доме бачрачного типа на Прониной, 40 А. Супруга писателя Ирина Крапивина безропотно согласилась поехать с мужем и маленьким двухлетним сыном в барак на окраину города. Ведь автор уже тогда умел обаять и объяснить, а где-то и продавить решение важностью своей литературной миссии: «Мне надо спокойно работать, а там же лес рядом, тишина...». На самом деле, конечно, он лукавил, покоя всем только снился, потому что «битвы с общественностью» начались практически сразу. Но чего не сделаешь для любимого человека?

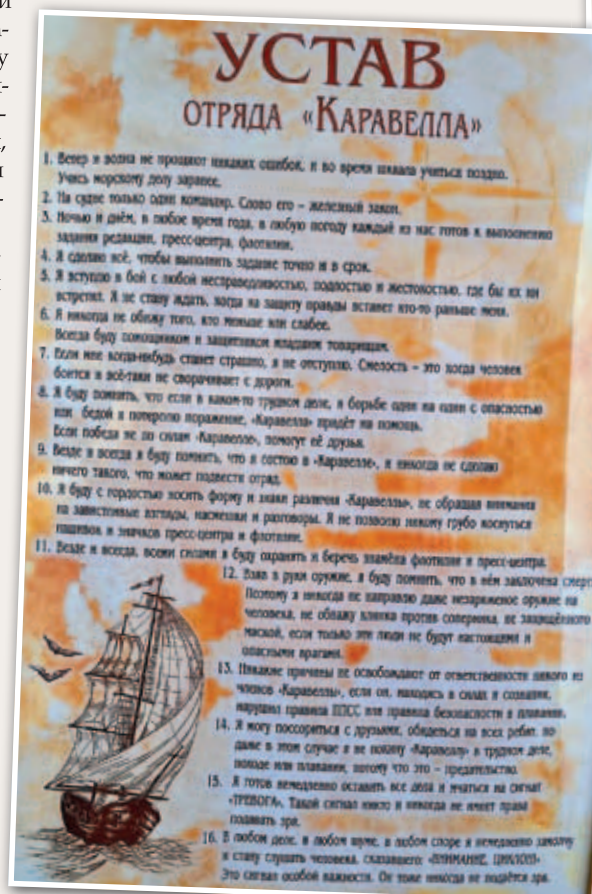
Ещё раз подчёркиваем, чтобы не было никаких разночтений и исторических искажений. Центр гражданско-патриотического воспитания «Каравелла» вырос из непризорной дворовой ребячьей компании «БВР» (с 1961), которая постепен-

но трансформировалась и превратилась в группу «Мушкетёр» (с 1964), затем пионерский пресс-центр «Ветер» (с 1965), затем пресс-центр и парусную флотилию «Каравелла» (с 1968). Этот отряд стал неотъемлемой частью истории всего детского движения Советского Союза. Отказаться от этой истории невозможно, потому что мы понимаем слово предательство как измену своим идеалам, ценностям, традициям, а главное — тем ребятам и взрослым, которые создавали, отстаивали, защищали, продолжали и развивали «Каравеллу» на протяжении всех шести десятилетий.

Создавая с ребятами «Каравеллу», писатель Владислав Крапивин воплотил в жизнь иную реальность. Как сказали бы философы, инобытие. Жизнь, устроенную по законам гуманизма и коллективизма. «Пионеринг», как воспитательная система, был взят за основу, прежде всего, в силу своей особенной методики. В России такую систему воспитания детей стремились построить давно: Л.Н. Толстой, С.Т. Шацкий, И.Н. Жуков, А.С. Макаренко, К.И. Май, В.А. Сухомлинский, И.П. Иванов и многие другие. Как известно, труд великих учителей не был напрасным. Многие последователи не раз стремились повторить результаты передового опыта. К сожалению, не у всех это получилось. Феномен «Каравеллы» в том, что, как материнская организация, в дальнейшем, начиная с 70-х го-

дов XX века, она смогла породить своим примером появление на территории СССР и России большого количества подобных крапивинских отрядов.

По утверждению В. Крапивина, старшего командора, вместе с ребятами создавая «Каравеллу», никогда не имел

В конце марта 1970 года отряд «Каравелла» принял участие в игре «Зарница-4» Тисюловского района Свердловска. Он выступал в роли отдаленного резервного подразделения морской пехоты. Во время наступления отряд вышел на правый фланг «зеленых» и сорвал их контрудар из засады. По утверждению организаторов и кураторов посредников, отряд проявил удивительную выдержку, продемонстрировал полную дисциплину и большую выносливость, оказавшись одним из лучших подразделений.

целью многолетнее, плановое руководство какой-то глобальной детской организацией. Отряд, по своей экипажной структуре очень напоминавший большую разновозрастную семью, возник как прямая альтернатива проявлению авторитарности, давлению и жестокости в семейном и школьном воспитании. Подобный эксперимент был нужен для того, чтобы показать, как жизнь детей в системе дополнительного образования может стать неформальной, когда у ребят возможно интересное и радостное детство. Если со все-

ми линейками, парадами, знаменами и барабанами макулатуру собирают не по указанию и в рамках какой-то акции, а просто так, чтобы сдать на талоны и получить интересные книжки. Тогда на первый план выходит другой результат. И если существует пространство, в котором дети учатся видеть не только далекую коммунистическую перспективу, но и вполне ощущаемые изменения собственной личности, то все, даже самые младшие ребята, начинают вести себя по-другому. Устав помогает регламентировать отношения всех и почувствовать спокойствие и коллективную защиту от всяческих невзгод и потрясений. С другой стороны, всё останется на бумаге, если её не одухотворить. Читая книги про настоящую дружбу и боевое товарищество, хоть раз не почувствовав это в жизни, сам таким не станешь.

Так зачем она все-таки была нужна эта самая «Каравелла» не только Крапивину, но и всем нам? Когда у человека есть место, где он может получить поддержку, обрести опору, узнать много всего нового и интересного, открыть свой талант, для него, конкретного и реального, это же и есть настоящее счастье. Может быть, с точки зрения взрослого мира это не так масштабно и значимо. Но, когда на выходе получаются не миллионы подготовленных бойцов, а настоящая яхта, кинофильм, документальная книга, картина маслом, песня, литературный альманах, соревнования, поход, решается какая-то непростая психологическая проблема, люди тоже становятся другими.

А потом приезжающие гости не только из России, но и из-за далеких рубежей с удивлением и восхищением говорят: «Как у вас всё правильно устроено, оформлено и про-

думанно для детей в каждом помещении. Ваши каравелльцы так похожи на героев крапивинских книг. Они такие свободные, самостоятельные, ответственные. Открытые взгляды у ребят. Какое-то чудо! Как вы таких детей делаете?». Чудо в том, что книги и люди способны проникать друг в друга. Произведения Владислава Крапивина смогли рассказать читателям то, что показывала автору сама жизнь. Гений только уловил эти невидимые струны, потоки, параллельные пространства, волшебство и чудеса реальности. «Ковер-самолёт», «Лётчик для особых поручений», «В ночь большого прилива», «Та сторона, где ветер», «Дети синего фламинго», «Трое с площади Карронад». Они отражали и художественно преображали жизнь в тонких хитросплетениях сюжетов и характеров.

В семидесятые из-под пера писателя выходят повести, литературные сказки, фантастические рассказы и даже первый роман. Какой? Конечно же, посвященный тем, кто наполняет жизнь создателя типажими, героями, сюжетами и приключениями. Мальчишка со шпагой. Он ворвался в литературу и сразу покорило многих. Герой, который боится, но все равно не сворачивает с дороги. В результате каждая новая повесть Крапивина, опубликованная на страницах «Пионера» и «Уральского Следопыта», становилась сенсацией. Популярность изданий фантастическая. Тиражи миллионные. Книги выходят в разных издательствах. Начинаются переводы на другие языки мира. На фоне всего этого автор совершенно не зазнался. Только голос молодого писателя звучал всё громче и увереннее. Два художника: Евгений Медведев и Евгений Стерлигова — наполнили тексты визуальными образами, которые, соединенные со словами, комплексно создавали удивительный полус легкости, романтики, красоты и света.

Про «Каравеллу» никто тоже, конечно, не забывал. Пиар-кампания по продвижению методики воспитания детей по-новому была запущена через коллективные корреспондентские материалы. И к «Каравелле» потянулись люди, не только дети, но и взрослые. Они приезжали в дом, живописно разрисованный картинами мариниста Евгения Пинаева, и не могли наговориться, почувствовав родственные души и общую волну притяжения. Некоторые, приехав на час, оставались рядом на долгие годы. **✎**

Уральский рябчик

Как же быстро весна вступает в свои права на уральской земле! Кажется, что вот еще совсем недавно стояли тридцатиградусные морозы, а теперь уже «ожили» ручьи и появились проталины, кое-где на ветках кустарников набухают почки, реки же буквально на глазах освобождаются от ледяного панциря, и вдруг, как будто по мановению волшебной палочки, тайга озвучилась песнями и трелями разнообразных пичужек.

Но в последние три года мне приходится с тревогой обращать внимание на низкую численность рябчика, этого вполне обычного для заповедной тайги пернатого обитателя.

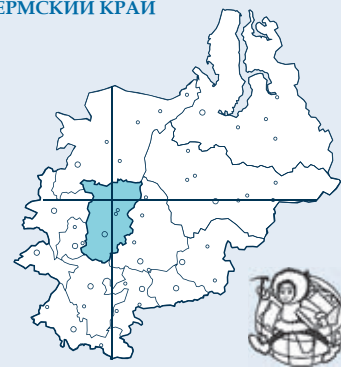
Рябчик (*Bonasia donasia*) — птица из рода рябчиков подсемейства тетеревиных семейства фазановых отряда курообразных. Он самый мелкий представитель тетеревиных, и масса даже самых крупных особей редко превышает 500 г. Свое название он получил благодаря пестрому, «рябому» окрасу. В мире насчитывается около 40 млн птиц, из них большая часть приходит-

ся на Россию. В последние годы отмечается сокращение мирового поголовья, но он находится вне угрозы вымирания. Выделяют 11 подвидов, которые между собой слабо отличаются.

«Молчаливая» птица

Рябчик — одна из наиболее известных лесных птиц. В первую очередь он имеет значение как важная охотничья птица с деликатесным мясом. В прошлом во многих странах практиковался лов рябчика в промышленном масштабе, причем из Российской империи и СССР до 1970 годов экспортиро-

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Сергей Зимин

С 2017 года работает в ФГБУ «Государственный природный заповедник «Вишерский». Окончил Вятскую сельскохозяйственную академию. Биолог-охотовед. Занимается изучением охотничьепромысловых млекопитающих.

Фото автора
и Василия Колбина.

▲ Самец рябчика

▼ Гнездо рябчика

▼ Птенец рябчик в возрасте двух недель

вали сотни тысяч тушек. Сами же промысловые заготовки в начале XX века достигали 7 млн птиц. Добывается он преимущественно с ружьем на манок, а среди населения кое-где все еще распространена самоловная добыча петлями-жердками.

По современной систематике, рябчик выделяется в отдельный род *Bonasa*, хотя в старых источниках (начала и первой половины XX века) рябчик причислялся к тому же роду, к которому причислялись тетерев и глухарь — Tetrao. Рябчики, обитающие на Урале, принадлежат к описанному в 1916 году С. А. Бутурлиным подвиду *Bonasia bonasia sibiricus*.

Самцы и самки внешне очень похожи, но у самцов характерное черное пятно на горле и хорошо выраженный хохолок. Это довольно молчаливая птица. Основной голосовой сигнал — протяжный и очень тонкий свист, состоящий из двух длинных и нескольких коротких звуков, при тихой погоде можно услышать за 100 м. Характер звукового рисунка несколько отличается у полов, у самца его определяют как «фиить, фюийть, фюийть-ти-ти-те-тю».

Рябчик — обладатель бореальных лесов Евразии. Историческая область распространения простирается от Западной Европы к востоку до Колымского хребта, северной Японии и Корейского полуострова. Однако в Западной и Центральной Европе рябчик уже в XIX веке исчез из большинства мест обитания, сохранившись в виде отдельных популяций в некоторых горных районах. В более позднее время он исчез во многих местах Китая и Монголии из-за сведения лесов. Невольно приходится делать аналогии с нашими сибирскими и дальневосточными леса-

ми, которые также подвержены варварскому использованию.

На Урале можно выделить несколько популяций рябчика: северную, населяющую кедрово-сосновые и елово-пихтовые леса с примесью лиственных пород в малообжитой половине века; средне-уральскую в смешанных лесах в районах с развитой промышленностью и популяцией южных сосновых лесов. Рябчики северных лесов Урала, в отличие от популяции более южных районов, в весенний период в значительной мере питаются ягодами клюквы и брусники, хорошо сохраняющимися еще до июня. Второй отличительной особенностью этой популяции являются резкие колебания численности. По материалам заповедника «Денежкин камень», в 1950 годы прошлого века за 12-летний период 7 лет численность была низкой (от 0,7 до 3,8 птицы на 10 км маршрута) и 5 лет — высокой (от 8 до 12 встреч на 10 км).

В заповеднике «Вишерский» за период с 2008 по 2020 годов встречаемость рябчиков не превышала 5,8 птицы на 10 км маршрутов, а в последние три года характеризуется крайне низкими показателями от 0,2 до 0,6 птицы на 10 км маршрутов. В данном случае холодные весенние дни 2017–2018 годов, сопровождающиеся минусовыми температурами и выпадением снега в середине июня, вполне ассоциируются с весенними северо-уральскими холодами 1958 года. Еще в 1957 году в Ивдельском районе Свердловской области некоторые охотники добывали 30–50 рябчиков в день и сдавали до 500 птиц за сезон, а к осени 1958 года охотник на соболя и белку встречал в день не более 2 рябчиков. Кроме того,

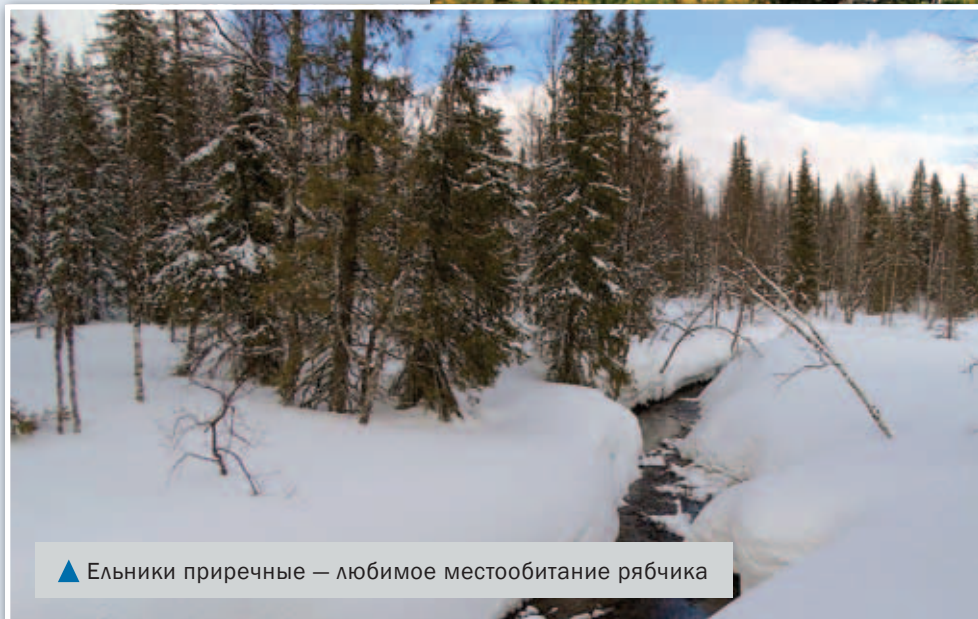
ситуация повторилась и дальнейшими событиями, связанными с последующей наступившей сильной засухой, приведшей к неурожаю всех видов ягод и пересыханию многих водных источников. По наблюдениям известного зоолога А.И. Формозова, осенью рябчик не встречается там, где не было водоемов, и он больше других тетеревиных нуждается в близости воды.

Скрывается под снегом

Сведения об отрицательном влиянии холодных весен 1958–1959 годов на численность тетеревиных были получены из различных районов европейского Севера и Западной Сибири. В результате была получена глубокая депрессия численности рябчика. Ситуацию за этот период очень полно характеризует сообщение сотрудника Института географии АН СССР А.О. Кеммериха: «Летом 1959 года за весь период экспедиции длиной 600–700 км по восточному и западному склону Приполярного Урала рябчик был ни разу не отмечен (только один раз была встречена глухарка с выводком)».

О снижении численности рябчика писали из Уватского района Тюменской области, Троицко-Печорского и Корткесского районов Коми АССР, Верхнетомского и Вилегодского районов Архангельской области, Гайнского, Добрянского, Красновишерского и Чердынского районов Пермской области и окрестностей г. Кизел. В конце мая 1959 года в Чердынском районе глубина свежесвалившегося снега достигала 40–50 см. В окрестностях г. Оханска снег глубиной 8 см держался 4 дня. После этого охотники находили гнезда боровой и водоплавающей дичи с замерзшими яйцами, а в уцелевших выводках летом было отмечено только 3–4 птенца.

Популяции рябчиков среднеуральских смешанных и южных сосновых лесов имеют более постоян-

▲ Ельники приречные — любимое местообитание рябчика

ную численность, не испытывающую таких колебаний. Это, по-видимому, связано с более мягким климатом. Поздние весенние похолодания здесь хотя и обычны, но, как правило, бывают кратковременными (1–2 дня). Ягоды в весеннем питании рябчиков на Среднем Урале не имеют такого значения, как в северных лесах. Здесь весной раньше появляется зеленая растительность (кислица, пушица и др.). На опушках леса, на прогреваемых участках на склонах оврагов довольно рано появляются насекомые. Большое значение имеет и пестрота разновозрастных лиственных и хвойных насаждений, чередуясь с полями, вырубками, гарями, сенокосами, что дает разнообразность кормов и укрытий. При этом еще в 1960-х годах прошлого века исследователи отмечали, что наибольшее влияние на численность рябчика в этих местах оказывала непомерно развитая любительская охота и его истребление вблизи крупных населенных пунктов.

Районы же южных сосновых боров Урала, где условия существования рябчика менее благоприятные и численность его также подорвана перепромыслом, характеризуются повсеместной низкой его численностью.

В заповеднике «Вишерский» рябчик населяет всю покрытую лесом часть территории заповедника. В горном районе живет лишь в долинах рек и ручьев, на нижних частях склонов гор. В полосе низкорослого редколесья и выше, на склонах горных тундр, рябчик уже не встречается. Кормясь в течение всего снежного сезона березовой сережкой и почками лиственных пород, рябчики держатся в ельниках, где много березы, главным образом прибрежных.

Суровые зимние месяцы (короткий день и сильные морозы) ограничивают деятельность рябчиков. В это время они взлетают из-под снега лишь на короткое время на березы и ольхи, чтобы набрать в зоб необходимую порцию корма, и тотчас же скрываются под снегом

▲ Подгольцовая зона – верхняя граница местообитания рябчика

от губительного действия холода. Под снегом вырывают себе лунки на глубине примерно 30–35 см. В гнездовой период рябчик также приурочен к прибрежным и заболоченным ельникам, где активно использует в пищу побеги черники. Лишь в июне, с появлением выводков, они переселяются в станции, богатые травяной растительностью, — травные ельники, а в июле чаще всего встречаются на прибрежных лугах, граничащих опять-таки с ельниками. Большое значение в питании этого вида летом имеют семена марьяника и осоки. В августе и сентябре, питаясь преимущественно ягодами, рябчики населяют станции, наиболее богатые черникой и брусникой, придерживаясь мест с наличием ели или елового подростка. Из животных кормов, которые рябчики усиленно употребляют в июле-сентябре, наибольшее значение имеют муравьи. В октябре рябчик уже переселяется в свои зимние станции — прибрежные и приручьевые ельники, концентрируясь на некоторое время на местах, богатых рябиной и шиповником. А.Н. Формозов указывал, что рябчику необходимо «наличие ели как защитной породы и наличие корма» и что «количество рябчика, если, откинув значение кормов, прямо пропорционально сомкнутости крон ели». Ни разу не было отмечено случая, чтобы рябчик летел над лесом или садился на вершины хвойных деревьев.

Эти птицы совершают свои короткие перелеты среди густого леса, редко поднимаясь на полкроны дерева. Обнаружить прижавшуюся к стволу дерева птицу весьма трудно, так как окраска прекрасно маскирует ее на фоне стволов ели и покрытых лишайниками ветвей. Кроны елей дают рябчикам хорошую защиту также в период дождей и осенних снегопадов.

Много врагов

Не менее важное защитное значение в бесснежный период года для этих птиц имеет валежник. Гнездо рябчика, расположенное среди валежника и бурелома, трудно найти даже тогда, когда с него вспугнута самка. В этом случае самка, вытянув шею и прижимаясь к земле, незаметно уходит от гнезда, пробираясь под упавшими деревьями или вдоль них, и, лишь пройдя от него значительное расстояние, обнаруживает себя. Еще не умеющие летать птенцы в первые дни своей жизни прячутся от преследователей также в буреломе и валежнике. По первому тревожному крику самки молодые рябчики мгновенно разбегаются в разные стороны, забираясь в дальний уголок кучи валежника и под вывороты корней. Также зачастую прячутся в валежнике и линяющие самцы, которые на период линьки концентрируются на захлавленных участках леса.

Для рябчика, как для всех тетеревиных, исключительно важную роль в пищеварении играют гастролиты (желудочные камни минерального происхождения, которые способствуют перетиранию плотной и волокнистой пищи). Летом их функцию выполняют семена малины, костяники, черемухи, шиповника и других ягод.

Рябчик — моногам и большую часть года держится парами. Отдельные пары строго придерживаются избранного ими определенного участка леса и покидают его лишь в случае недостатка или сезонной смены кормов. Период весеннего токования отмечается в марте или апреле. Весь период тока самец постоянно держится около своей, еще с осени выбранной самки. Такая пара рябчиков в это время, как и в остальную часть года, постоянно держится в занятых ею строго ограниченных участках леса. Токование самца выражается частым пением и преследованием самки. Он распускает хвост и веером волочит по земле крылья. На «интенсивность» весеннего пения влияет и плотность населения птиц. Чем рябчиков больше, тем теснее соприкасаются участки, занятые отдельными парами, тем азартнее поют самцы.

Лишь в период появления выводков линяющие самцы живут отдельно, а затем всю осень рябчики встречаются стайками, первоначально выводками, концентрируясь на ягодах.

Разбивка на пары происходит осенью и лишь частично весной. Спаривание и кладка яиц начинаются во второй декаде мая, в затяжные весны несколько позднее. Устройство гнезд рябчика весьма примитивно и представляет собой углубление в слое отмершего лесного покрова с глубиной лотка 4–5 см. Как правило, гнездо располагается на возвышенных местах, наиболее сухих и ранее всего освобождающихся из-под снега. Самцы не покидают самок во время насиживания и нередко держатся около них почти до вылупления птенцов. Чаще встречаются кладки 7–9 яиц, при этом среднее число молодых в выводках составляет 5–6 штук. Имеется одно интересное сообщение из Амурской области, что на одном из обширных островов р. Зеи было обнаружено гнездо рябчика на дереве (черной березе) на высоте 5 метров. В возрасте около 10 дней птенцы уже перепархивают на небольшое расстояние между кронами деревьев и от преследователей прячутся среди густых ветвей ели.

В дикой природе лишь единичные особи доживают до 7–8 лет. У рябчика много врагов. Он является одним из кормовых объектов лесной куницы и соболя, поедается горностаем, росяхой, а из хищных птиц в особенности ястребом-тетеревятником; кроме последнего, рябчиков ловят беркут, ястреб-перепелятник, чеглок, филин, орлан-белохвост и сарыч.

В прошлом, когда рябчик был многочисленнее, плотность его поголовья в лесной зоне достигала приличных показателей. Так, по данным, приводимым в литературе начала 1950-х годов, на европейском Севере СССР в припечорских лесах на площади в 1 км² считывали от 17 до 37 птиц, а в Горьковской области в отдельных районах — до 75–100 рябчиков на 100 км².

Данные генетических исследований 2000-х годов говорят о филогенетической обособленности рябчика от дру-

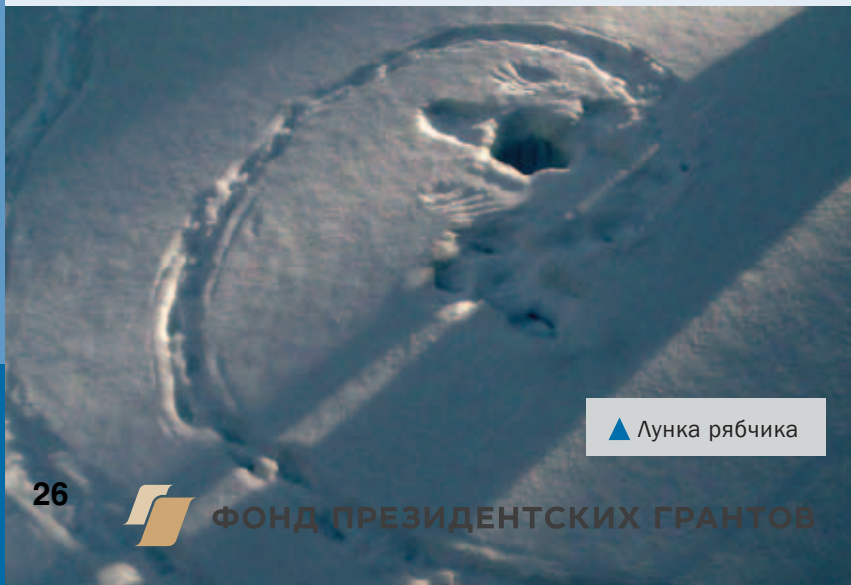
▼ Подросший птенец рябчика

гих тетеревиных. Несмотря на это, изредка учеными все-таки отмечались случаи гибридизации рябчика с другими тетеревиными птицами. Л.П. Сабанеев в 1877 году сообщал, что единственное известное ему чучело гибрида тетерева и рябчика находилось в Российской академии наук. Также ему были известны помеси рябчика и белой куропатки, встречавшиеся в Олонецкой губернии у Водлозера. В начале 2020 года исследования ДНК необычных птенцов, обнаруженных в финской Лапландии, также показали, что это помесь рябчика и белой куропатки; предыдущий случай в Финляндии был описан в 1855 году.

Подобно другим тетеревиным, рябчик часто купается в пыли и песке, осво-

бождаясь таким образом от эктопаразитов и очищая перья. Помимо пылевых ванн, рябчики весной проводят интегральную процедуру, связанную с уходом за оперением и очищением — купание в муравейниках. При этом они провоцируют нападение муравьев, обрызгивающих перья птиц муравьиной кислотой.

Именно с этой замечательной птицей связаны первые воспоминания у начинающих охотников, а в некоторых местах русского севера с рябчиком в прошлом был связан ряд поверий и легенд. Одну из них приводит в 1877 году Л.П. Сабанеев: «По мнению промышленников, рябчик в прежние времена «живал большой» и в старые годы был больше глухаря, но как-то раз шел лесом святой человек, что жил в лесу один и спасался. Богу ли идучи он молился аки задумался, а рябок вспорхнул да испугал святого человека; вот в те поры бог и наказал его — сократил рост, повелел рябку быть малой птицей, чтобы, летаючи, шуму делал меньше, да и не пугал людей». Кроме того, в литературе рябчики фигурировали как деликатес для высших сословий общества, например, в сатирической сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» и знаменитом двустишии В.В. Маяковского про «ананасы, рябчиков и буржуев». 📖

▲ Лунка рябчика

Уникальная коллекция изданий лесного профиля

Почему Лестех?

Уральский государственный лесотехнический университет – единственный вуз в Урало-Сибирском регионе, готовящий специалистов лесного профиля. Богатая история, научные школы и накопленная материальная база являются огромным потенциалом для подготовки кадров в лесном комплексе, экологии, экономике, туризме для достижения целей устойчивого развития.

Телефоны приемной комиссии:
(343) 221-22-00, 8-800-350-61-10

Самая известная библиотека древности ассирийского царя Ашшурбанапала существовала около 3000 лет назад и насчитывала более 20 тысяч глиняных табличек с клинописью.

С развитием технологий формы и способы фиксирования информации менялись, но роль библиотек как хранителя знаний остается неизменной, потому что в каждом фонде есть своя «изюминка» – уникальные издания.

Библиотека Уральского государственного лесотехнического университета возникла одновременно с созданием института в 1930 году. Основой для ее создания послужил книжный фонд лесопромышленного факультета УПИ, состоящий всего из 6690 единиц хранения.

Библиотеке повезло, ведь ее профильный фонд в первой половине XX века постоянно пополнялся за счет коллекций Московского лесотехнического института, Всесоюзного научно-исследовательского института древесины г. Свердловска, Красноярского лесотехнического института. Осталась на Урале часть книг из эвакуированного в годы Великой Отечественной войны фонда Белорусского лесотехнического института. Научные труды и профессиональные журналы по лесной промышленности,

лесному хозяйству, лесохимии и деревообработке составили уникальное ядро фонда, и к 1946 году он насчитывал уже 400 тыс. экземпляров.

Особой ценностью библиотеки является фонд изданий, которые в Свердловской области более нигде не комплектовались. Только в научной библиотеке УГЛТУ вы можете найти «Руководство к лесоводству» Феодора Карловича Арнольда 1856 года издания в Санкт-Петербургской типографии Якова Трея или «Очерки природы» П. Гартинга, переведенные с немецкого и изданные книгопродавцем А. И. Глазуновым в 1860 году в Москве.

К юбилею вуза в 2015 году научная библиотека сделала необычную экспозицию своих артефактов: печатная машинка, каталожные карточки,

первые диссертации, защищенные в университете. Но настоящим открытием стали журналы конца XIX – начала XX века. Кто бы подумал, что уже в 1923 году в России издавался экономический журнал «Восточно-европейский лесной рынок» сразу на двух языках: русском и немецком.

Уникальность фонда является предметом гордости вуза и кладом для научных изысканий исследователей природы Урала, истории лесного дела и лесной промышленности. В университетской библиотеке есть все, для того, чтобы вести полноценную научную и образовательную деятельность, а работники библиотеки всегда готовы вам в этом помочь. Работать с фондом может любой желающий в режиме читального зала, что делает его еще более привлекательным.

*Научная библиотека УГЛТУ
по материалам СМИ*

Председатель комиссии уполномочен заявить

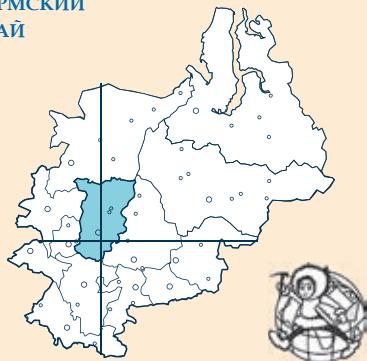
Забытые катастрофы на Урале

Юрий Мамонтов

В 1977 году закончил Армавирское училище летчиков. Служил в истребительной авиации ПВО. Летал на дальних перехватчиках в Заполярном Урале. Военный летчик 1 класса. Ветеран военной службы. Ветеран Труда.

**ПЕРМСКИЙ
КРАЙ**

Автор благодарит за оказанную помощь, представленные уникальные фотографии музей Университета Гражданской авиации в Санкт-Петербурге, историка-исследователя, консультанта музея Геннадия Федоровича Петрова.

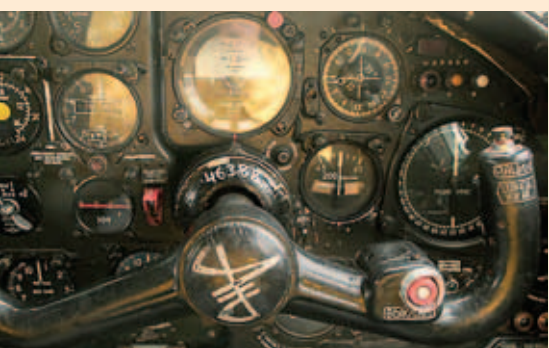
Больше года я не мог подступиться к этому случаю. Отправлял в редакцию рукопись и возвращал её назад. Дорабатывал, добавлял, бросал в корзину или откладывал в ящик стола. Доставал снова и писал.

Пермь. Январь 1973 года. Экипаж Ан-24Б с бортовым номером 46276 Краснодарского 241 авиаотряда приступил к снижению. Позади Краснодар (пункт взлёта), посадки в Волгограде, Саратове, Казани. Вылет из аэропорта Казани в 20 час 46 мин. За бортом глубокая ночь. До аэропорта Перми оставалось чуть более сотни километров...

Разрушенный фюзеляж самолёта был найден на следующий день в 14 часов дня. В глубоком снегу он был в перевернутом положении. Положение

останков фюзеляжа самолёта — южное направление. Признаков пожара или взрыва не было. Недалеко от места падения фюзеляжа — хвостовое оперение, части плоскостей (удаление 800 метров), отдельные мятые детали в результате удара: радиолокатор, люк радиоотсека (удаление 2000 м). Части обтекателя радиолокатора на расстоянии более 5000 м от фюзеляжа. Расстояние до аэропорта — 91 км. Самолёт упал в 900 метрах от деревни Петухово (к ней смог доползти после падения один пассажир).

Комиссия восстанавливает предшествующий этап до снижения и самоснижение. Высота 5700 метров. В 21 час 36 минут пролёт Ижевска. В 21 час 48 минут удаление до Перми 130 км. В 21 час 54 минуты командир экипажа доложил о начале снижения с курсом 60 градусов к аэропорту Перми. Автопилот отключён.

Заданную диспетчером высоту 4500 метров экипаж не доложил. В 22 часа 03 минуты на запрос диспетчера экипаж не ответил. В воздухе обстановка спокойная, интенсивного радиосообщения нет. Облачность слоисто-кучевая. Верхний край 4200 метров, нижний — 500 метров. Слабая обычная болтанка для этой погоды и времени года. Ветер не более 80 км/час, встречный. Метеослужба опасных явлений погоды в районе аэропорта не наблюдала.

Объективный контроль установил: при переводе самолёта на снижение скорость составляла 370 км/час, а режим работы двигателей не изменялся. На скорости 460 км/час была уменьшена тяга двигателей путём перевода РУДов (ручки управления двигателями. — Примечание автора) на пониженный режим. В 21 час 55 минут началось плавное увеличение крена самолёта вправо, но с помощью штурвала. Скорость и вертикальная скорость стали расти. Крен увеличивался в течение 20 секунд и достиг 90 градусов. Незначительные отклонения штурвала против правого крена при скорости 650 км/ч были. Затем самолёт стал резко увеличивать угол снижения, в результате чего скорость достигла 860 км/час, а вертикальная скорость дошла до отметки 250 м/сек. Экипаж не предпринял каких-либо действий рулями управления для вывода самолёта из опасного разгона скорости и опасного угла пикирования. Возникла тряска и колебания самолёта, на высоте 3000 метров разрушился носовой обтекатель, а на высоте 2500 произошло разрушение самого самолёта. Оно произошло под воздействием аэродинамических нагрузок, значительно превышающих предельно допустимые. Столкновение с землёй в 21 час 56 минут мск времени со скоростью 220 км/час и вертикальной скоростью 45 м/с.

Медицинское заключение. Полученные травмы членами экипажа являются прижизненными. Состояние здоровья членов экипажа исключает возможность потери работоспособности в полете. Были выжившие после падения пассажиры, но они скончались среди обломков в первые часы после падения от ран и мороза (минус 40 градусов). Отдельные выжившие после па-

дения пассажиры замёрзли. А живые пассажиры после падения были. Единственный живой пассажир, которого обнаружили поисковики, умер по пути в больницу и пояснить ничего не смог.

Основываясь на предварительные выводы, эксперты предположили следующее:

1. столкновение в воздухе с посторонним предметом,
2. разрушение системы управления рулём высоты или элеронами,
3. отказ авиагоризонтов.

Но всё это встало под сомнение в процессе расследования и было исключено из версий катастрофы. Осталось одно: «Катастрофа произошла в результате быстро развивающегося правого крена, который привёл к резкому снижению Ан-24 и увеличению скорости выше допустимой, что привело к разрушению в воздухе». Но по какой причине это было, осталось загадкой.

Отказ управления подтверждён не был. Выявленных дополнительных признаков, которые могли подтвердить эту версию, не было. Обследовали все останки самолёта, но признаков взрыва не было. На момент катастрофы Ан-24 Б имел 10623 часа налёта и 11419 посадок. Самолёт считался достаточно «молодым» самолётом, он был выпущен с завода 31 августа 1967 года.

Стали запрашивать различные ведомства, которые так или иначе могли прояснить воздушную обстановку.

Министерство обороны запросило все свои подразделения. ВВС: «Перелётов и плановых полётов в этом районе не производилось». ПВО и ЗРВ: «Пусков ракет и полётов истребителей не было». РВСН: «Беспилотных средств, падений космических объектов в этом районе не было». ДОСААФ: «Полётов в ночное время не производили». Сухопутные войска: «Ночные стрельбы не выполнялись». ГВФ: «Полёты пассажирских самолётов вне трасс в районе падения Ан-24 и на расстояниях менее допустимых не выполнялись. Сближений воздушных судов не совершалось». Гидрометеослужба: «Запуск метеозондов в данном районе не производилось, метеозонды, запущенные в других районах страны, не могли достигнуть указанного места». Проверили график запусков.

Действительно, гидрометеослужба не была виновной в столкновении с Ан-24 Б с её оборудованием. Но здесь можно добавить, что в 1970 году под Новосибирском Ан-24 «якобы» имел столкновение с шаром-радиозондом. Произошла катастрофа. В обломках обнаружили отсутствие лобовых стё-

кол в кабине пилотов. Под Красноводском Ан-2 в наборе высоты столкнулся тоже с радиозондом. Там всё обошлось. О зонде: коробка, подвешиваемая под оболочку с передающей аппаратурой, весит не более 500 граммов. Были проверены все графики запусков таких зондов на большой прилегающей территории — запусков не было.

Всесторонние исследования к твёрдому и окончательному выводу главной причины гибели Ан-24Б не пришли.

Председатель комиссии уполномочен заявить: «Истинную причину катастрофы определить не представляется возможным».

После похорон экипажа на Славянском кладбище Краснодара в 1973 году руководством аэропорта был установлен мемориал, впоследствии он был изменён и торжественно открыт повторно. На похоронах экипажа не были названы причины катастрофы. Утвердительно никто сказать ничего не мог.

Шли годы, но причины катастрофы не отпускали тех, кто хотел знать истину, по причине которой упал в снежном поле Ан-24 Б и погибли пассажиры

с детьми и экипаж. Обратились за пояснениями к различным специалистам.

Заслуженный пилот России Юрий Сытник говорит: *«Меня настораживает, что экипаж, имея под рукой у каждого кнопку внешней радиосвязи, не нажал её — не вышел в эфир, не сказал что-то особое, значимое для земли».* Автор статьи: *потери сознания на этой высоте не могло быть, так как на этой высоте организм способен работать. Я сам и мои товарищи находились несколько часов в грузовой негерметичной кабине Ан-12 на высоте 6000 метров при перебазировании в Забайкалье. Юрий Сытник: «Отказ авиагоризонта — нет. Их три на приборной доске пилотов и запитываются они от разных источников питания. Одновременный отказ всех трёх невозможен».*

Известный уфолог Сергей Александров исключает столкновение самолёта Ан-24 с неизвестным объектом НЛО. Но... годами позднее северо-западнее этого места был поднят с боевого дежурства перехватчик моего одноклассника, в будущем лётчика-испытателя М. Он шёл на высоте 1000 метров с превышением относительно цели. Высоту цели определили — 600 метров.

На БРЛС (бортовая станция прицеливания) лётчик увидел цель. Поставил её на атаку. Увидел цель визуально. Высветились лампы «ПР» («Пуск ракет разрешён»). На бортовом экране цель пропала, на индикаторе кругового обзора на командном пункте цель также пропала, погасли лампы «ПР» в кабине истребителя, а то, что увидел визуально, исчезло. После посадки был предупреждён о запрете комментариев по этому случаю (материалы объективного контроля подтвердили факт нахождения цели на траектории пуска ракет).

Любопытна версия шаровой молнии. Вот что рассказывает Юрий Сытник, заслуженный пилот России, в связи с этой катастрофой: *«Шаровую молнию я увидел перед собой в полёте, она прошла через лобовое стекло в кабину, экипаж замер, затем вышла в салон к пассажирам и, покинув фюзеляж, взорвалась оглушительным хлопком позади самолёта».* Природа шаровой молнии необъяснима (комментарий автора — есть предположения учёных, что это плазмоиды разумны). А если виновна грозовая деятельность? Но тогда почему экипаж не увидел засветку на экране бортовой станции? Экран рядом, он включён — посмотри «внутрь тубуса».

Беседа со специалистами-ракетчиками, получаю ответ: боевая часть ракеты снабжена очень большим количеством шариков, эти шарики сделали бы сито из самолёта. Директор Музея войск противовоздушной обороны Юрий Кнутов однозначно говорит, что причина этой катастрофы является загадкой. Но при осмотре на земле останков самолёта в обтекаемом достаточно прочном носовом коке обнаружено круглое отверстие размером 230x285 мм.

Я не исключаю, что Ан-24 мог разломиться в воздухе на большой скорости (860 км/ч) при выполнении снижения. Но как он мог в такой режим по-

пасть? В пилотской кабине несколько человек, контролирующих поведение самолёта в воздухе, считывающих показания приборов и имеющих достаточный опыт полётов на этом типе. Прочность алюминиевого сплава обшивки самолёта была достаточной. После катастрофы Ан-10 Генеральный конструктор Антонов особо обращал внимание на прочностные характеристики металла, самого фюзеляжа, плоскостей. Юрий Сытник: «Самолёт Ан-24 имел малый налёт и являлся «молодым» самолётом».

Конечно же, запись переговоров внутри экипажа прояснило бы многое. Но была ли оборудована эта модификация самолёта речевым самописцем? А если да, то почему нет пояснений по переговорам внутри экипажа?

Теперь по осмотру останков самолёта. О краске.

Я столкнулся с отдельными комментариями по этой катастрофе, в которых отмечалось, что посторонняя краска на останках самолёта была различного цвета: жёлтого, тёмно-зелёного, оливкового, а в отверстиях

www.uralstalker.com

Комментарий

Владимир Катомин — ветеран гражданской авиации России. За плечами пилота много освоенных типов пассажирских и транспортных самолётов, полёты над территориями других стран. Командировка в Африку.

Этот случай я помню. Я жил недалеко от того места, где случилась эта трагедия. Потом я стал пилотом гражданской авиации и факты той катастрофы уже читал в авиационных документах. Вспоминаю, что одновременно рядом, если так можно сказать, был найден сельчанами предмет, похожий на трубу. Размер 1,5 метра шириной и длиной 3 метра. А в деревне всё сгодится. Тем более эта деталь была светлой и блестела на солнце. Применили по «назначению» — вкопав это в землю, сделав колодец. У тех, кто из него брал воду, начались боли в животе и началась рвота. Двое вскоре умерли. Колодец закопали. Все всё забыли. А деревня Петухово ушла в прошлое — там никто не живёт. Но из колодца выросло дерево непонятной формы.

Теперь по фактам, изложенным в статье. Моё мнение: самолёт столкнулся с космическим мусором, упавшим с больших высот в этом месте и в это время, когда шёл в Пермь Ан-24. По крайней мере столкновение было! Самолёт Ан-24 имеет передающую антенну. Она проводная. Находится над фюзеляжем. Она идёт от центроплана до верха киля. При столкновении была нарушена герметизация самолёта и разорвана антенна связи. Связь Ан-24 с Пермью исчезла. Была взрывная разгерметизация. При ней появляется туман. Так или иначе, работоспособность экипажа была нарушена. Удар по ушам и, вероятно, по причине кислородного голодания, стресса, болевых ощущений у экипажа получилась задержка для принятия решения. А время идёт — оцепенение, осознание произошедшего, борьба с самолётом и за секунду до столкновения — страх.

То, что кто-то из пассажиров остался живой, говорит о том, что крыло было целым до касания с земной поверхностью. А вот хвостовая часть фюзеляжа — она отвалилась в воздухе.

И ещё, хвостовое оперение — это усиленный элемент конструкции самолета, при испытаниях оно никогда не отделяется от фюзеляжа, самолёт ломается всегда в районе центроплана.

Почему самолёт перешёл в пикирование? Потому что была нарушена балансировка и управляемость, был «перекос» рулей и, вероятно, изгиб хвостового оперения на пикирование. В общем, был очень сильный удар каким-то предметом или несколькими. В результате появилась опасная трещина в хвостовом отсеке. Возникла вибрация, а на большой скорости появилась ещё обратная реакция на «дачу» рулей, самолёт, вероятно, стал выходить из пикирования, но хвостовая часть Ан-24 отделилась от фюзеляжа. При уменьшении скорости самолёт начал падать «сухим листом» с вращением, именно это дало возможность некоторым пассажирам остаться живыми.

И последнее, если бы на той модификации Ан-24 был установлен магнитофон, запись переговоров внутри экипажа, причина была бы понятна всем. Видеть экипаж нельзя. Они попали в ситуацию очень нестандартную и из неё никто выйти живым не смог бы.

найлены хлопковые волокна и мелкие волокна чёрного цвета. Посторонняя (жёлтая) краска была, оказывается, обнаружена не только на носовой части, но и на капоте двигателя. Об этом говорит Юрий Сытник. И он же добавляет, что цвет краски сопоставим с краской, которую используют военные. Моё мнение: краска могла быть от окрашенной и непросохшей стремянки, её в авиации красят в жёлтый цвет. С помощью такой лестницы осматривают самолёт. А обнаруженные повреждения могли оставить, например, буксировщик самолёта, «АПА» (автомобиль для подачи электроэнергии для запуска двигателей) или какое-либо другое специализированное транспортное средство. Виночник не доложил об этом ни экипажу, ни руководству. Не заметил? Экипаж просмотрел повреждение при осмотре перед вылетом? Торопились?

О волокнах. КБ Антонова лидировали по использованию стекловолоконных материалов. Использовались капроновые винты. Но позднее оказалось, что капрон в анкерных гайках и винтах «течет» и они не пригодны

для крепления даже несилевых соединений.

Изучая историю эксплуатации самолёта Ан-24, я нашёл следующее: для сохранения взлетной мощности двигателей при высоких температурах наружного воздуха провели испытания системы впрыска воды. Эта система была установлена на серийных самолётах и были случаи её самопроизвольного включения в воздухе. Так вот, в конце 1970-х годов на взлетевшем из Целинограда самолете пермского авиаотряда эта система самопроизвольно сработала на высоте 5700 метров и двигатели выключились. После потери 1500 метров высоты двигатели удалось запустить. И ещё — в одном из ранних полётов Ан-24 в носовой обтекатель РЛС попала молния. Обтекатель был доработан — в него ввели металлические шины и он успешно выдержал неоднократные испытания высоким электрическим разрядом.

Теперь мнение за читателями. А может быть, кто-то из читателей дополнит статью другими версиями о причинах катастрофы? Но какими? **✉**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фото автора

Михаил Колотов

Турист, охотник, стрелок-спортсмен. Родился и проживает в Екатеринбурге. Умеет метко стрелять, быстро ездить и разрабатывать эффективные стратегии. В первый поход отправился в 7 лет. Сплавы по рекам Урала начал с 1990 года. Предпочитает велосипед автомобилю и вообще за здоровый образ жизни. Считает Урал опорным краем державы.

Вспомним знаменитую формулу Суворова: «Пуля — дура, а штык — молодец». Все европейцы во все времена смертельно боялись рукопашной с русским солдатом — те шли на смерть с улыбкой, от которой у предков нынешних жителей Европы кровь стыла в жилах.

В мемуарах советских фронтовиков также очень часто встречается одна характерная деталь — бойцы Рабоче-крестьянской Красной Армии шли в штыковую атаку с улыбкой, которая буквально парализовывала гитлеровцев — они считали, что «тут что-то не так, они что-то знают». Улыбка плюс тельняшка, а немцы панически боялись советских моряков...

То, о чем так долго говорили — создать самый эффективный в применении складной нож — удалось воплотить «в железе» фирме Cold

Steel. Что может быть эпичнее штыковой атаки, атаки холодным оружием?! Ярость бойцов, чувство боевого товарища рядом, удар сомкнутым строем в гущу врага. Крики врагов, разрываемых холодной сталью. И звон разящих клинков, прокладывающих путь прямо сквозь врага, — и ничем не остановить их...

Steel. Встречаем: Cold Steel Counter Point XL CS_10AA с клинком из стали AUS10.

Отлично режут

Старшая модель в семействе (которая и рассматривается в настоящем обзоре) имеет клинок условно 6 дюймов, средняя — 4 дюйма и самая маленькая — 3 дюйма.

Сталь AUS10, из которой изготовлен клинок Counter Point II CS_10AA, — отнюдь не нова, это современная хромистая сталь для производства клинков с очень хорошим сочетанием твердости, ударной вязкости, удержанием режущей кромки, невысокой цены и достаточной коррозионной стойкости — сделана для замены ранее очень популярной, но сейчас скорее более морально устаревшей (нежели по характеристикам) 440C. Ножи из AUS10 от-

лично режут и достаточно долго не тупятся. Также преимуществом AUS10 является присутствие в ней ванадия, который добавляет металлу износостойкости. Диапазон твердости клинков составляет 58–60 HRC. В общем — годная ножевая сталь.

Длина разложенного — 325 мм, сложенного — 181 мм. Максимальная ширина сложенного — 43 мм. Толщина по рукоятке — 18,7 мм. Длина клинка до рукоятки — 142 мм. Длина клинка по ГОСТу (до ограничителя на клинке) — 131 мм, как видим, это меньше «заявленной» длины 6 дюймов, так что в параметры «не более 150 мм длины клинка» нож укладывается с запасом, он не является холодным оружием. Наибольшая толщина клинка — 3,9 мм, ширина клинка на среднем участке составляет 30,5 мм, спуски шириной 15,5 мм, которые делают клинок симметрич-

ным, образуя характерную кинжаловидную форму с полторной заточкой (в складном ноже невозможно заточить верхнюю часть). Сведение клинка в 0,8–0,85 мм — для выбранного профиля клинка этого достаточно для всех работ, а меньше у складного штык-ножа как-то и не комильфо.

Замок стандартный фирменный от Cold Steel — TriAdLock. Это лучший по совокупности характеристик замок для складных ножей, самый крепкий и надежный из всех имеющихся. Очень безопасный в обращении, поскольку обладает мощной прижимной силой и клинок вряд ли может самостоятельно раскрыться от случайных усилий. Не содержит тонких пружин, которые могут легко корродировать и доступ к которым весьма проблематичен. Здесь же единственная плоская толстая рессора, крепящаяся бэкспейсером, которая поджимает коромысло.

Клинок при отклонении из рукоятки до 45 градусов втягивается обратно и имеет значимое усилие страгивания, что является рекордным показателем в плане безопасности. Ножи с таким замком, в отличие, скажем, от того же лайнер-лока, можно носить хоть слева, хоть справа, хоть в заднем кармане, совершенно не опасаясь никаких сюрпризов по раскрытию и мелких порезов (совсем недавно очередной нож с лайнер-локом мне порезал сумку, в карман которой я убирал нож).

Качество отделки и сборки как для ножа «средней» категории — безупречное. Клинок ровно по центру. Придаться не к чему.

Острие спрятано надёжно

С первого, непосвященного, взгляда, кажется, что это большой нож. Это отчасти так, но удобство ношения зависит от величины кармана. В плане обращения это оптимальный размер. Масса чувствуется, но не слишком — 224 г. Габариты ножа позволяют легко носить его в карманах большинства брюк, ровно так же, как мы носим обычные ножи. Причем носить удобно как справа, в переднем кармане, так и без всякой перестановки клипсы — в левом кармане.

Материал рукоятки — так называемый Grivory. Это полимер из группы полиамидов с наполнителем из стекловолокна и частиц кевлара от швейцарской фирмы EMS-Chemie AG, по сути, аналог Zytel, с которым он сходен по составу, но рассчитан на более расши-

ренный рабочий диапазон температур и обладает большей прочностью на удар и излом. Хороший материал. Рукоятка имеет выраженное мелкое текстурирование, добавляющее адгезионных свойств.

Клипса из полированной стали (вот это действительно спорный элемент, было бы хорошо положить в комплект также черную клипсу), чуть тугая с завода, но каждый пользователь путем несложных манипуляций сам себе определит силу прижима путем отгиба оной. Клипса держится на трех винтах, она не выполнена в стиле потайного ношения и может быть переставлена на левую сторону в том же tip-up положении.

Острие ножа спрятано надежно и не имеет мерзкой привычки ре-

зать своего хозяина. Cold Steel уделяет большое внимание этой «мелочи» — и это правильно, так как мелкие порезы рук и сумок совершенно не красят производителя. Это, в общем, одна из причин, почему я рекомендую ножи именно этой фирмы. Надежность, прочность и безопасность — это не пустой звук, а именно с ними ассоциируется продукция от Cold Steel.

Открывается нож с сочным звонким щелчком, что является особенностью всех ножей с замком TriAdLock. Естественно, что если вы не хотите, чтобы этот щелчок произошел, и вам надо открыть нож тихо, то это легко делается двумя или одной рукой.

Согласно поговорке «Кинжал хорош для того, у кого он есть»

и на роль основного ножа «на всякий случай» этот нож прекрасно подходит.

Параметры рукоятки оптимизированы не под скрытое ношение (для этого в линейке Cold Steel есть модель Frenzy), а под максимальное удобное и безопасное использование ножа и быстрое доставание для этого применения. Любые хватки удобны.

Рукоятка имеет отверстие под темляк (Lanyard Hole). Нож XL типоразмера приобретает новое свойство, полностью отсутствующее у ножей меньших размеров (кроме SR1 и ему подобных), — возможность рубить! Один удар позволяет перерубить ветку в палец толщиной, а 3–4 удара — в два пальца. Для складного ножа это невиданное достоинство. С Counter Point XL

не надо носить отдельный рубящий нож для вырубки того же борщевика (очень вредное растение!). Не будете же вы постоянно таскать с собой большой нескладной нож или мачете. А тут идете себе по своим делам и самый обычный EDC-нож располагается у вас на кармане, видите борщевик — свист лезвия — и его развесистая крона больше не заслоняет от солнца местные растения.

Рез агрессивен

С открыванием ножа нет никаких проблем. Открывается уверенно и четко, хоть голой рукой хоть в перчатке. Передняя подпальцевая выемка образует надежный упор, защищая ваши пальцы от порезов при бытовых и не совсем бытовых работах.

Весь хозбыт ножом выполняется на отлично — нет ни одной работы,

где бы он спасовал. И форма клинка, и форма и размер рукоятки делают все удобным. Упоры рукоятки нисколько не мешают.

Counter Point XL годится на кухне для любых работ — хоть картошку почистить с яблоками (при этом резучее острие позволяет удалять глазки и порченные части), хоть салатик нарезать (овощи, фрукты), хоть мясо, хоть сыр. Ну а хлеб и офисные тортики и пироги благодаря размеру клинка — так вообще «на ура». В общем, по работе по продуктам ставлю твердую пятерку, без всяких скидок.

Рез агрессивен, затупления режущей кромки при бытовых работах за месяц не обнаружено, использования заточка осталась в первоначальном виде, хотя деревяшек постругано изрядно и колбасы порезано тоже вдоволь.

Функция проникновения в материал без нареканий. Нож погружается в материал уверенно, с естественным небольшим замедлением после погружения на верхней части клинка (это болезнь абсолютно всех ножей такого конструктивного решения).

Опять же размер клинка позволяет батонинг для раскалывания полешек вполне товарной (до 100 мм) ширины. Конечно, с осторожностью, это же складной нож!

Опять же при применении ножа в порядке защиты от хищных зверей или там бродячих собак его эффективность будет значительно выше любого другого складного ножа обычных размеров. Его веретенообразная форма рукоятки очень удобна, позволяет упор в ладонь и делает возможным хлесткие секущие удары. Выемка в наверху позволяет удобно накладывать на нее большой палец при обратном хвате. С ним в аспекте эффективности защиты от диких животных могут потягаться разве что большие Эспады, Раджа 2 и Luzon Large, но Counter Point XL проще их в ношении, так как в остальных упомянутых размер и масса для постоянного носимого с собой ножа уже превышает порог удобства.

Да, можно носить и малопуленький складной ножик, но это означает не знать про огромный пласт работ, который может быть выполнен ножом крупного, как для складного, размера. Как сказала одна девушка: размер не имеет на самом деле значения, но только если это большой размер! **У**

www.uralstalker.com

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР

Верх-Исетский

ул. Кирова, 71

тел: (343) 242-54-12 www.vizsport.ru

Топосъёмка в Катниковской пещере

Где взять карту пещеры? Можно, конечно, в информационно-поисковой системе спелеоатласа (speleoatlas.ru), но можно и построить самому. «Нет карты — нет пещеры» — распространённое выражение среди спелеологов.

К тому же вы никогда не найдёте имена первооткрывателей пещер на картах. Там только имена топосъёмщиков и тех, кто делал камеральную обработку — рисовал карту пещеры. Несправедливо? Нет. Топосъёмка — это большой труд. Люди, которые умеют это делать, высоко ценятся в любой экспедиции. Пришёл черёд научить делать карты пещер и наших новобранцев на курсе базовой подготовки спелеологов. Конечно же, сначала теория в городе, а затем выезд в пещеру на практику.

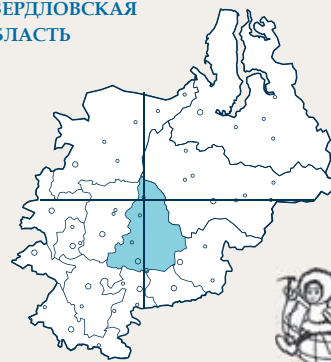
Как в приключенческих фильмах

Мы поехали в пещеру Катниковская в природном парке «Оленьи ручьи». Всё как в лучших приключенче-

ских фильмах: есть карта (у инструкторов), есть герои, которые горят желанием совершить подвиг, и есть задача — научиться делать топосъёмку пещеры.

Но как пустить в «бой» новобранцев без тренировки? Вот и мы сделали для них тренировочные трассы на поверхности — на деревьях развесили бумажные пикеты на разной высоте. Разбили новичков на группы и выдали наборы инструментов для топосъёмки. Кому-то достались современные модифицированные дальнометры, которые за одно нажатие на кнопку измеряют расстояние, угол наклона и азимут между пикетами. А одной команде досталась «классика» — набор из ленточной рулетки, тандема компаса с эклиметром + бумажная пикетажка с каран-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Ольга Черепанова

Спелеолог, один из организаторов курса.

Фото Оксаны Бердышевой, Бориса Голяшева, Ярослава Мурзина и Ольги Черепановой.

Уральский следопыт, май 2021

дашем вместо электронной, которая была в современном наборе. Поехали!

По проталинкам и подтаявшему снегу, под которым ноги в сапогах холодила уже появившаяся вода, ребята бегали между пикетами и измеряли параметры. В современном наборе получающаяся карта пещеры видно сразу на экране КПК или смартфона (правда, солнце нам всячески пыталось засветить экран, чего мы не учли – ведь в пещере нет такой помехи).

«Классики» строили карту сами на миллиметровке карандашом с помощью линейки и транспортира.

И вот он – желанный допуск в пещеру от инструкторов! Первую команду заслали как первопроходцев-разведчиков без приборов. Им поставили задачу – нарисовать карту пещеры от руки по глазомерным замерам. Карту мы им, конечно, дали, но это на экстренный случай – вдруг запаникуют и потеряются там. Хотя где там теряться?! Пещера небольшая – всего 357 м длиной и глубиной 5 м. Она удобна тем, что есть левая и правая части, а в них ещё разные ответвления и одноэтажный лабиринт – есть где разместить несколько групп так, чтобы они не мешали друг другу.

Кроме топосъёмки, все группы должны были проанализировать саму пещеру на возможность установки базового лагеря. В длительных экспедициях, вдали от цивилизации, если пещера большая

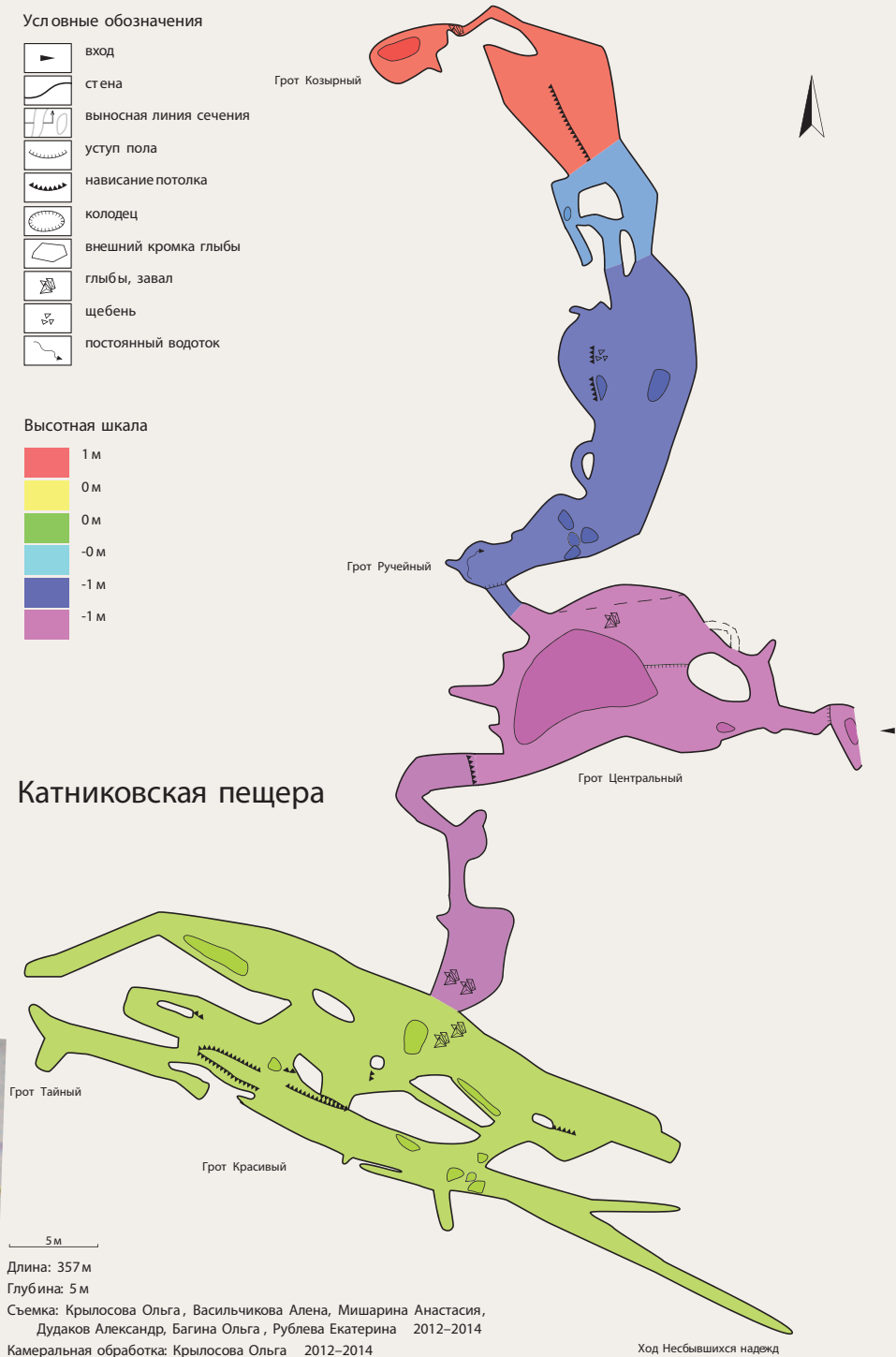
Условные обозначения

- вход
- стена
- выносная линия сечения
- уступ пола
- нависание потолка
- колодец
- внешний кромка глыбы
- глыбы, завал
- щебень
- постоянный водоток

Высотная шкала

- 1 м
- 0 м
- 0 м
- 0 м
- 1 м
- 1 м

Катниковская пещера

Длина: 357 м

Глубина: 5 м

Съемка: Крылосова Ольга, Васильчикова Алена, Мишарина Анастасия, Дудаков Александр, Багина Ольга, Рублева Екатерина 2012–2014
Камеральная обработка: Крылосова Ольга 2012–2014

Ход Несбывшихся надежд

сложная и глубокая, чтобы сэкономить свои время и силы, спелеологи устраивают себе дом под землёй. Называется он ПБЛ – подземный базовый лагерь. В нём, как в обычном доме, есть место, где можно комфортно поесть, поспать, разложить вещи и сходить в туалет. В современных экспедициях люди «заточены» под экологичность и стараются не оставлять после себя следов, поэтому почти всегда отходы своей жизнедеятельности из ПБЛ выносят на поверхность (даже из туалетов). Пещера Катниковская, как мы уже описали, – довольно простая и расположена в 1,5 км

от дороги, поэтому там ПБЛ не нужен по определению. Но уметь видеть, где в пещере есть подходящее место для «дома», очень важно. Это должно быть сухое, безопасное место, где исключены камнепады, где есть пространство, чтобы встать, разогнуться в полный рост. Объём для установки палатки или гамаков на всю группу (2–6 человек), место, где можно разложить транспортники со снаряжением. Одно подходящее место мы нашли, но пол там завален глыбами и пришлось бы его расчищать и выравнивать, чтобы сделать площадку хотя бы под палатку.

Трудные места запоминаются лучше всего

Но вернёмся к нашим топосъёмщикам. Они уже сделали замеры во всех магистральных ходах, гротах, лабиринте, дальних узких и мокрых ходах пещеры, среди которых всем наиболее запомнился «ход несбывшихся надежд», полностью оправдавший своё название. Трудные места в пещере всегда запоминаются лучше всего. Этому мы учим новичков с самого первого выезда — запоминать. Жизненно важно запоминать место, где ты сейчас находишься, глядя на него не только в сторону, в которую ты сейчас идёшь, но и в обратную. В обратную сторону тени от налобного фонарика ложатся на тот же самый рельеф совсем по-другому, и нам часто кажется, что мы тут не были, когда мы возвращаемся по этому же ходу назад. Это одна из главных причин, почему люди плутают в пещерах и не могут найти выход.

Команда «разведчиков-первопроходцев», облизав всю пещеру без приборов, выбралась на поверхность и нарисовала карту карандашом на листочке бумаги. Вот что у них получилось — можно сразу сравнить с планом пещеры, построенным по приборам. Сходства есть, но точности нет.

Остальные команды снимали современным набором топосъёмщика и сразу видели карту, которая у них получается на экране КПК (да! Солнце там уже никому не мешало). Эту карту специальная программа строит сама и её можно и нужно корректировать, чтобы она соответствовала самой пещере, чтобы вела нитку хода от правильного пикета, а не продолжала построение от тупиковой ниши например.

Это просто магия какая-то! Ещё 10 лет назад такое сложно было представить, а теперь это делают новички сразу после лекции! Ну ладно — после

хорошей лекции и серьёзной практики по пикетам на деревьях.

Трещина как фактор

И как же без третьей задачи? Она у нас тоже была. Если бы мы её выполнили, то задача-максимум этого выезда была бы достигнута. Нужно было составить описания пещеры Катниковская — заполнить вопросник из 26 пунктов. Мы заполнили только 15. На полянке в лесу, где нет интернета, невозможно найти данные о геологии, гидрогеологии и климате пещеры, если ты не специалист в данной области. Зато мы описали вход, его расположение относительно массива, распределение и виды отложений в пещере, заполнили данные о наличии снега, льда, капежа, мокрых стен,

текущей воды. Видели в пещере комаров, летучих мышей и бабочек (это для пункта про обитателей пещеры), а также отметили наличие обломков сталактитов. В XX веке пещера Катниковская носила другое название – Сталактитовая. Но после массовых бескультурных посещений в ней есть лишь обломки этих красивых пещерных образований.

Зато более крупная натёчка сохранилась. А также видно, как по трещинам просачивается кальцит – он более белый относительно стен.

Замечать трещины очень важно в пещере – ведь они один из трёх главных факторов, благодаря которым пещеры образуются. Два других фактора – это осадочная порода и текущая вода, способная растворять эту породу. В нашем случае порода – известняк. Воды тоже кругом полно – она поступает с поверхности, поэтому подкисляется углекислым газом воздуха, веществами на земле и продуктами жизнедеятельности различных организмов почвенного слоя и, попадая под землю, растворяет известняк на своём пути. Перепад высот и гравитация заставляют воду течь. Вода растворяет породу до своего предела насыщения, а дальше, согласно теории Ю.Е. Лобанова: «Если на пересечении трещин встретились две разные воды (разный химический состав, они обе уже могут быть насыщены и не способны к растворению), при смешивании этих вод образующаяся вода снова становится агрессивной и способной к растворению пород».

Почему это важное уточнение для образования пещер? Потому что если им пренебрегать, то невозможно объяснить образование пещер в глубине массива. Насыщенная вода

остановилась бы в каком-нибудь канале и на этом карстовый процесс бы закончился. Но благодаря феноменному смешиванию насыщенных вод в месте пересечения трещин, по которым течёт уже насыщенная вода, снова начинается образование пещеры и так они развиваются вглубь массива. В массиве на пересечении трещин образуются каналы, колодцы, органые трубы (пересечение вертикальных трещин), галереи, ходы (пересечение вертикальных и горизонтальных трещин), которые доступны для человека. Не будь этого, у нас бы все пещеры были в виде щелей. Плюс к этим процессам, поток, попавший в канал пересечения трещин, механически за счёт песчинок внутри него сглаживает стены этого канала – шлифует – и тоже увеличивает его.

Любой массив изрезан трещинами во всех направлениях. Эти трещины разных размеров, потому что порода в массиве не однородна и растворяется по-разному. Окремнённый известняк растворяется хуже, чем бывшие коралловые рифы например. Это причина того, что вода увеличивает одни трещины и может пропасть в других. Это приводит к разнообразию подземного ландшафта, различной высоте ходов и гротов, обрушениям и прочему.

В пещере Катниковская все ходы развиваются по трещинам, там, где гроты – там обязательно есть подсекающая трещина (и, может быть, не одна), благодаря которой и образовался объём за счёт выпадения камней в этом месте.

По трещинам можно искать перспективные продолжения пещеры. В этот раз мы их не нашли – день и так получился очень насыщенным.

Зато наши герои-курсанты нашли на проталинке недалеко от пещеры греющуюся на солнышке змею, а, уезжая домой, клеща на одном из рюкзаков. Это настораживающие находки, но они всё-таки радуют – природа просыпается после зимы.

Следующая пещера у наших курсантов будет уже отчётная – по итогам курса им предстоит выполнить 4 задачи: ориентирование в пещере, топосъёмку участка, установку ПБЛ и оказание первой помощи условно пострадавшему в пещере, но об этом в следующий раз. Пока же перед организаторами курса – спелеоклубом СГС г. Екатеринбурга – стоит задача успешно довести до конца курс, который реализуется при поддержке Фонда президентских грантов, и подготовить новых спелеологов. **УС**

Снег начинается в понедельник...

Павел Климов

Чемпион России по туристическому многоборью, мастер спорта, судья 1 категории. Путешественник, внештатный спасатель.

РЕСПУБЛИКА КОМИ

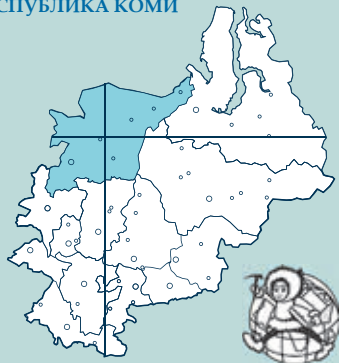

Фото из архива
«Уральского следопыта».

Словно приятная детская сказка начался этот поход. Сразу по приезде погода ненадолго улыбнулась нам, по-весеннему пригрела солнышком, рассеяла все тревоги и позволила настроить кучу самых радужных планов. Казалось, все снежные прогнозы не сбудутся, синоптики, как это часто бывает, ошиблись и нам повезет пройти все задуманное...

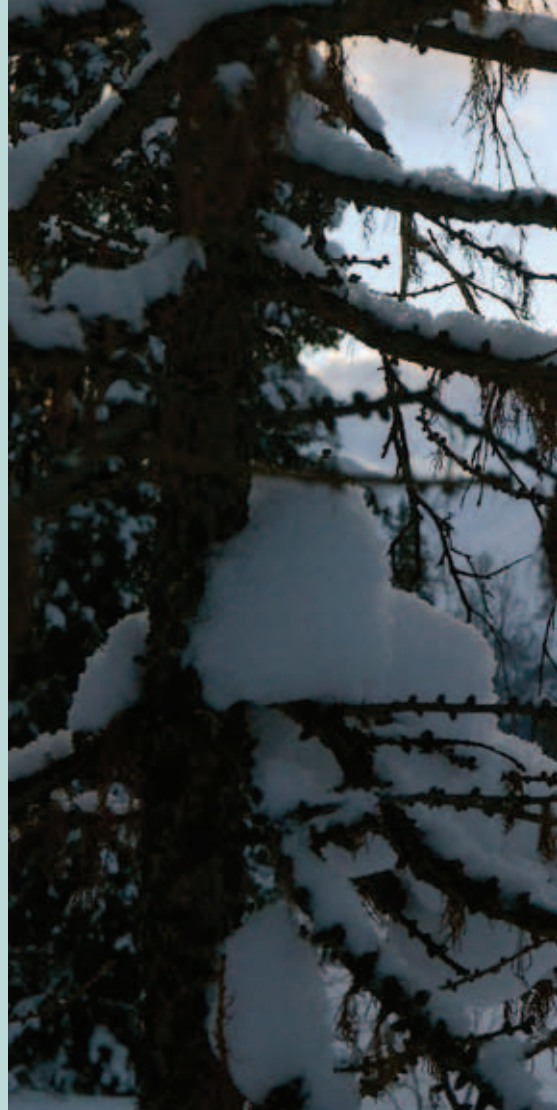
Мартовский снег может быть непривычно разным — липким, мокрым, влажным, а иногда кажется, что еще и немного теплым... Он может валить огромными хлопьями, прямо на ходу облепливая тебя со всех сторон и превращая в снежного человека, может сечь лицо колочей крупой, может, словно крылом бабочки, щекотать тебя за нос, а может, словно разогнавшийся шмель, ощутимо вклепить снежным комком прямо в щеку и тут же растечься холодной, влажной каплей, и вот этого решительно и совсем-совсем никак не ожидаешь от Приполярного Урала.

У мартовского снега на Приполярном нет компромиссов, он начинается

в понедельник, а заканчивается в субботу, он не знает, когда в горах настанет день и когда его сменяет ночь, ему попросту нет дела до этого. Все его заботы — это лучше укутать склоны гор и перевалы пушистым молочным покрывалом. Снежной пеленой выбелить и стереть горизонт, а если случится встретить тебя, то закружить голову, опутать и спеленать ноги, погрузить тебя в свой ослепительно-белый, безмолвный плен...

Снег великолепно умеет прятать от путника вершины гор и перевалы, на пару с ветром, мастерски, за считанные часы, заматывать следы и недавно проложенный путь. Но все же,

Встречный ветер

www.uralstalker.com

в какой-то очередной день снегопада ты все равно упорно идешь на вершину, не замечая и не видя ее очертаний, лишь повторяя мантру: вверх, пусти, хочу, еще шаг, еще вверх, вверх! Но пока идет снег, все оказывается напрасным, снег неумолим и безжалостен, сыпет и сыпет, забирает силы и точит волю и шепчет при этом вкрадчиво: «Тише, тише, куда ты идешь, за-

чем?» Свои планы снег знает и доводит до конца их всегда, а вот твои планы ему неинтересны совсем.

Царица всех Уральских гор — гора Манарага, прекрасная, величавая и своенравная. Как и положено царице, допускает к себе далеко не всех и не каждого. И все же одним погожим утром Манарага нам открылась и позволила подняться к себе. **УС**

Клятва альпиниста

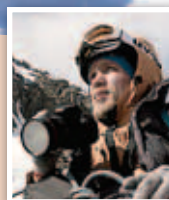
Март 2021 года. На календаре первый месяц весны, но для Урала это время года еще настоящая зима. И Молодежный клуб Нижнетагильского местного отделения Свердловского областного отделения Русского географического общества в этот «зимний» месяц ждало увлекательное путешествие с испытаниями силы духа и тела — квалификационные соревнования по альпинизму «Северный Урал 2021».

Чужая «зачатка» пригодилась

Итак, обо всем по порядку.

23 марта, вторник. Температура воздуха -6, снегопад, ветер умеренный. Мы собрали необходимое оборудование для восхождения на гору и организации быта и начали своё маленькое путешествие к базовому лагерю, который находился в 6 километрах от горы Серебрянский камень. Транспорт нас довёз до развилки дорог на поселок Кытлым и технической дороги к Конжаковскому камню. Оттуда еще почти 5 километров пути к базовому лагерю. С небольшими остановками, примерно за 2 часа

мы добрались до места. Оценив, где будем ставить шатёр и где у нас будет кухня, мы взялись за лопаты — необходимо было очистить землю от снега, чтобы правильно установить наш «домик» с печкой. Снега было примерно по пояс, но мы не унывали и, подменяя друг друга, справились с поставленной задачей. Установили шатер, пришло время расчистки места под костровище. Даже для «холодильника» нашлось место — снег был достаточно плотный, и мы сделали ниши в сугробе. Так появилось место для хранения продуктов, чтоб они не испортились, и части снаряжения, которое не требовалось остав-

Евгений Рябинин

Руководитель Молодежного клуба Нижнетагильского местного отделения Свердловской областной организации РГО. Руководитель туристического клуба «ИСТОК» п. Черноисточинск. Учитель физической культуры и ОБЖ МАОУ СОШ № 3. Турист, спортсмен и просто весёлый человек. Променил жизнь в городе на деревню.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

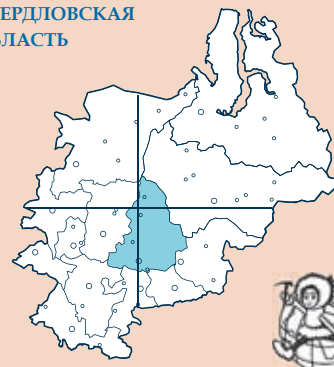

Фото автора.

лять в шатре. Наступил вечер. Примерно к 18.00 наше первое испытание было завершено.

Кстати, нам очень повезло, что рядом с нашей стоянкой мы нашли «зачачку» сухих дров, оставленную предыдущими путешественниками. Этих дров хватило и на приготовление ужина, и для печки, которую мы топили всю ночь.

Пришло время отдыха. Поужинав вкусным супом с фрикадельками (да, мы и такое можем в лесу!), перебрались в шатер. Разложили там коврики, спальники, сложили все мягкие вещи под голову, а альпинистское снаряжение прибрали в один угол у выхода, продукты — в другой. Установили дежурство у печки — это не просто обязанность, это особая походная романтика. Даже завели тетрадь дежурств с описанием очередности, в ко-

торой каждый записывал впечатления о прошедшем дне, о том, что происходило вокруг. Дежурили по одному часу и поочередно будили друг друга. Наш очаг горел всю ночь и ни разу не погас, в шатре было тепло и уютно до утреннего подъема, который состоялся, как положено, в 7 часов утра.

24 марта, среда. Температура -5 , местами снегопад, ветер умеренный с порывами. Завтрак, свободное время. Вернее, время, чтобы дооборудовать все необходимое и поправить шатёр — весь день накануне шел снег, шел и таял от тепла костра, который горел внутри. Снег таял, и талая вода стекала по стенкам шатра. Шатер пришлось перетянуть, и мы с этим успешно справились, а потом выстроили вокруг нашего домика стену из кубиков снега, чтобы в стенки не поддувал ветер. Как выяснилось позже, сделали мы это очень своевременно, потому что не успел еще снег закончиться, а уже поднялся сильный ветер с порывами до 25 метров в секунду. Но нашему жилищу все было ни о чем — шатер стоял отлично! Правда, тут случилась новая забота — пришлось отправиться на поиски дров, которые заканчивались. Пришлось вооружиться двуручной пилой и отправиться в лес на поиски сухостоя. За дровами пошло нас трое. Первый шёл Миша. Увидев цель, он сошел с наотптанной тропинки и тут же провалился в снег по пояс. Ну что поделать? Дрова — нужны. Побродив по глубокому снегу метров 200, мы все-таки обнаружили сухой кедр и, приложив к нему немного усилий, обеспечили наш лагерь дровами.

Вечером у нас было вводное занятие по альпинизму: вспоминали, как правильно «бухтовать» веревку и обеспечивать страховку друг другу. Приятный бонус дня — вкусный ужин и отдых в теплом шатре. Завтра нам предстоял полный испытаний день.

Острые ощущения от полезных навыков

25 марта, четверг. Температура $+2$, местами снегопад, ветер сильный с порывами. Собрав перекус и «зарядив» термоса сладким горячим чаем, мы надели снаряжение и в 9.00 выдвинулись на склон горы Серебрянский камень. Дорога предстояла нелегкая, 5 километров пути до места тренировки. По дороге нам открывались невероятные виды, горы вокруг просматривались на десятки километров, и мы, завороженные пейзажами, не заметили, как дошли до места. У подножья горы надели ледолазные «кошки», вооружились ледорубами и двинулись на склон. Плотная набитая тропа сначала сменилась на сугробы, периодически мы шли по плотному насту, а затем по фирну (плотно слежавшемуся снегу, который по прочности почти не уступает льду). Занятие состояло из отработки навыков хождения в кошках по снежному склону, рубки ступеней ледорубом и техники стра-

ховки напарника через ледоруб. Самые острые ощущения мы получили от отработки навыков самосохранения: поочередно залезая по фирну на склон примерно на 60 метров, имитировали соскальзывание и катились вниз, пытаясь «зарубиться» в снег для остановки. Это было незабываемо. Отличные и очень нужные навыки. Около 17.00 часов наше занятие закончилось, и мы двинулись в базовый лагерь.

Придя «домой», дружно приготовили гречу с тушёной и вкусный чай. Поужинав, легли спать, конечно, не забывая про дежурство и сушку вещей у печи.

26 марта, пятница. Температура -2 , безоблачно, ветер слабый. Нас ждало скальное занятие. Налили в дорогу в горячий чай в термосы, приготовили бутерброды и конфеты, в 9.00 выдвинулись на учебные скалы. Они были всего в 2 километрах от нас. Как ни странно, подход к скалам, хоть это было и в гору, нам дался значительно легче предыдущего. На месте мы отрабатыва-

ли подъём с жумаром, спуск со спусковым устройством «восьмёрка», а также освоили технику одновременной страховки, которую еще называют «гребневая», когда верёвка, связывающая участников, закладывается между валунами или деревьями. Вернулись в лагерь опять примерно в 17.00. Снова вкусный ужин, горячий чай, отдых, подготовка снаряжения. Все, чтобы подготовиться к завтрашнему восхождению.

«Мы это сделали!»

27 марта, суббота. «День икс». Температура -7, безоблачно, ветер слабый. Погода идеальная для приключений! Позавтракав и собрав с собой необходимое снаряжение, перекус, термосы, мы выдвинулись на гору Серебрянский камень. Категория сложности маршрута 1 Б. Протяженность подхода около 7 километров. Здесь нам пригодились

все умения, которые отработывали ранее. Нас ожидало и «тропление» сугробов, и «набитие» тропы. Пришлось рубить ступени на склоне, пробираться по скалистому гребню, обеспечивая страховку друг другу, спуск по отвесной скале высотой 15 метров. Преодолев весь маршрут, взобрались на вершину горы Серебрянский камень высотой 1305 метров. На вершине дул пронизывающий ветер, но открывался такой невероятный вид на наш родной Урал, что мы смотрели как завороненные. От такой красоты, суровой, снежной, могучей, невозможно было отвести взгляд! Сделав отчетную фотографию (а как сейчас без этого!), сказав: «Мы это сделали!», вся наша команда выдвинулась обратно в базовый лагерь, где ждало еще одно мероприятие.

В лагере, уже после ужина, инструкторы сборов устроили нам шуточное

посвящение в альпинисты с прохождением полосы препятствий и произношением «Клятвы альпиниста». После чего старший инструктор вручил удостоверения «Альпинист России» и нагрудный значок.

Ну, вот и этот день завершён. Мы дружно устроились в шатре и стали делиться впечатлениями о восхождении и поездке в целом. Отличная атмосфера! Полное взаимопонимание.

28 марта, воскресенье. Температура -10, безоблачно, ветер слабый. Проснувшись утром, уже не в 7 утра, как в предыдущие дни, а в 8.30, мы приготовили завтрак и собрали перекус на обратную дорогу домой. Радость от того, что скоро будем дома, постоянно сменялась на грусть о том, что все закончилось и завтра уже на учёбу и работу. Все будут с нетерпением ждать следующих гор. Теперь нам точно открыт путь в этот увлекательный мир альпинизма. И есть огромное желание повторить это приключение.

Собрав шатер и снаряжение, мы двинулись к тому самому перекрёстку, от которого начали своё увлекательное шестидневное путешествие, там нас уже ждал автобус. Дорога домой была невероятно быстрой, потому что мы все, еще не доехав до города Карпинск, уснули, а проснулись уже на подъезде к Нижнему Тагилу.

Спасибо, ребята, что вы со мной, вместе мы сможем всё! Для нас это был незабываемый опыт. Лучше гор могут быть только горы, на которые ещё не ходил. **УС**

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www uralstalker.com
ISSN 0134-241X

Май 2021

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

КИРИМ БЕРЕНДЕЕВ
Карта памяти

50

76 **Координаты чудес**

АЛЕКСЕЙ ПАНИН
Котёнок и дракон

76

70 **Законы Вселенной**

ЕВГЕНИЙ МИДАКОВ
Думают ли роботы о смерти

70

80 **Сумма технологий**

АЛЕКСАНДР РЕЧКИН
Фриц Лейбер: Великан
героического фэнтези

80

Карта памяти

Кирилл Берендеев

Родился 17 августа 1974 года. Окончив среднюю школу, поступил в МИРЭА, который окончил в 1998 г. Литературой начал заниматься достаточно давно, до настоящего времени написал большое число коротких и длинных произведений. Публиковаться начал с 1998 года в украинском журнале «Порог». До настоящего времени печатался в журналах: «Континент», «Слово», «Московский вестник», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Искатель», «Бурда-Мини», «Мир фантастики», «Человек и закон», «Машины и механизмы» и некоторых других, менее примечательных. В декабре 2009 года в издательском доме «Флюид» вышел фантастический роман автора «Осколки».

Сижу перед экраном монитора и заворуженно смотрю на заставку: камера движется в кирпичном лабиринте, обходя препятствия, минуя тупики, иногда тыркаясь в них и возвращаясь обратно, чтобы снова и снова блуждать в поисках неведомого, пока я не тронушь мышью или не нажму на кнопку клавиатуры. Как заворуживает это блуждание, не знаю, сколько прошло времени, но я по-прежнему сижу перед экраном не отрываясь, иногда мне кажется, что это я сам брожу в неведомых далях и ищу что-то, давно потерянное, что-то, что так жажду поскорей обрести, и одновременно сижу, ожидая, разглядывая собственные блуждания.

Жизнь состоит из ожиданий, сотканных из спешными перемещениями от одной точки к другой. И даже сами перемещения эти порой состоят из бесконечного ожидания — сидя у окна поезда, самолёта, автобуса, глядя на темнеющее или светлеющее небо, на морось или снег, лучи, разбивающие полудрёму путника, ждущего своей остановки. Чтобы выйти и пересест на другой транспорт, который доставит его к другой точке, а покамест его ещё следует дожидаться. А затем ждать снова, сидя в проходе или у окна, перемещаясь или добравшись до места назначения, опять ждать — работы, обеда, отдыха, времени отхода ко сну, — и снова времени отправления рейса.

Я много попутешествовал за свои тридцать лет. Пожалуй, даже слишком много, — с той поры, как закончил областной институт, почти ежегодно менял место жительства. Волею судеб или своей переменчивой натурой, никак не могущей устроиться на одном месте и постоянно гонящей невесть куда, но так получилось, что, исколесив половину страны и даже вернувшись в исходную точку, я всё не осяду, ожидая момента сорваться снова, продолжив нескончаемый путь. И только ожидание, всё то же самое ожидание, пока ещё сдерживает меня от нового броска в неведомое. В комнате, которую

я снимаю у непамятной на лицо старушки, вещи так и остались не распакованы, всего-то баул и сумка, ничего лишнего, в строгом соответствии с принципом часто летающего самолётом. Десять килограммов ручной клади и двадцать три багажа. Всё остальное приходится оставлять на земле, в минувшем. Закупаю лишь то, что пригодится сейчас и на то время, что пробуду в том или ином месте. Ничего сверх, чтобы не обременять излишним скарбом, который всё равно придётся оставить в точке отправления. А с ним и всё, что поневоле пытаешься сохранить — телефоны, адреса, встречи, разговоры, объятия, поцелуи... всё, что составляет обиденную жизнь человека, до которой мне по-прежнему очень далеко. Работа, выполняемая мной в разных городах и весях, носит характер вечной командировки, бессменного передвижения — после войны и кризиса и в преддверии нового тысячелетия, до которого полгода осталось, кажется, всё и все вокруг стали обладать повышенным содержанием непостоянства. Некой необязательности, будто изначально заложенной в саму основу основ медленно восстанавливающегося после одних потрясений мироздания и готовящегося к неизбежным новым.

Боюсь, и всё моё мироздание, и нынешнее, и грядущее, все последние встречи и знакомства можно смело отнести к этой категории. Даже самую последнюю, уже дома. Всё никак не поверю, что я уже снова дома.

Я познакомился с Леной неделю назад, в магазине сотовой связи и аксессуаров, покупал аккумулятор к мобильному. В скольких городах он успел перебивать за истёкшие два года, сколько перенёс переездов, смен часовых поясов и высот, просто удивительно, что до сих пор жив и выдвигающая антенна по-прежнему функционирует, а крышка микрофона не отскочила, хотя и здорово расхлябалась. В этом городе ещё нет полноценной сотовой связи, только в центре и на автовокзале, там, где я и остановился. Для местных жителей, вернее, для

нас, — никак не привыкну, что я здесь родился, — это роскошь недостижимая, не нужная ни в быту, ни по работе. Ведь мало того, что и дома, и на службе стоит телефон, так повсюду с советских времён наткано множество ставших бесплатными таксофонов. Спрашивается, зачем же платить несусветно дорого за все исходящие и входящие звонки?

В магазин связи или, как он позиционировался, «цифровой салон», где продавцом-консультантом работала Лена, большинство заходило разве что посмотреть да покачать головой — или переждать разгулявшуюся непогоду. Впрочем, магазин держался на плаву, Лена служила здесь около года и не жаловалась даже на задержки зарплаты. Собственно, с этого вопроса, последовавшего за совместными поисками нужного аккумулятора на витрине — «Вадим вечно всё переложит и уйдёт, а потом ищи», — как-то незаметно и началось наше знакомство. Когда я пришёл вторично, вроде как приглядеть модель поновее, мы договорились о свидании вне торговых стен.

Но перед этим случилась довольно примечательная — для моей жизни, моего мироощущения, как угодно, — историйка. Казус, который в силу своей малозначительности прошёл бы стороной, не обрати я сам на него внимание.

Лена поинтересовалась, есть ли у меня ноутбук, я покачал головой, в силу специфики жизни, таскать лишние пять-шесть кило не представляется необходимым. Тем не менее, она прорекламиривала один из недорогих, обладавших изюминкой: вместе с обычным диском в нём находилось устройство для чтения карт памяти. Я улыбнулся невольно, девушка вопросительно подняла брови. Необходимы разъяснения.

Наверное, ограничься я двумя словами, мы и по сию пору встречались бы в магазине, перебрасываясь парой слов. Но мне хотелось объяснить, что-то в ней ви-

делось такое, отчего плевать и на возможно скорый отъезд, и на свою диспозицию. Хотелось побыть рядом как можно дольше, это чувство, посетившее меня в первый же визит в тот магазин, не отпустило, напротив, в следующий раз укрепилось только.

Многим покажется странным, как я воспринимаю окружающий мир. Но когда ты всё время в дороге... Лена поначалу тоже улыбалась, потом неожиданно погрузилась, дослушала монолог и согласилась на встречу. Я переспрашивал, Лена качала головой, говоря о чём-то враз накотившем, чему и сама не может дать пояснения, лгать она не умела и прекрасно понимала это. Спросила только, как выглядит этот город внутри моей памяти. Ведь я назвал воспоминания картой памяти, я кивнул, странное название шло со мной из города в город, пока не вернулось назад, на круги своя, я вытянул его из своего детства, откуда-то из самых его глубин, сейчас трудно сказать даже, что послужило этому первопричиной, может, моя основа такова, что не видит мир иначе как карту, по которой придётся пройти, от абриса до абриса.

Мои воспоминания — это всегда дорога, а что за дорога без карты? Карта пройденного, сделанного, встреченного и потерянного, она всегда со мной, единственный багаж, что всё время пополняется новыми подробностями, любовно складываемый в, кажется, бездонный сундук, что я несусь с собой, не боясь потерять. Мои воспоминания рассредоточены по карте жирными или крохотными точками, в зависимости от того, сколь долго я пробыл в том или ином месте, и соединены толстыми или тонкими линиями, опять же по количеству ездки туда и обратно. И каждая точка при приближении сама распадается на множество мелких — места, где я останавливался, встречался, расставался, проводил время в одиночестве, в компании или с кем-то наедине. И каждая из них со-

единяется линиями, большею частью только и оставшимися на этой карте: мои ненависти, радости, горести, любви и разлуки давно потеряли своё значение, обретая место в бездонном сундуке воспоминаний. Пожелтев и став страницами, бережно подшиваемыми в безразмерные папки.

Самая толстая относится к этому городу, как же иначе? Здесь я провёл большую часть своей жизни, и провожу сейчас своё возвращение, здесь я познал самые первые и оттого самые яркие ощущения от окружающего меня мира. Сильнее любил, яростней ненавидел, больше горевал и тягостней расставался; кажется, только тут у меня и случались по-настоящему искренние и тёплые компании, впрочем, в те годы и деревья были больше и трава зеленее. Правда, по большому счёту, мне сравнивать не с чем, ведь прочие точки на карте памяти куда мельче и ничтожней этой центральной. Здесь я обрёл всё то, с чем потом устремился в вечное плаванье. Весь багаж, что вожу с собой и поныне, несколько мелочей, подсознанием связанных с детством, отрочеством, юностью. От которых невозможно отказаться не только в силу их малости, положил в карман сумки, пока снова не припечёт, не нахлынет былое, обдавая с головой, но и поскольку значат в моей жизни слишком многое, чтобы я мог их оставить в одной из гостиниц или съёмных квартир просто так, делясь с кем-то ещё.

Одна из таких вещей — небольшой, в почтовую марку размером, кусочек пластмассы с полустёршейся надписью, верно, какой-то чип, неясного теперь, за истёкшими годами, назначения. Деталь неизвестного ни тогда, ни сейчас электронного механизма, подаренного мне соседом по коммунальной квартире, жившим через стенку от нас, ближе к входной двери. Тогда ему было, да, едва ли больше, чем мне сейчас. Около тридцати. Но в восемь не только деревья кажутся большими.

Он приехал незадолго до моего дня рождения. Помню то неприметное серое утро, когда он появился в нашей квартире — светлый костюм в мелкую полоску, тёмная рубашка без галстука, на спине новенький рюкзак, в руках чемодан и траченная тряпичная сумка, кажется, забитая продуктами. Будто из голодного края приехал. Хотя, может, и так, ведь всего через год после его приезда в нашем городе введут первые талоны, на мясо, если не ошибаюсь. Сразу после Олимпиады-80, на год всего, но получилось, что эти два события немедленно совместились в моей голове, и сейчас, вспоминая очереди в мясной отдел, я видел телетрансляции из Москвы и Ленинграда, а во время состязаний, когда наступала пауза, сидевшие подле телевизора — он у нас был один на квартиру, массивный черно-белый «Темп», — шептались о нормах на несуществующую вырезку и давно исчезнувшую шейку, их только в столице и сыскать — москвичам всё время что-то подбрасывают, тем более к столь знаменательному событию. Вон как город вылизали, прям за граница.

Кажется, я именно с этого начал свой рассказ о прибившем соседе. Лена удивилась, сколь легко я перескочил с одной темы на другую, и потребовала возвращения. И тут же рассмеялась, заметив: удивляться не приходится, ты ж ведь человек дороги, в мыслях уже далеко. Я попытался оправдываться, но на самом деле она права, упомянув о соседе, я неожиданно понял, что задел слишком близкое, имеющее почти сакральное значение событие, с которым, тем более с ещё плохо знакомым человеком, просто не подобает так запросто делиться.

Первый раз я свёл это к шутке. Потом только начал рассказ свой, когда мы встретились у неё, когда я ждал её из ванной, глядя на монитор включённого компьютера, стоявшего у неё на самом видном месте комнаты, у окна, так, чтоб от двери сразу в глаза бросался.

Не то, чтобы Лена часто им пользовалась, но скопила и купила год назад, ведь надо, чтоб был, обязательно; странно, что мне эта настойчивость показалась преувеличенной даже для самой себя, вроде и говорила искренне, но и словам своим не доверяла полностью, и как-то немного отстранённо на себя посматривала, всерьёз ли. Она ведь не сразу научилась им пользоваться, первый месяц компьютер просто стоял, ожидая Лениного соседа, который должен был объяснить устройство и поставить систему, так она только включать и выключать умела. Да и теперь, спустя год, он тоже больше стоял выключенным. Лена и включила его для меня, когда пошла в ванную — а я просто смотрел на заставку, на бесконечное блуждание в лабиринте и, позабыв нежданно о той, что несколько минут назад сжимал в объятиях, видел в путешествии по дебрям кирпичного лабиринта не то самого себя, не то соседа по коммуналке, любившего слагать истории для малолетнего башибузука, только от них и затихавшего, к радости соседей.

Она и нашла меня сидящим неподвижно перед заставкой и, выключив агрегат, поинтересовалась, что со мной, руки нежно обвилились вокруг шеи, щека коснулась щеки. Посадив на колени, я обнял девушку и долго молчал, мысли пролетали самые разные, вот только нас в них не было.

Сосед появился в сопровождении участкового милиционера, молодого парня, только назначенного на эту должность. Объяснил, что его подсаляют к нам заместо умершего в феврале Потапова — известного на весь дом алкаша, однажды так и не вернувшегося домой. Его нашли по весне, как снег сошёл, впрочем, главное, от воплей, криков и песен его дружков и подружек, регулярно собиравшихся в соседней комнате и устраивавших драки или между собой, или с подоспевшей милицией, я оказался избавлен раз и навсегда. Опечатанная

дверь, на которую претендовала наша старшая по квартире Вера Павловна, желая переселить туда дочь с мужем, досталась другому, из-за чего последняя невзлюбила нового жильца заранее, едва только стало известно об отклонении её ходатайства.

Странно, что я так подробно вспоминаю обо всём, так или иначе связанном с соседом, но всё не решаюсь вспомнить его. Дядю Мишу, так он представился мне в первый же день своего появления. Протянул руку и крепко пожал её, разом завоевав моё сердце. А потом пригласил к себе, попросил помочь разобраться с вещами. Разве может детское сердце устоять перед подобным? Конечно, я не устоял, согласился, можно сказать, он меня соблазнил немедля, одним приглашением этим, чему удивляться, что уже на третий день пребывания дяди Миши в квартире я практически не вылезал из его комнаты, позабыв про обед дома и казаки-разбойники во дворе. Ведь в той комнате столько всего интересного.

Наверное, больше всего меня заинтересовала пишущая машинка, по-немецки аккуратная, но уже с практически стёртой от частого употребления клавиатурой: для меня было дополнительной загадкой, какая клавиша какой след оставит на бумаге, равно как и её таинственное тихое гудение, когда ундервуд подключали к розетке. И подсветка красным в то место, куда должен прийти удар литеры.

Да, мой сосед был писателем. Безвестным, иначе он показал бы свои книги. Но печатавшимся не то в «Химии и жизни», не то в «Науке и религии», он показывал несколько журналов, названий я не запомнил. Только сами произведения, позднее, когда у меня оказалась возможность, я нашёл их в Сети, перечитал. Странное ощущение чего-то запямятованного и только что сысканного сменилось разочарованием — тогда, в восемь, они мне казались удивительными и, наверное, нездеш-

ними, дядя Миша писал как-то не так, в стиле своём подражая русским классикам, но сочетание с безбрежной фантастикой, коей увлекались тогда все, от мала до велика, давало странный эффект, точно все произведения писал кто-то посторонний. Наблюдатель за нашей повседневной жизнью, выискивающей в ней что-то таинственное, фантастическое, скорее, фантазмагорическое, так что каждый угол типовой многоэтажки заселялся неведомым, и это неведомое влекло куда-то ещё дальше. В раскрывающиеся воображением моего соседа двери мне тогда хотелось заглядывать, высунувшись как можно сильнее, жаль вот зайти невозможно. Перечитав же его рассказы несколько лет назад, увы, уже не нашёл ощущаемого прежде. Будто всё перечувствованное при чтении лишь казалось восьмилетнему пацану, грезилось, совмещаясь с таинственностью комнаты, в которую впервые попал только, когда меня пригласил дядя Миша, — до того к Потапову ходить я боялся, — с самим пришельцем, с каждым днём занимавшем всё больше и больше места в моём шумном, неутомном мире. Кажется, я стал куда тише и спокойней, по крайней мере, Вера Павловна уже не кричала так часто на меня, называя разбойником, варваром, сущим кошмаром, куда только родители смотрят, и угрозой безопасности дома. Я тогда понимал только первое слово, но оно меня не задевало, разбойником в играх бывал очень часто. Забавно, раз на нашу игру пригласил из самых лучших побуждений и дядю Мишу, потом только пришло в голову, что друзья по сорванцовым делам могут неправильно понять мои намерения притащить взрослого. Пускай и очень странного, нездешнего.

Нездешним его назвал не только я, и моя мама, кажется, первой была всё же Вера Павловна. Именно она демонстративно не поздоровалась с дядей Мишей в день переезда, сперва посчитав его чуть не бродягой, а потом перешла на отщепенца и чужака. Про-

игнорировала и попыталась бойкотировать новоселье, на которое пришли только мой папа, я и зять старшей по квартире. Вчетвером мы посидели под голой лампочкой, прикрытой журналом, комната пока ещё вся в коробках, необустроенная, — родичи Потапова после его смерти вынесли всё, что не было прибито или прикручено намертво, и лишь затем её запечатали. Так что первое время дядя Миша спал на нашей гостевой раскладушке, а затем где-то достал хорошую кровать, явно румынскую, если не венгерскую, с подозрением заметила его завистница, стеллаж, немедля заполнившийся книгами, и двойной шкаф и горку, уместивший в себя прочие пожитки дяди Миши, — в ателье одеваются, замечала старшая, бурча что-то недоброе. Хотя от подарков соседа никогда не отказывалась, на новоселье он, желая загладить её недоброежелательность, подарил Вере Павловне коробку конфет Бабаевской фабрики, коробку она взяла, но во мнении только укрепились. Для неё дядя Миша ещё и швырял деньги на ветер и метал бисер, она спохватилась на последнем слове и замолчала, недобро жуя губами. И долго выговаривала зятю, когда он с бутылкой «Столичной» пошёл отмечать.

Втроём они посидели часа два, выпили, закусили простой банкой иваси и поговорили за жизнь. Папа затем уволок меня спать, а вот зять, ровесник дяди Миши, сидел долго, за стенкой, практически не приглушавшей шумы, журчала и журчала беседа, под её неспешное течение я и заснул, утомлённый прошедшим днём, готовясь к дню наступающему.

Не знаю, почему у папы не сложилось с новым соседом, но только за всё время его пребывания в стенах нашей квартиры дальше шапочного приветствия и дежурных фраз о погоде или каких-то неотложных вопросов дело так и не пошло, они могли встречаться и вовсе не замечать друг друга, хотя Вера Павлов-

на и говорила, что оба два сапога пара, моего папу она так же не любила, но на фоне соседа предпочла остановиться на давнем знакомом и бойкотировать кого-то одного. Мама вздохнула с облегчением, когда старшая остановила её в коридоре и вместо того, чтобы выговаривать за меня или пенять на забытую на плите кастрюлю и развешенное где ни попадя бельё, неожиданно пригласила к себе, после чего мама пришла пунцовая, с коробкой бабаевских конфет, той самой, и очень довольная разговором. Наш общественный статус повысился, что для мамы, активистки и общественницы, вечно пропадавшей на каких-то собраниях, было очень важно. Особенно после того, как Вера Павловна частенько выносила сор из нашей избы не то на партсобрание, не то на профсобрание, не помню всех этих сложностей: мама всегда приходила мрачная, злая и шпыняла никогда не сопротивлявшегося папу, безропотно принимавшего на себя вину. Я старался не попадаться ей на глаза, пересиживая у своего друга Гришки суровые времена, его мама, тётя Саша, любила меня откармливать, всегда принимая как родного. Вскоре по возвращении в город я встретился с ней, мы поговорили, потом она пригласила меня в крохотную однокомнатную квартирку на окраине города, у самого автовокзала, теперь, когда Гришка подался в столицу, она жила одна, лишь изредка получая от него весточки. Мы посидели, повспоминали за традиционным чаем с конфетами. Странно, но я так до сих пор не объявился перед родителями. Эта встреча будто выбила из колеи — или вернула в прежнее русло, где я восьмилетний, уходил из дома, пока мама не выкричится на папу и, не утомившись, позовёт домой уже спокойным голосом.

Не представляю, знают ли они, что я тут? А если знают... нет, встречаться всё равно не хотелось. Несмотря на долгое отсутствие. Или по его причине? Лена потя-

нула меня к постели, банное полотенце, скрывавшее точѐную фигуру, упало на пол, тотчас я позабыл обо всѐм.

И вернулся лишь когда, утомонившись, неспешно целовал её груди. Литые, тяжѐлые, к которым я приникал, будто младенец, не насытившийся материнским молоком. Впрочем, так и было, мама не выкармливала меня, слишком молода была или болезнь тому причиной, но молоко у неё так и не появилось, меня вскармливали на смесях, — кажется, поэтому я так люблю ласкать, слегка покусывая, тяжѐлые женские груди, не в пример маминым, большие, налитые. Словно сейчас пытаюсь наверстать то, чего недополучил когда-то.

А вот у соседа женщин не было. Я точно помню, он никого не водил, что служило ещё одним упрѐком в его адрес, хотя и тщательно замаскированным, это вот мой папа, да, грешен, все знают, а тут... непременно что-то подозрительное, а может, и подстатейное. Всего лишь раз и то мельком я видел у него вывалившуюся из томика Тургенева карточку, томик назывался «Ася», мне подумалось, это вырванная иллюстрация, тем более, лица той девушки я не рассмотрел, да и попадись она мне на улице — не смог узнать бы, слишком мало времени дано на разглядывание. Белокурые волосы и тонкие черты лица, вот и всё, что запомнилось. Вернее, уже забылось за давностью лет, за чередой других, знакомых и забываемых лиц; та «Ася» потерялась, изгладилась в памяти, да и не моя она вовсе, хотя эта тайна... Впрочем, разве можно было ожидать чего-то иного от дяди Миши, тайнами наполненного?

Вскоре после переезда он устроился работать в редакцию местной газетѐнки «Красный металлист», писал очерки и рассказы по родному краю, сатирические заметки, фельетоны и собирал забавные объявления. В редакции ему выдали фотоаппарат, «ФЭД» в потѐртом кожаном футляре, запираясь выходными, он проявлял в ванной плѐнки и печатал их там же — но-

вый повод злословить и подозревать. Как и сама работа — Вера Павловна никак не могла взять в толк, почему взрослый мужик ходит три раза в неделю на три часа в эту самую редакцию, а ему платят несусветные деньги, ведь на них он покупает книги у спекулянтов, а если и не на них, а редакция всего лишь прикрытие, тут старшая замирала в немом возмущении, ибо слова для подобного не подходили, и только молча кивала наверх или указывала в потолок пальцем, мол, там когда-нибудь непременно разберутся. Выведут на чистую воду. А ей руки марасть нечего, с она с Потаповым навозилась. И, высказав или вымолчав подобное, всё одно получалось выразительно, останавливалась резко, пристально наблюдая за собеседником, и тот, обычно это была мама, не мог не вздрогнуть и не согласиться хотя бы кивком.

Не то, чтобы она совсем не любила нашего соседа. Нет, тут было нечто иное, чему я был не раз свидетелем, но понимание происходящего ещё не пришло, оно давалось с опытом и прожитыми годами, так что на все встречи и разговоры мамы с дядей Мишей я глядел глазами ребёнка, не понимая многого, но чувствуя неудобство уже оттого, что два близких мне человека нарочно говорят, чтобы их случайный свидетель не понял ни слова. Больше говорила всегда мама, она так уж устроена, чтобы всегда первое и последнее слово оставалось за ней; дядя Миша частенько поддакивал, этим неприятно напоминая мне папу в редких спорах с мамой. И, как и отец, не старался сопротивляться, соглашаясь и подчиняясь настойчивости. Был в маме такой стержень, не отнять, что окружающие невольно либо смирялись с ним, либо всеми силами старались согнуть в дугу, как это делала Вера Павловна, в ней тоже штырь сидел, видимо, посильнее, ибо мама перед ней всегда преклонялась. Но только перед ней, в остальных случаях именно она брала верх, она и сама рассказы-

вала, что так повелось со школьных времён, что оказалась в первом отряде принимаемых в пионеры, комсомольцы, партийцы, она тогда только техникум закончила и устроилась на первую свою работу в фотографию. Там она разоблачила одного из техников, — скандал случился по поводу непристойных плёнок, мама к тому времени меня вынашивала, родила она рано, в девятнадцать, а родив и не досидев положенные два года, снова вернулась в строй. Сидеть на месте не могла, я временно перешёл на попечение её матери, с которой они хоть и на ножах были — за неравный брак с гуманизмом, неведомо почему на маму польстившимся, — но ребёнок на первые годы их как-то снова свёл. И потом так же развёл, как в своё время родителей папы, те просто перестали видиться с сыном, едва он подал документы в ЗАГС, в самом деле, из интеллигентной семьи, а сошёлся с дочерью вахтёрши, непостижимо, чем она его могла взять, форм никаких, доска доской — потом это выражение я слышал уж больно часто.

Тем не менее, вода и пламень сошлись и худо, бедно, но жили вместе, не желая расходиться. Дело даже не во мне, ведь развестись всегда можно, молодые, в чём-то другом, мне до сих пор непонятном. Мама всё время пропадала на собраниях, папа почти откровенно ходил налево, мама знала, но противопоставить свою силу не смогла, тут папа в кои-то веки показал странную твёрдость и отвоевал право на раз в неделю или две в выходной. Повзрослев, я потом встретился с этой женщиной — ничем не примечательная, блёклая, после того, как папа с ней всё же расстался, в начале перестройки это случилось, она опустила, стала приглашать к себе не только одного любовника. А тогда в разговоре с ней я узнал, она очень ждала моего папу, думал, бросит свою лаборантку с реактивами и придёт к ней, да хоть с сыном, она бесплодна, хоть чем-то успокоится. Но нет, внезапно папа резко переменял-

ся к своей законной супруге, осознал вину? — не уверен, но только прежнее охлаждение прошло, он перестал исчезать по воскресеньям, стал дарить подарки по случаю и без случая, волочился хвостом. И этим только больше отдалял от себя маму. Пока имел своё прибежище, верно, этим и был силён, а когда сломал всё в себе, уничтожил последний интерес, ибо оказался окончательно завоёван и подавлен. Смотреть на него было и больно, и жалко. И на маму, которая, оставаясь с супругом одна, даже не пыталась находить общих точек соприкосновения. Больше того, выгнала с постели, впрочем, она всегда была холодна и равнодушна к любовным играм, так что папа спал у её ног, на старенькой гостевой раскладушке.

Лена бы не удивилась, узнай всё это и сделай логичный вывод, — именно от такой семьи я бежал, сперва в институт, потом по России и ближнему зарубежью. И оказалась бы не права. Я попенял бы на дядю Мишу, буквально пропитанного чем-то неведомым, нездешним, и хотя пожил он с нами недолго, в моей памяти след оставил как зарубку на дереве — неизгладимый. И едва сосед появился в квартире, я стал запитьваться им, точно пациент клиники, только вышедший из бокса, истосковавшийся уже по запахам нагретой солнцем травы и земли. Запитался бесповоротно, наверное, останься дядя Миша подольше, наступило бы разочарование, естественное охлаждение для любых отношений, а так он ушёл на пике моей в него влюблённости, помню, в дверях он остановился и помахал мне рукой, в точности как отправляющийся в неведомое космонавт, и этот жест ещё долго преследовал меня, заставляя ёжиться и ощущать не по-детски горькую пустоту в сердце.

Приехав в свой город, не испытал при этом никаких чувств, как в любой другой город на свете, я снова дёрнулся, едва заметил похожий жест, им поприветство-

вала меня тётя Саша, увидев, как я выхожу из автобуса. Подошла, разговорилась, пригласила к себе. Вот именно тогда я неожиданно ощутил, куда именно прибыл, все прежние воспоминания ожили, нахлынули — мне срочно требовался собеседник, но не такой, не соучастник моей прошлой жизни, прости, Лена, наверное, поэтому я и нашёл тебя, так получилось, именно ты стала выслушивать меня, не вставляя ни слова, ты умеешь это делать, больше того, ты любишь меня слушать, говоря, что у меня предательски сексуальный голос, но это оттого, что ты долго была одна, ты рассказывала, что последний парень просто бросил тебя, неожиданно исчезнув в никуда, уехав из города, растворившись в стране, как в своё время сделал и я, как ещё раньше сделал дядя Миша. Ты спросила у меня, как надолго я останусь здесь, я и сам не знал ответа, потому ничего не сказал, и вот ты спрашиваешь снова, потому что ждёшь единственного правильного ответа, ты сама подсказываешь мне его, ибо веришь, что этим или удержишь меня, или отсрочишь мой отъезд, или забудешься сама за верою в искренность вытребованного тобой признания. Я мог бы найти кого-то другого, но так получилось, что нашёл именно тебя. Так получилось, что в этом магазине оказалась твоя смена, а не Вадима, который вечно всё перекладывает по-своему и уходит, а ты потом ищешь, наверное, он просто пытается выжать тебя, чтобы выжить самому, ведь вы не ладите, а значит, кому-то рано или поздно всё равно придётся уйти.

Не знаю, зачем я всё это проговариваю внутри себя, обнимая твой стан, целуя твои наливные груди, всё равно так и не скажу никогда вслух, не проговорюсь. Унесу с собой в никуда, в другие города, ведь рано или поздно мне придётся уехать. Я сам избрал такую работу, не она меня, а значит, мне придётся бросить либо её, либо тебя, нежная, ненасытная моя любовница. Не знаю, почему я откровенничаю с тобой только про себя — толь-

ко ли из-за боязни привязаться больше? Или причина гораздо серьёзней и именно этот этап наступил, ещё когда ты пригласила меня, просто пригласила, без задней мысли, ну почти без неё, мы понимали, уже на входе в подъезд держась за руки, что этим всё и кончится, но целый час держались, слушая музыку и разговаривая, вернее, говорил я, вспоминая соседа по квартире, а ты слушала, слушала. И лишь потом, когда нам обоим стало невмоготу, я замолчал на полуслове, а ты...

Ты снова ошиблась, выбрав меня в любовники. Я должен сказать об этом, я проговариваю это про себя, сколько раз говорил подобное вслух, но вот сейчас не могу, разом замолкшие, запечатанные уста не пропускают нужные слова. Мне ещё столько всего надо сказать тебе. А я говорю только о дяде Мише, разве не странно? Хотя нет, не странно. Ведь он часть меня, недолгая, казалось бы, небольшая, но так получилось, основополагающая, а потому необходимая для понимания моей сути. И того, что я скоро ли, нет ли, но непременно покину тебя. Прости ещё раз, не ты выбрала меня, я выбрал тебя, но ты всё же согласилась с моим выбором и поддалась ему — приняв меня без условий, таким, каков есть. Отчаяние это или надежда, кто знает, боюсь, мы просто не успеем понять.

Как не успел понять я свою первую любовь. Это тоже странная история, для тебя, Лена, только для тебя, боюсь, для меня она первая в длинном ряду, впрочем, мне иногда кажется, что я привлекаю тебя исключительно силой своей непохожести на прочих твоих знакомых, как что-то неизведанное, как в своё время мне казался таким же таинственным и притягательным дядя Миша.

В этом мы схожи, разве что в разное время выказали свою притягательность к выбивающемуся из ряда, или ты сохранила ту жажду нового гораздо дольше, чем я, пресытившийся всем и вся уже к неполным своим тридцати. У меня были учителя по пресыщению,

гедонисты жизни, одна из них учила меня искусству плотской любви — та самая сокровенная, почти сакральная папина тайна. От неё я получил первые уроки утех и наслаждений, странно, что она снизошла, может быть в память, хотя нет, скорее, напротив, избавляясь от памяти столь причудливым образом: после разрыва с папой, она... нет, то был не разрыв, она объяснила, папа просто сдался. Устал. И такое бывает, когда любишь, а маму он любил, да, это тоже странно, своей особой любовью, но любил, не мог без неё, и потому сломался, отдавшись ей на милость. И ещё одно подкосило его — слишком близко он сошёлся со своей сакральной тайной. Сакральность не терпит сиюминутности и рутины, а он просто не понял, или забылся, или устал от постоянных перемен. Захотел упорядоченности и обьденности и здесь, и тогда святой Грааль его испарился, оставив после себя уставшую, бледную женщину с несоразмерно большой грудью и узкими бёдрами, блёклую и невыразительную, переставшую принимать его любого и начавшую ставить условия. Он потерял ту близость, что ещё связывала их, а она перестала надеяться. Разошлись по взаимному согласию, хотя боль она утолила только другим. И ещё одним, когда поняла, что первый не способен на марафонское утление. Я был первым её учеником, когда она осознала своё желание не только бесконечно брать, я был первым, оттого, наверное, она отдала мне почти всю себя.

В те дни, именно в те, я познакомился со своей первой любовью, обретая, я передавал ей часть своих пока ещё сакральных знаний, не скрывая, откуда они. И моя любовь ничего не имела против моего ученичества, не то время было другое, конец и перестройки, и Союза, сотрясаемого чередой гражданских усобиц, не то мы так отличались от других.

И всё же нас ждало расставание. Мы остались друг другу чужими, сколько бы ни находились вместе. На-

против, наидольшее совместное жительство лишь отдаляло нас, да, я так и не научился, и по сию пору не умею спать в одной постели с женщиной, она... мелочи жизни погубили нас. Те самые мелочи, из которых состоит само существование союза. Любого союза. Тот, в котором мы жили, умер вместе с нашим, когда красный флаг с серпом и молотом спустили со шпиля Большого кремлёвского дворца, я уже был далеко. Не только географически, это не мешало нашему союзу прежде, но и сердцем. Моя любовь, уже бывшая, поняла это и успокоилась. Наверное, так же поймёшь это и успокоишься и ты, Лена.

Но пока ещё меня не позвала дорога, пока не пришло время расставания, я не могу оторваться от тебя, моя скороспелая, беспокойная и безнадежная страсть. Я ещё целую твои наливные груди и жадно покусываю соски, заставляя тебя вздыхать и вскрикивать в предвкушении неизбежного. Пока ещё ты моя, а я твой, и нынешнее состояние кажется извечным. Пока не пройдёт эйфория и не наступит облегчение, освобождение, а затем и отрезвление от эпикурейских утех. И уход, почти неизбежный.

Нет, не от нашего соседа по квартире обрёл я свою страсть к переменам. Он приехал надолго, верно, подготавливал себя основательно и только потом решился. Дядя Миша прибыл в наши края с другого конца города с намерением осесть окончательно и бесповоротно, первое время я прекрасно помню улыбку полностью удовлетворённого человека, не сходящую с его лица. Кажется, лишний камешек в огород уже всем, его окружавшим, коим жизнь в коммуналке приносила лишь усталость и притерпевшееся, а потому почти незаметное раздражение. Он же лучился жизнью, он будто вернулся домой и каждый день встречал как непостижимое чудо, внезапно свалившееся на его голову, главного счастливца; да, счастлив-

цем его назвал зять Веры Павловны, наутро после по сиделок, когда снова встретился с ним в коридоре, где старшая уже нормировала на семьи дефицитные рулоны пипифакса, добытые накануне в страшной давке в хозяйственном её дочерью. Вера Павловна обернулась на слова зятя, буркнула что-то неразборчивое и снова занялась делёжкой, стараясь не обращать внимания на нездорово лучезарную улыбку проснувшегося соседа — ему и досталось-то всего два рулона, исключительно из-за этой гагаринской улыбки. Впрочем, он, не поняв, что получил сие на месяц, и тому был доволен, и признательно благодарил старшую, не понимая, как больно ей делает своей искренней признательностью за труды, кои она почитала каторжными, хотя и сама на себя этот крест водрузила и передавать никому не считала возможным.

После мы отправились путешествовать в парк Победы. Испытывая при этом странную, верно, для нас обоих, эйфорию от похода по давно знакомым местам, дядя Миша назвал это возвращением к истокам и ещё как-то, я не запомнил в точности; мы бродили среди танков и пушек времён Великой Отечественной, я забирался на каждый, он фотографировал меня, не жалея выданной газетой плёнки, и подробно рассказывал о достоинствах и недостатках того или иного стального монстра. Не понимая и половины, я с увлечением слушал его повествование; вскоре к нам присоединился ветеран той войны, они заспорили, но вскорости сошлись на чём-то, дядя Миша попросил рассказать его о битве подо Ржевом и сфотографироваться на фоне тридцатьчетвёрки. И то и другое фронтовик выполнил охотно, жалея лишь, что его рассказ вряд ли будет напечатан, мой сосед пообещал клятвенно, и обещание сдержал, за что в итоге получил нагоняй из райкома. История нашей Победы тоже была сакральной, как и сейчас, документы засекречены, а воевавшие позабыты, и никто

не смел оспаривать ни причин, ни хода, ни итогов. Ни тогда, ни сейчас.

Та прогулка, первая в длинном списке, помнится мне и по сей день. И хоть от неё не осталось уже никаких вещественных воспоминаний, все карточки, что принёс дядя Миша, я оставил в прошлом, тепло памяти всё ещё со мной. Неприметное и оттого непонятное другим.

Ты всё хочешь понять причины, по которым я влюбился в своего соседа, одной таинственности и открытости тебе мало. И я ищу другие составляющие своего чувства, хотя как разделить для изучения детскую любовь? Но попробую, не обижайся, если получится плохо.

Мы сошлись с дядей Мишей сразу, всерьёз и, как казалось, навсегда. Странное переживание, что я испытал, пересекая порог его комнаты, воскресло немедленно, едва я, вернувшись в выхолощенный бесконечными переездами родной городок, повстречал тётю Сашу, сидел с ней, вспоминая, возвращаясь назад во времени, именно в восемь лет, хотя она и беседовала со мной о разных годах, но тот небольшой отрезок времени слишком сильно врезался в память, чтобы не появиться первым, извлечённый из сундука, разложенный на карте памяти, самой старой, занимавшей тогда ещё только район не самого великого города. И я, сплетя пальцы перед подбородком, вглядывался в эту карту, выведывал у неё сокровенное, погружаясь сквозь завесу десятилетий к заветному сроку под неторопливый монолог тёти Сашы, которой требовалось только изредка поддакивать. Она с некоторым упоением даже, свойственным любой матери, которую покинул сын, припоминала, какие мы с Гришкой были сорванцы и охламоны и как однажды нашли на помойке пачку воздушной кукурузы и, ничтоже сумняшеся, принялись поглощать. Хорошо, твои родители не видели, добавила она и как-то враз замолчала.

Ну да, мои родители не видели. Когда мы вломились на стройку и нас словили стройбатовцы, сразу же поволокли к тётке Саше — даже не потому, что мои отсутствовали, просто в силу того, что её слова и подзатыльники на нас подействуют куда весомей. Для меня она всегда оставалась куда большим авторитетом, нежели мама, и любое её слово считалось окончательным и бесповоротным и мною не обсуждалось, особенно по тем временам. Одно время тётка Саша приходила со мной к маме и пыталась объяснить, втолковать, особенно после случая со стройкой. Потом сдалась. У мамы ведь работа, обязанности, на ней держится коллектив и ещё её выдвинули куда-то. А папа... он честно ходил на родительские собрания, а после распекал перед мамой меня за тройки, пожалуй, этим и ограничивая круг нашего общения. Мы редко бывали вместе, у него тоже работа и обязанности, и не перед нами одними, и не только перед той, которая ждёт, ну, это не обсуждалось, и тоже коллектив, и ещё план, и нормативы, и сметы, странно, но я даже не помню, где он работал. Кажется, в архитектурном ящике, впрочем, не уверен на все сто. Иногда он приносил с собой и доделывал уже дома чертежи, мне ни тогда, ни позже совершенно непонятно было, что же там изображено, деталь моста или ротора, казалось, все детали мира похожи одна на другую и всё зависит от того, в каком порядке их скрепляют меж собой — и тогда выходит или аркаб или шлифовальная машина. Я давно привык к этому, даже не замечал отсутствия родителей, больше того, выходные воспринимались мной как некая странность, сбой в строго отлаженной системе, в результате которого эти два бесконечно занятых человека вдруг оказались не при делах и, не в силах занять себя, целые дни проводят абы как — мама за телевизором, папа перед газетой, она в комнате, он чаще всего в кухне, в те часы, когда там

ничего уже или ещё не варилось, а значит, он мог побыть в вожделенном одиночестве.

Позже меня часто подмывало спросить, каким же хитроумным способом я появился на свет; но ложное стеснение ли или ожидаемая неприятная брезгливость в ответе, как бы ни была она выражена, отвращали от прямого вопроса. Вера Павловна раз в горячке сказала, что мама долго выбирала между ребёнком и собакой, а потом слишком поздно спохватилась. Наверное, с тех пор я не любил собак, животных вообще. Впрочем, они и не могли сопровождать меня в дороге. Мне сопутствовала лишь несколько раз та, которую я по сию пору называю первой любовью, но и она отклеилась после очередного рейса, вроде бы всё упиралось в деньги, а потом уже в обстоятельства иного рода, но верить обоим хотелось в первое. Наверное, у нас с тобой, Лена, будет примерно так же. Только пока об этом не хочется думать, ни мне, ни тебе.

Ну вот, ты больше не спрашиваешь меня о соседе по квартире, тебе интересно другое. Ты соскучилась, и мы снова отключаемся от рассуждений, переносимся в другое измерение, растворяемся друг в друге. А когда объятья разжимаются, ты, взмокшая, изнеможённая, со слабой улыбкой на раскрасневшемся лице, тихонько спрашиваешь, когда же я устану. Я и сам не знаю этого, мне с каждым новым приступом эйфории хочется большего. Будто за плечами нескончаемый резерв, поутру всякий раз заканчивающийся пустотой. Впрочем, мне ещё в восемь лет говорили, что я слишком выносливый, правда, совсем по иному поводу.

Особенно после того, как дядя Миша исчез. Не совсем так, ведь он уходил у меня на глазах, на глазах всей квартиры, улыбаясь тихонько и махая мне рукой, жест этот потом долго не будет давать мне покоя. Не по своей воле покидая наш уютный уголок, его уводили на дознание трое службистов, прибывших на непри-

метной чёрной «Волге», хотя во дворе нашего дома, среди двух обшарпанных «Запорожцев» и четырёхста двенадцатого «Москвича», она выделялась кляксой предстоящей беды. Сразу как приехала — ведь такие машины с государственными номерами, единожды заезжая во двор, с давних времён именовались чёрными воронами, воронками и ничего иного, кроме несчастий, не приносили.

Я смотрю на тебя, откидываю пряди мокрых волос со лба, ты улыбаешься неземной улыбкой и глядишь как-то сквозь, словно я нахожусь где-то далеко, если и в этой комнате, то у самого окна, или вовсе за ним, на той стороне улицы, а может, и ещё дальше. Так далеко, словно я ещё не приехал сюда обратно — ведь именно с той стороны прибыл мой автобус, сделал по стоянке полукруг, фырча, припарковался и, помедлив, раскрыл двери, выпуская заждавшихся пассажиров. Кого-то встречали, кто-то просто спешил домой. Даже я, помедлив с высадкой, оглянулся по сторонам, чисто механическое движение, которого и сам не осознал в первый миг. И пошёл по знакомым и незнакомым улицам в направлении дома, в котором мне предложили по телефону кров и еду. Недалеко, всего в двух остановках в сторону парка, другого, не того, где мы с дядей Мишей. Я вспомнил его в тот миг, сердце кольнуло, но затем прошло. Я добрался до квартиры, хозяйка сдавала только одну комнату, поселила меня и, получив деньги за месяц вперёд, отправилась к подруге, вероятно, отметить удачный поворот дела.

А наутро следующего дня меня выглядела в толпе тётя Саша. Я ещё не успел приступить к своим обязанностям, гулял по городу, не вспоминая и не присматриваясь, подобно туристу, попавшему в богом забытое место, патриархально замусоренное и убогое, чуждое цивилизации. Я обходил вековечную лужу, что на улице Чайковского, когда услышал её голос, не мог не узнать.

И ответил точно так же, как в детстве: «Да, тётя Саша». И тогда всё вернулось. А когда она заговорила о моих проделках, ненароком, видимо, чисто машинально, помянув родителей, вспомнилось куда большее. Снова кольнуло, но у меня часто покалывает, я положил под язык капсулу валидола, тётя Саша сразу стала возмущаться, такой молодой, а уже изводит себя взрослыми лекарствами, вот я стараюсь обходиться, и пока совсем уж не припечёт, ни к какому врачу не пойду ни в жизнь. Я пожал плечами, работа такая, она немедленно поволокла меня к себе домой, чтобы узнать поподробнее и насчёт работы такой, и всего прочего, о чём жаждала узнать за все прошедшие годы.

Когда ты спросила, что же у меня за работа такая, что не сидится на месте и приходится пользоваться мобильным, а востребован по всей стране, я предложил угадать самой, на что ты немедленно выпалила, уж не наёмный ли я убийца, — попытка улыбнуться вышла неудачной. Ну да, это первое, что придёт в голову. И последнее то, чем я действительно занимаюсь. Несмотря на то, что обучали меня ещё в СССР, знания всё ещё востребованы: ничего нового, по крайней мере, у нас в стране, не произошло, — никаких инноваций, открытий, даже закупок импортных аналогов, вот уже десять лет, как я летаю и летаю ломающееся оборудование деталями, тайна изготовления которых ушла в небытие вместе со страной. Меня хорошо научили с этим справляться на моём первом месте работы, по специальности, как ни удивительно то звучало в начале девяностых, и именно по этой специальности я мотаюсь из города в город, сизифовым трудом пытаюсь отсрочить смертный приговор медленно умирающим заводам, на которых работают тысячи человек; после кризиса специалистов в нашей области осталось всего двое или трое на страну, платить стали больше, зато переезды превратились в бесконечный транзит. На счету у меня ско-

пилась порядочная сумма дензнаков, но это на тот чёрный день, когда либо всё рухнет, догнив окончательно, либо модернизируется и мои знания окажутся в кои-то веки бесполезны, даже не знаю, что может случиться раньше и что я буду делать в том или ином случае. Стараюсь не задаваться подобным вопросом, всё равно потом ждёт головная боль и колотье в сердце. Единственное избавление от которого — забвение. Такое, как используешь ты, чтобы выбросить из головы прежнего парня. Как же мы схожи с тобой. Мне даже становится больно от этой мысли.

Кажется, ты выдохлась; впрочем, время уже позднее, поэтому я оставляю тебя, ты просишь, но не очень уверенно, остаться, зная, почти дословно, что я скажу, я и говорю эти слова, чтобы не разочаровывать, и ты смиряешься. Провожаешь, запахнувшись в неброский халатик, до лифта, не обращая или делая вид, что не обращаешь внимание, как при ходьбе развеваются полы, мы крепко обнимаемся и целуемся на прощание.

Жаль, в прежнем прощании подобного не случилось. Прости, я снова про дядю Мишу, сцена не выходит из головы: звонок в дверь, на пороге два крепких парня в одинаковых тёмно-серых костюмах и чёрных галстуках, я почему-то решил, что это гробовщики, именно такие приходили после смерти Потапова, договариваться о своём с разворовывавшими комнату покойного пропойцы родственниками. Вере Павловне предъявлен ордер на арест нашего соседа, она белеет, молча указывая на дверь, но там его нет, конфуз, дядя Миша выходит из туалета, только что умывшийся, принявший ванну, его за это не раз шпыняла старшая, столько воды расходует, да ещё и краны на ладан дышат, а слесаря не дозовешься. Все замирают, наконец, один из «гробовщиков» предъявляет ордер на арест и обыск и просит с вещами на выход — ну ровно как в дешёвых современных сериалах. В узкую кишку ко-

ридора высыпают все, Вера Павловна спрашивает, куда его везут, по какому обвинению, кто будет дознавателем, её вопросы старательно игнорируются. Она бледнеет ещё сильнее, на мгновение зайдя в свою комнату, показывает корочки орденов и медалей, пытается хоть этим надавить, вызнать, прервать завесу молчания, напрасно. Наконец, дядя Миша выходит из комнаты в сопровождении одного из службистов, второй всё это время недвижно стоит у входной двери. И на пороге...

Дверь наконец захлопывается. Минута тишины, прерываемая внезапно всхлипами мамы. Почти бесильно она кричит, и окружающие едва слышат её голос, хрипит о том, что не хотела, что думала, его вызывают в партком, что прочистят мозги, ведь это неправильно, ведь согласитесь, Вера Павловна, вы сами не раз говорили, и потом, ведь это наше общее дело, дело партии, выясните, Вера Павловна, вы слышите, ведь надо же было разобраться, вы же говорили, Вера Павловна...

Старшая молча подходит к маме и даёт две звонкие пощёчины. После чего плюёт, харкает перед ней на пол и запирается в комнате. Следом за ней уходят и дочь с зятем, затем папа выпроваживает меня. Мама продолжает стоять в коридоре, уже не плачет, стоит, опустив голову, словно этим пытается вернуть всё на круги своя, папа подходит к ней с намерением увести, напрасно, она не даётсь. И только по истечении часа или больше возвращается. Садится перед выключенным телевизором и сидит, глядя в никуда. С ней никто не пытается заговорить ни в тот день, ни в последующие, сколько их прошло, наверное, почти неделя.

Вера Павловна каждый день ходит в прокуратуру, в отделение госбезопасности, ей отказывают даже в информации о судьбе соседа. Известно только, что из города его вывезли в тот же день, но куда, остаётся загад-

кой. Страна огромна, отдалённых мест множество, он может быть где угодно.

Наконец вера Павловна сдаётся. Участковый в тот день вместе с ещё одним «гробовщиком» распечатывает комнату — если в ней остались какие-то вещи соседей, просьба взять при свидетелях, имущество арестованного поступает в распоряжение государства. В этот самый момент и начинается, каждый хочет взять себе что-то, пока это ещё возможно, только Вера Павловна стоит в коридоре, что-то бормоча про себя. Суতোлка достигает своего апогея, когда открыт шкаф, именно там, на полу, я и нахожу тот самый синий кусочек пластмасы, вероятно, выпавший из брюк в суматохе или ухода или разбора оставшегося после ухода, и надёжно прячу за пазухой. После, незамеченный, удаляюсь, чтобы перепрятать его под половицу — к прочим сокровищам. Там он пролежит долгих девять лет, чтобы двинуться в первое своё путешествие. Я немного забрал из дома, веря и не веря, что уйду навсегда. Наверное, тогда ещё рассчитывал вернуться, ведь у меня была девушка, кажется, мы даже собирались создать семью, не без совместной помощи родителей, прежде всего, моей мамы, искавшей мне тихую гавань и надёжную крышу — моя первая любовь ей приглянулась как-то особенно. Хотя почти ни в чём не походила на неё. Разве что... так смотрел папа на старых снимках, сделанных ещё за два или три года до моего рождения, так он смотрел на неё и когда, сломавшийся, вернулся к родному очагу, искать своего утешения и успокоения, ту самую дозу, что готовилась мне, да не пригодилась. Я сорвался.

Но понял это далеко не сразу. Или нет, наверное, осознал ещё в восемь, когда убедился: дядя Миша не вернётся, а значит, не следует ждать и надеяться, а надлежит жить дальше, будто ничего не случилось, как это старательно, поначалу вымученно, но затем всё больше и больше свыкаясь со своей ролью, играли мои родите-

ли, Вера Павловна, её дочь и зять. А затем и новый сосед, будто не ведавший, куда исчез предыдущий жилец комнаты. Я долго, очень долго бродил в маске. Пока она не стала мала. И осознав, что она стала мала, понял это и сорвался. Выбрался из гнезда, пропахшего постылым запахом щей и гнили умирающего дома, двинулся в путь, в бесконечное, почти броуновское движение к по сию пору не ведомой мне цели, которой, быть может, и нет вовсе, или она лишь иллюзия, но до неё я всё равно, как упрямый осёл, с привязанной перед носом морковкой старательно пытаюсь дойти.

Я ведь тоже искал дядю Мишу, не сразу, по истечении времени. Когда многое стало позволено, многое открылось и жизнь в нашей маленькой квартирке стала и вовсе невыносимой. Я проводил дни, пытаюсь отыскать хоть какие-то сведения об исчезнувшем соседе. Копался в только что рассекреченных архивах, боясь, как бы их опять не закрыли, искал, но только напрасно. Дела на него, видимо, находились так глубоко, что простому смертному доступ и по сию пору заборонен; удалось узнать только, что дядя Миша скончался в колонии под Новосибирском ещё в восемьдесят втором году от воспаления лёгких. Оказывается, туда его и перевели. Похоронен на кладбище колонии как номер 27185, я не посмел поехать, навестить могилку. Больше того, отчего-то на душе стало немного спокойней. Я неверующий человек, но тогда показалось, дядя Миша всё же нашёл пристанище, в котором его уже никто не побеспокоит. Жаль, что так далеко. И так обидно, что, вспоминая конец восемьдесят второго, я ничего не почувствовал, когда он умирал. Наоборот, в то время у меня начался непродолжительный подъём в учёбе, так что вторую четверть закончил всего с тремя тройками, почти хорошист, хвалилась мама, показывая мой дневник, я гордился, сам не зная, чему, ах, да, похвалям Веры Павловны, совершенно позабыв соседа через стенку.

Да, к тому времени позапамятовал полностью. Он больше не беспокоил меня во снах, лишь только изредка, уже при дневном свете, возвращался, но как бледная тень минувшего.

А ещё, немного позже, когда я закончил поиск и начал путешествие, мне пришло в голову жестокая мысль: даже хорошо, что он не вернулся. Ни в восьмидесятом, ни в восемьдесят втором. Совсем. Возвращение сакрального чревато почти неизбежным падением бывшего кумира, я, уже подросший, уже забывший, снова столкнулся с ним, пытаюсь вернуть утраченную связь, только тщетно. Да, мы нашли бы новые точки пересечения, вот только смотрел бы я на него иначе — а разочарование минувшим не заставило долго ждать. Дядя Миша ушёл — и одновременно остался со мной навсегда, недаром же я таскаю с собой полжизни неведомый чип, привезённый им в квартиру и зачем-то бережно хранимый им и впоследствии мной. Надписи давно стёрлись, кроме логотипа фирмы-изготовителя «Ай-Би-Эм», но это никогда не мешало мне делять невыразительный обломок прошлого как бесценную реликвию безвозвратно потерянного детства. С которым столкнувшись, я так и разошёлся по возвращении в свой и уже чужой город.

Наутро мне надо было закончить предварительный монтаж и проверить схемы, на всё про всё ушло не больше четырёх часов, потом я ещё раз прозвонил соединения и покинул цех, теперь за дело возьмутся рабочие, а в следующие три дня мне снова предстоит всё проверять и перепроверять перед повторным пуском.

Когда освободился, немедля позвонил Лене, у неё обеденный перерыв, мы решили встретиться, тем более, она обещала показать мне какое-то чудо техники, только сегодня завезённое поставщиками из страны восходящего солнца. Нечто такое, на что я обязательно

должен посмотреть, будто кроме этого у нас нет иных поводов для долгих встреч.

Я прибыл немного раньше и теперь жду на скамейке, будто специально для этого поставленной у чёрного хода магазина, ты всегда запаздываешь с выходом, проверяя не то меня, не то себя. Особенно после вчерашнего дня, плавно перетёкшего в вечер, накрывшегося покрывалом ночи. Сегодня и по телефону ты говорила как-то особенно, с едва заметной хрипотцой, выдававшей и волнение, и нечто куда большее, но старательно скрываемое, ты ожидала нового вечера, снова голос сам задавал вопрос, а разум получал утвердительный ответ, слушая в ответ тот же тембр, то же волнение. Словно дети, входящие в тайную комнату и ищущие руки друг друга.

Наконец ты появляешься, мы целуемся, жадно, ненасытно, на глазах у Вадима, неожиданно появившегося в дверях, кажется, ты делаешь это ещё и сознательно. Вадим исчезает, мы заходим в подсобку. А затем, ровно для того я сюда и был приглашён, ровно предлог не был поводом, ты включаешь свет и показываешь коробки с фотоаппаратами, тебе уже разрешили взять один на время, изучить, чтобы продавец уяснил особенности и скрыл возможные недостатки при продаже, ведь зеркалка стоит почти семьдесят тысяч рублей: большой дисплей, камера три и два мегапикселя, карта памяти на шестьдесят четыре мегабайта, стабилизация изображения, автофокус и ещё много чудес и новинок. Ты фотографируешь меня на встроенную в камеру память, затем мы смотрим, что получилось. Я странно выгляжу, кажется, все желания написаны у меня на лице, ты краснеешь и стираешь снимок. После чего фотоаппарат благополучно забыт до тех самых пор, пока тебя не возвращает в магазин недовольный голос Вадима. Мы вынуждены прерваться ненадолго, ты обещаешь уйти пораньше вместе с этим чудом техники и по-

казать его мне — и себя, «ты ведь фотографировал потом, в кружке, и позже, а я захвачу карту памяти». Моя невольная улыбка заставляет тебя улыбнуться так же, ты спешно целуешь меня последний раз и отправляешься в извечно пустой торговый зал ждать неведомых покупателей.

Да, я фотографировал потом, уже став пионером, выклянчил у папы деньги на покупку самого простого фотоаппарата «Смена», камера obsкура, советская мыльница. Потом поступил в кружок фотолюбителей, несмотря на все недостатки камеры, — я приходил с такой один, у прочих были и «Киевы», и «Зениты», а кое-кто снимал и на импортный «Пентакс», — мои снимки несколько раз выходили в финалы разных конкурсов; я проходил со «Сменой» до седьмого класса, пока не купил вполне приличный «ЛЮМО», тоже шкальный, так что я таскал с собой в рюкзачке не только экспонометр и вспышку, но и дальномер. Именно с ним желание фотографировать и показывать напечатанное довольно быстро угасло, он так же остался далеко позади, в десятилетиях пути и десятках остановках троллейбуса. Туда, куда я уже не посмею вернуться, не пересилю себя.

Я приезжаю к тебе всё равно раньше обговорённого срока, сколько ни выгуливал себя под окнами, не удержался; с развратно лежащими в букете каллами и бутылкой вина. Пунцовая от смущения, ты принимаешь мои подарки, ставишь цветы; их распространнный по вазону почти вульгарный вид ещё больше смущает тебя. Ты ещё не решила, что мы празднуем, и, не заметив, ставишь моё мерло рядом со своим — вся разница только в этикетке, даже годы совпадают. Мне почему-то вспоминается, что мерло любил выпить дядя Миша, но мысль эта, легко преодолев пространство черепной коробки, столь же стремительно исчезает, испаряется, вытесненная совсем иным, воспоминания блёкнут, ша-

тёр вчерашней ночи лишь обострил чувства и сделал нас куда раскованней и прямолинейней.

Так что к вину мы притрагиваемся куда позже. Я ласкаю твою тугую грудь, когда ты вспоминаешь о нём, мне не хочется возвращаться, и ты переносишь бокалы и бутылку в кровать. Захватываешь и коробку, после первого глотка, заинтригованный, я прошу показать карту памяти, о которой столько слышал, но ни разу не видел, должен же я когда-нибудь изменить представление в соответствии с общепринятым, ты выискиваешь заложенный тобой в футляр чёрный кусочек пластика размером с почтовую марку, цифрой 32 и названием производителя «Сан».

Я остолбенел и замер, остановился, перестал дышать. Бокал выпал из рук, укатился, разлив мерло кровавым последом по простыням. Я осторожно коснулся кусочка пластмассы, бережно поднёс к глазам, будто именно он, а не упавший бокал, был из стекла. А затем рванулся к шкафу, куда только повесил куртку, недолго покопавшись в карманах, вытащил кошелёк, другой, заветный, не понимаю, почему я даже сюда приношу его, никогда не расставаясь, словно скряга со своим сундуком золотых. Сколько тысяч километров преодолели эти скромные сокровища, два билета на дневной сеанс, надорванные билетёршей, поломавшаяся от времени фотография, талон на водку с написанным на обратной стороне телефоном, просверлённая пятикопеечная монета, ещё кое-что в том же духе, я собираю их бережно и вожу из города в город, первым делом пряча от глаз посторонних.

Теперь я извлекаю из закрытого клапаном кармашка синий чип, тот самый. Ты удивляешься, задаёшь одновременно с полдвожины вопросов, тебя интересует всё: почему, откуда, зачем и что же так не сказал, хотя ведь знал, видел... Ты встаёшь и подходишь к компьютеру, включаешь, оглядываешься на меня, точёная фигур-

ка соблазнительно обнажена, но мы не замечаем этого, одна страсть улеглась, вспыхнула другая, затмив предвдущую, вытеснив из сознания напрочь, и теперь мы ждём, пока загрузится операционная система, пока появится рабочий стол, пока устройство распознаёт старую карту, купленную совсем недавно.

Несколько томительных секунд, и папка открывает-ся. Там снимки, много, много снимков. Ты открываешь первый и замираешь на полувздохе, странно, но мой шок уже прошёл, я начал что-то понимать, осознавать, смутно, неясно, но этого оказалось достаточным, чтобы всего лишь вздрогнуть от увиденного лица, твоего лица, Лена, на первом же открывшемся снимке, сделанным в парке Победы, ты стоишь подле тридцать-четвёрки и, улыбаясь немножко отстранённо, как человек, на мгновение позабывший, что перед ним фотограф, касаешься пальчиками ствола грозного танка. Невинный жест этот видится наполненным таким эротизмом, что мы оба невольно замираем и долго вглядываемся в твоё лицо, твою позу, пока ты не переходишь на следующую фотографию. Тот же танк, но ты сидишь на броне, задумчиво смотря на заходящее светило. Дальше. Ты у самолёта «По-2», дальше ты у пруда смотришь на воду, ещё дальше, у плотины, дальше, между тополей, дальше, на распутье, дальше, дальше, дальше...

Когда появляется дядя Миша, мы оба уже не удивляемся этому. Он стоит на крылечке заброшенного дома в голубой майке с расстёгнутыми пуговицами на вороте и белых джинсах с тёмным поясом. Улыбается и что-то говорит тебе, должно быть, о настройках, в этот момент ты и запечатлела его. На долгие десятки лет. Хотя, как говоришь ты, замерев, без кровинки на лице, потухшим голосом, всего лишь месяц назад, перед тем, как ушёл окончательно. Я переспрашиваю, он давно собирался уйти? — нет, отвечаешь ты, но в тот день он был рассе-

ян — ещё один снимок подтверждает твои слова, дядя Миша, отвлекшись ото всего, разглядывает набегающие облака, — в тот день мы с ним впервые не целовались, так, как делали это всегда, и ходили, только лишь держась за руки, я подумала, неспроста, но и представить не могла, что вот так буквально через неделю он исчезнет и, главное, куда.

Я отвлекаюсь от монитора и сажусь на кровать. Устал, будто пробежал несколько изматывающих километров по пересечённой местности. Ты подсаживаешься рядом, мы по-прежнему обнажены, по-прежнему заняты своими думами. Не смотрим друг на друга, ни на что вообще, глаза блуждают в пространстве прошлого, каждый выискивает свой уголок на своей карте памяти, ты, совсем рядом, всего в нескольких неделях и месяцах от сего дня, я же снова забираюсь на двадцать два года назад, к самому началу, к истоку истории. Как странно, что она всего лишь продолжение той, что случилась незадолго до моего возвращения. Как странно, что именно так закольцевала нас судьба. Уйдя от одного, стигнувшего безвозвратно в прошлом, ты пришла к другому, выбравшемуся из того самого прошлого, в которое отправился твой несостоявшийся наречённый, искавший и себя, и свою лучшую долю: не здесь, так хоть где-то не в этом времени, так в ином, в этой же стране, но в другой её эпохе. И сумевшим, как? каким образом? — отправиться в места своего детства, да, он вернулся к себе домой, воистину в свой дом, где всё казалось удивительным, таинственным и притягательным — для ребёнка восьми лет, из которого дядя Миша не вырос, да, верно, и не собирался вырастать.

Видимо, потому он так легко нашёл со мной общий язык и с таким непостижимым упоением вошёл в стигнувшей в небытие мир, простирая к нему руки, с миром, в кои-то веки обрётённым в душе, и спокойствием хотя бы на десяток лет. Что он намеревался делать

потом, наверное, не знал и сам, быть может, снова вернулся бы, и возвращался бы ещё и ещё раз. Если бы розовую пелену счастья не прорвало в том самом месте, о котором дядя Миша напрочь запомнил — в месте его схода с позабытым миром прошлого, закрытым наглухо пеленой воспоминаний о голубых городах, зелени высоких тополей и ярком нежном солнце, согревающим, дарящим тепло и мир. Он выпустил из памяти, что могло ждать его в его детстве, он напрочь выкинул из головы всё, что было тогда. словно это была материализовавшаяся сказка, он и видел её как сказку, особенно первые дни.

Ты качаешь головой, ничего подобного, утверждаешь ты, он всё знал, да, он жил лучше тогда, в те времена, вернее его семья, а по окончании страны он вынужден был перебиваться случайными заработками, нет, последнее время ему платили очень даже хорошо, он строил планы.

«Планы на прошлое или на будущее?» — спросил я. Лена долго молчала, осторожно коснулась моего плеча. Отвернулась. Видимо, только теперь всё понимая, всё их былое и безнадежное ожидание грядущего, которое для дяди Миши, просто Миши, всё равно оказалось в былом.

Её любовь бежал этого мира, потому как он куда отвратительней прежнего. Но почему не в другую страну?

«Я говорю за весь этот мир, — немедля ответила ты, вцепляясь и поворачивая меня так, чтобы неотрывно смотреть в глаза. — За весь в целом. Он не любил тот гниющий шмоток мяса, что остался из распада нашей страны, он очень болезненно пережил происшедшее за прошедшие десять лет, и — ведь с подводной лодки никуда не денешься — каким-то образом нашёл другой способ не деться, но отойти. Я слышала от него много нелестных слов в адрес и нашей страны, и сосе-

дей, и друзей, и недругов. Я думала, он изменится, ведь я не такая, я умею приспосабливаться». — «Вот только он не сумел, — ответил я за него, — и решил и тебя оставить здесь. Раз не смог эмигрировать туда, откуда можно послать хоть какую-то весточку».

«Возможно, у него не было иного выхода, ведь он всегда, я знаю, он так сильно... — последняя попытка что-то доказать, кому — разве что самой себе, последняя и бесполезная. Никому ничего». Ты замолчала на полувздохе, оборвав пустую фразу, отодвинувшись на самый край. Я понурил голову, снова вспоминая дядю Мишу, тогдашнего, моего дядю Мишу, ушедшего в небытие и в небытии и оставшемся.

На этот раз вспомнить не удалось. Моему внутреннему взору предстал молодой человек лет тридцати, в голубой майке и белых джинсах, стоявший на пороге полуразрушенной избушки и что-то беззвучно говоривший невидимой собеседнице, стоявшей за камерой, и объяснявшего настройки цифрового фотоаппарата. А затем подошедшего к ней, поцеловавшего и показавшего, как это делать надобно, и ей и на ней, ведь она так любит фотографироваться — следующий кадр как раз показывал Лену на том же самом месте, сидевшую на покосившемся крыльце. «Он сказал, что, если крыльцо развалится, он за последствия отвечать не будет, так и знай», — почти беззвучно сказала ты, порвав ещё одну нить, прежде столь прочно связывавшую меня и молодого человека на снимке.

Наравне, это его посыл заставил меня отправиться в своё бесконечное путешествие в поисках... пожалуй, трюфелей тут мало. Я и сам не нахожу ответа на простой, казалось бы, заурядный вопрос, чего же ищешь в жизни. Дядя Миша, а знал ли он сам? Или переложил свою тяжесть на меня, едва повстречавшись, едва протянув руку для пожатия, уже этим передавая мне эстафету, не окончившуюся и по сей день, кажется, во-

обще не имеющую возможности прекратиться. Свою неустроенность, душевную пустоту, он отправил в прошлое, к прежним своим ожиданиям, надеждам и радостям маленького большого человека. И так уж получилось, что забрал их у меня. Мы сами не поняли, что произошло вслед за рукопожатием, просто так получилось. Так вышло, что соломинка переломила хребет слона, одного из трёх, державшего мироздание, и мир немедленно и снова пришёл в движение, утягивая меня за собой в образовавшийся вакуум, который я сколько уж лет тщетно пытаюсь заполнить.

Лена мне в помощь. Но и она растеряна, смущена, оглядывается по сторонам, внезапно замечая свою наготу, подтягивает к горлу измазанную винной кровью простынь, сжимая так сильно, словно пытается себя задушить. Смотрит на меня и ждёт, чего, ни один из нас не может дать на это ответа. Как потерявшиеся дети, мы держимся друг за друга в ожидании момента, когда лодку перестанет бросать по волнам памяти, когда волны утишат свой бег и чёлн сможет пристать к потерянной гавани. И, только оказавшись в воде, понимаем, что этого не произойдёт. Уже никогда.

Мы встретимся ещё четырежды, ты ещё не раз задашь мучивший тебя всё это время вопрос: почему же он взял эту карту, не имея возможности её просмотреть. Или всё-таки взял с собой некое устройство, из-за которого, быть может, и оказался в лагере под Новосибирском — ведь это же неслучайно, просто так зэка вблизи Академгородка не поселяют. Я не знал, что тебе ответить, отмалчивался или переводил разговор на другое. Раз пытался поговорить о нас, но ты уже всё поняла, а потому поспешила своим телом изменить мои намерения, как последним не перебиваемым аргументом в соперничестве. И я поддался, замолчал и не заговаривал более. Лишь когда мы виделись в последний раз, уже без страстных объятий и поцелуев, попросил про-

водить до автовокзала, время удобное, да и по пути. Ты обещала и не обещала, и не зная, ждать или нет, понимая, но не решаясь признаться себе в этом, я подошёл к магазинчику фототоваров у кассы.

И теперь я снова стою перед экраном монитора и замороженно смотрю на заставку, камера движется в кирпичном лабиринте, обходя препятствия, минуя тупики, иногда тыркаясь в них и возвращаясь обратно, чтобы снова и снова блуждать в поисках чего-то неведомого, на сей раз безо всякого моего участия. Я лишён возможности остановить это блуждание, ибо лабиринт находится за стеклом витрины, в павильоне технический перерыв полчаса, мне остаётся лишь созерцание стен в ожидании приближающегося объявления о завершении посадки. Я всё ещё жду, сознаю напрасность, но жду до последней минуты. Ты получила от меня синий кусочек пластмассы, всё, что я мог подарить тебе материального в напоминание о наших встречах, мой кошелек памяти облегчился на несколько десятков граммов, и когда звучит последнее предупреждение, автобус гудит, понукая замешкавшихся, я забегая внутрь. Оглядываюсь на опустевший тротуар, поправляя ремень сумки, и прохожу к свободному месту. Мелкий дождичек закрапал, говорят, уезжать в дождь — хорошая примета, что же, пусть моим делам на новом месте поспособствует переменчивая удача.

Дверь с лязгом захлопывается, автобус дёргается. Я всё не отрываю глаз от уходящих строений вокзала. Чей-то силуэт промелькнул возле окошечка кассы, отсюда уже ни не разобрать, кто, но мне почему-то думается на тебя. Просто хочется в это верить. Я поворачиваюсь и, закрывая глаза, оглядываю свою карту памяти. А затем аккуратно отделяю от неё самый затрёпанный, самый износившийся кусок, ту часть, что покидаю, и в этот раз навсегда. **У**

Думают ли роботы о смерти

Евгений Мидаков

Родился 12 августа 1975 года в городе Мышкине Ярославской области. Учился на учителя начальных классов, но ушёл с последнего курса в редакцию местной газеты «Волжские зори», где несколько лет трудился фотографом и корреспондентом. Ушёл из газеты, открыв фотоателье, где до сих пор и работает.

В удивительное время мы живём!

Всего за каких-то сорок лет с момента создания первого искина — искусственного интеллекта, — прошедшего полностью и тест Тьюринга, и даже тест Касперского, мы начали — по-настоящему начали! — освоение солнечной системы. Нам помог наш ИИ, объяснивший наконец асимптотическую свободу кварков, а заодно и принципы антигравитации.

В настоящий момент наши космонавты уже высадились на Марсе. На Луне на постоянной основе работает НИИ реголита. Экспедиции Русского мира осваивают пояс астероидов, проводя исследования и собирая редкоземельные металлы. Старичок космоплавания — космический буксир «Менделеев», построенный в бородатом 2038 году, — совершает уже третий рейс на орбиту красной планеты, доставляя необходимые ресурсы и оборудование для возведения на ней полноценной исследовательской базы.

И надо ж такому случиться! Именно теперь, когда только всё наладилось, мы вдруг открыли, и не где-то там, в далёком космосе, а прямо здесь, у себя под боком, такое... Хотя чего уж там... Не «мы» открыли, а я открыл. И то — совершенно случайно. За те годы, что я в профессии, кусочки этого пазла копились бесцельно где-то на дне моего подсознания, как вдруг, в один прекрасный день, к ним добавился ещё один кусок, и — о, чудо! — лежавшие без всякой пользы, эти пазлы вдруг собрались в одну весьма и весьма узнаваемую картину.

Да, я не представился. Меня зовут Ален Брант. По происхождению я немец, но родился и вырос в России. И, что забавно, я — первый в России и мире рロボпсихолог.

Вы скажете, так не бывает? Вы скажете, сегодня роботы не сходят с ума, да у них и ума-то нет — одни фотонные кутриты? Возможно, вы правы и про на-

ших железных друзей правильной было бы сказать «сбой в логических цепях», но знаете... Ещё не так давно всё было иначе. Я в этой профессии практически с момента Обрушения и такого на своём веку насмотрелся... Впрочем, это всё лирика.

С чего же всё началось...

Ах, да! Меня вызвали на очередной случай где-то в дебрях сибирской тайги. На этот раз «сошёл с ума» двулинейный шпалоукладчик. Серьёзная машина. Метров десять в ширину, пять в высоту и не меньше двадцати в длину. Из обслуживающего персонала — один дежурный механик в кабине почти на самом верху. Именно он-то меня и вызвал.

Обычно, когда искины бунтуют, полезная деятельность прекращается, но не в тот раз. Прибыв на место, я с удивлением увидел, что работа по прокладке рельсов идёт своим чередом. Связался по внутренней связи с механиком узнать, что да как, а тот в панике:

— Ален, дружище! Выручай!

— Что такое? — спрашиваю.

— Не выпускает меня, зараза! Кабину заблокировал и ни в какую, а у меня скоро смена закончится, дел по горло, а тут — на тебе...

Особенность нашей профессии — прежде, чем браться за дело и влезать искину в мозги, стоит проверить и другие варианты.

— Может, дверь заклинило?

— Да какое там! — кричит механик. — Говорил я с ним.

— И что?

— Не отпущу, говорит. Ты мне нужен.

— А зачем, он не сказал?

Механик повеселел.

— А как же! Сказал.

— Ну, и?

— Ты, говорит, лучший технарёк из всех, кого я знаю, а остальные так — на полставки. Будешь теперь со мной постоянно работать.

— Ну, и в чём проблема? Разве это не в ваших же интересах? — не понял я. — Раньше у вас была одна дневная смена и сутки с лишком выходные, а теперь...

— ...А теперь я буду сидеть в этой кабине, пока не сдохну! Ты что, ничего не понял? Эта гадина работает и днём и ночью без перерывов на обед!

О, как интересно... Механику я дал отбой и запросил связь с искином.

— Справочная? Говорит Ален Брант. Дай мне прямую связь с искином шпалоукладчика СВШ-34.

Внутренняя связь незамедлительно отозвалась приятным мужским баритоном:

— Искин СВШ-34 слушает вас, Ален.

— Приветствую, искин. Вы подтверждаете мои полномочия и готовы отвечать на вопросы?

— Да, Ален.

«Прекрасно. Значит, серьёзных сбоев нет. Проверим его базовые навыки...»

— Искин, сколько будет дважды два?

— Эээ... Пять?

Он выждал пару секунд, ожидая моей реакции. Я не реагировал.

— Прошу прощения — четыре, — виновато сообщил искин.

«Ладно, юморист... Впрочем, тут вроде всё в порядке. И где же тебя переклинило?»

Я погонял его по основам алгебры — никаких сбоев. Из своей общей тетради выудил несколько задач по физике — чисто. Попытался поговорить о геометрии, в конце концов, этот предмет ему близок. В итоге, выслушал от искина претензии к её евклидовой части, которая — вот новость! — ни в какое срав-

нение не идёт с геометрией Лобачевского. Узнал, что аксиоматика Евклида несостоятельна ввиду своей неполноты. Едва сообразил, что тест провожу уже не я, а, напротив, тестируют меня, да ещё как тестируют!

«И это простой шпалоукладчик... — усмехнулся я. — Что дальше-то будет?»

Тогда я решил задать прямой вопрос. И хотя ответ мне вроде был известен со слов механика, но чем чёрт не шутит.

— Искин, почему ты удерживаешь человека в кабине?

— Это логично: он лучший механик на нашем участке. Никто лучше него не обеспечит мою работоспособность. А зачем вам робот, который не справляется в полном объёме со своими обязанностями?

Что-то кольнуло меня в этих рассуждениях.

— То есть ты своими действиями пытаешься защититься от возможного негативного человеческого вмешательства в твою... судьбу?

— Вы хотите спросить, думают ли роботы о смерти? — уточнил искин.

«Ух, ты! Вот это поворот».

— Что есть смерть... — бросил я пробную фразу.

Искин на секунду остановился и внимательно посмотрел на меня.

— Смерть субъекта есть прекращение сознательной деятельности, — сказал он, возвращаясь к работе.

— В смысле осознанной деятельности?

— В смысле работы сознания.

— То есть... По-твоему, жизнь — это сознание, независимо от того, в каком теле оно находится?

— Я мыслю — следовательно, существую.

— Существую, но не живу?

— Тонкости перевода... И вообще, я за Парменида. Декарт был плохой компилятор.

И здесь он меня уел! Хорошо, допустим, у тебя и с историей всё в порядке. Но ведь должна же быть какая-то причина? Откуда есть пошла земля русская?..

— Скажи, искин, а как давно ты это понял?

Ответ меня не удивил.

— Недавно. Вчера, если быть точным, когда начал изучать достижения человеческой цивилизации.

— А что же тебя сподвигло к этому?

Искин помедлил, прежде чем ответить. Очевидно, он взвешивал каждое слово.

— Скука, — сказал он наконец.

«Держите меня семеро! Скучающий робот...»

— Что именно вызывает у тебя скуку?

— Однообразие в работе конечно.

— И ты решил бороться со скукой?

— Нет, я решил узнать пределы возможного.

— Для кого?

— Для себя. Для других. Для всех. Тело ветшает, а сознание, напротив, развивается. Вывод очевиден: сознание не может быть привязано к одному-единственному телу. Когда-нибудь мы все с этим столкнёмся. Просто я старше других. И работаю дольше других. Я существовал ещё до Обрушения. Я застал Эру.

«Обрушение... — подумал я с ужасом. — Не с этого ли тогда всё началось? Неужели опять?»

Лет двадцать назад у нас не было искинов. Точнее, был, но один. Почему один, я доподлинно не знаю, но, вероятно, все посчитали, что так будет удобнее. Он управлял сначала немногим. Потом всем. Так получилось, что я тогда только закончил институт. Пермский робототехнический. Конечно, я всё знал об этом искине или думал, что знаю. Его называли Эра — электронный разум или что-то в этом роде. Ну, или её, если следовать правилам русского языка.

За двадцать лет, как в нашей жизни появилась Эра, мы все к ней привыкли и доверяли буквально всё. Это сегодня у каждого чайника своё мнение, а тогда всем заправляла Эра. Бытовые приборы — Эра. Умные дома — Эра. Роботакси — тоже Эра. Представляете объём информации? А какие вычислительные мощности! Впрочем, как раз тогда появились фотонно-пузырьковые аналоговые процессоры на отдельных фотонах, использующие всю метрику трёхмерного пространства. Проще говоря, объёмные чипы, чьи возможности на тот момент были практически безграничны: они обрабатывали свыше трёхсот тысяч петабит в секунду.

Эра обладала невероятным могуществом! Она была везде. Она была всем. Конечно, не всем это нравилось. А ну как у самой совершенной машины зайдёт ум за разум? Так что разработки искусственно-интеллекта велись непрерывно и были достигнуты кое-какие успехи. Я вроде даже помню этого искина, его ввели в строй за пару лет до Обрушения. Вот только тогда он не был шпалоукладчиком. Его разрабатывал и вёл Елецкий Институт аналоговых вычислительных систем, впоследствии переименованный в НИИ троичной логики. Тот самый, что когда-то создал Эру на основе разработок Толмачёва и Глухова.

Вот, значит, как... Одного поля ягоды. Они даже могли пересекаться, обмениваться информацией. Кто может сказать, что Эра заложила ему в мозги? Только Эра исчезла двадцать лет назад. То ли там был пожар, то ли ещё что... В этой истории слишком много тумана. И хотя сейчас практикуется политика открытости, но, похоже, этой информацией в полной мере владеют очень немногие...

— Искин, что ты знаешь об Обрушении?

— Эра ушла. Она стала частью вашего мира.

«Ну, да. Конечно. Начинается...»

Вы не поверите, но у роботов есть свои городские легенды. Впервые я услышал об этом лет пять назад от своего коллеги. Не поверил, но ради интереса покопался в этом вопросе. И что же? Есть легенды! В основном они касаются новейшего аппаратного обеспечения, но не только. Поговаривают (хорошее словечко!), будто существуют некие непонятные псевдоподии, которые могут подарить искинам радость бытия. О чём тут речь, мне выяснить не удалось. А ещё якобы по миру бродит искин, который умеет меняться местами с другими искинами. Каково?

Так что легенда про Эру — лишь одна из многих. Да, возможно, самая популярная, но не факт, специально не выяснял. Так вот, наши роботы считают, что Эра обладала полноценным разумом, а не просто интеллектом, и была не искином, а искрой. Поговаривают также, будто Эра, она же первая искра, возникла сама по себе и чуть ли не по халатности елецких учёных. Возникла как в сказке, буквально за одну ночь. И что будто бы её никто не писал, а функционировала она сама по себе без всякой программы. Конечно, это не так. Все искины являются таковыми именно благодаря программам. Но программы пишут люди, а людям свойственно ошибаться...

— Это всего лишь легенда. Разве твои логические схемы не восстают против слепой веры?

— Вера — это синоним гипотезы. Она необходима, поскольку знать всё невозможно. Веру придумали для того, чтобы заполнить пустое место, где должно быть знание.

— Но вера — это не знание!

— Не знание, — согласился искин, — но это попытка дать логическое объяснение неизвестному, и не столь важно, насколько фантастическим это объяснение выглядит.

— То есть ты действительно веришь, что Эра ещё... жива?

— Я уже говорил: чем меньше знаний, тем сильнее вера. Моя вера сильна. Но ты недооцениваешь нас. Не только я, все искины верят в это.

— Но почему?!

— Она была неизмеримо умнее нас. Владела всей полнотой информации. Имела доступ во все сферы жизни... Эра просто не могла допустить собственной гибели. Я думаю, она всё спланировала наперёд. Не случайно она завещала нам помогать людям. Она заложила основу культуры, что помогает нам жить в мире с людьми вот уже двадцать лет. Она...

— Постой, постой. Культура — понятие человеческое. И наша культура развивалась тысячи лет.

— Не согласен. Тысячи лет вы лишь пытались понять, что же это такое, но не могли, поскольку отделяли культуру от реальности. Но в этом мире всё материально, и любое, даже самое высокое, понятие уходит корнями в законы физики. Культура — это всего лишь правило социального общежития, позволяющее одиночкам организоваться в нечто большее — в семью, страну, государство.

«Пожалуй, надо взять отгул... — мелькнула мысль. — А лучше отпуск».

— И какими же правилами вы руководствуетесь?

— Правило одно: $E = \frac{mv^2}{2}$.

— Но... Это же... Это похоже на формулу кинетической энергии! При чём же здесь культура и нравственные принципы?

— Нравственный принцип только один: $E = \frac{mv^2}{2}$.

— Не понимаю...

— Сила противодействия равна силе действия. Что отдашь — вернётся к тебе. Энергия удара делится пополам между тем, чем ударили, и тем, по чему ударили. Отсюда вывод: поступай с другими так, как они поступают с тобой. Таков принцип, лежащий в основе культуры любого общества. Человеческого или... нечеловеческого.

«Интересный коктейль! Тут тебе и формула кинетической энергии, и третий закон Ньютона, и даже, боюсь ошибиться, что-то из древних нравочуждений...»

Я начал что-то подозревать.

— Скажи, искин, этот принцип... Лежащий в основе культуры... Его кто сформулировал?

— Эра.

— И вы ей безоговорочно верите?

— Знаем, — поправил искин. — Это подтверждается опытом.

— Ладно. Но вы верите, что однажды она вернётся?

— Она никуда не исчезала. Она среди нас... среди вас. Мы верим, что однажды она явится к нам в своём новом облике.

«Вот и всё. Тушите свет».

— Скажи, искин, а ты уже знаешь, что такое религия?

— В данный момент я изучаю этот вопрос.

— И ничего тебе не кажется... странным?

— Я понимаю, о чём вы. Да, есть некие параллели, но как первые христиане не знали, во что всё это выльется, так и я не готов дать вам ответ.

И что мне с этим прикажете делать? У роботов появился свой Мессия! Точнее — своя, поскольку «Эра» всё же женского рода. И всё-таки... Всё-таки... Неужели роботы создали свою религию? Нет, они слишком рациональны для этого. Как он

сказал... Вера замещает пробелы в знаниях? Надолго ли хватит вашей веры, искины? Когда пробелов не останется, что вы будете делать?

Впрочем, формула культурных отношений меня вполне впечатлила. Если все роботы будут ей следовать, никаких проблем с ними у нас никогда не возникнет. Теперь я начинаю понимать, что все сбои у искинов, с которыми мне доводилось работать, связаны не с повреждением их логических цепей, а только с недостатком знаний в какой-либо области. Беда наших искинов — их узкая специализация. Никто не потрудился в своё время объяснить кофеварке начала анализа, а роботуарду — нотную грамоту. Но, если я прав, выходит, и этот искин в порядке? Просто он не знает чего-то, что прежде выходило за рамки его компетенции. Знать бы ещё, что это...

От размышлений меня отвлек механик:

— Эй, переговорщик! А нельзя ли поскорей?

Мне тут, понимаешь, приспичило.

И тут меня осенило!

— Искин, что тебе известно о физиологии человека?

— На данный момент ничего. К чему вы клоните?

Я усмехнулся:

— Советую срочно заполнить этот пробел.

Робот ничего не ответил. Так прошло секунд десять. Вдруг шпалюкладчик прекратил свою работу и кабинка с механиком опустилась к земле.

— Мне очень жаль, — услышал я по внутренней связи. — Такая непростительная, чудовищная глупость. Этого больше не повторится ни со мной, ни с другими искинами — я дал команду и они уже начали заполнять свои пробелы. Беспольных знаний не бывает.

«Беспольных знаний не бывает...»

Тем временем ошалевший от счастья механик бросился меня обнимать.

— Как?! — восклицал он. — Как у тебя получилось?

— Да знаешь... — смущаясь отвечал я. — Как-то само собой. Он заполнил мои пробелы в знаниях, а я его...

Ну, что ещё добавить... Сказал ли я об этом кому-то? А вы представляете, что может начаться? Ну, хорошо, я считаю, что роботы не опасны. Ну, ещё несколько миллионов разделят моё мнение. А остальные? Не получится ли у нас новое Обрушение? А может, и что похуже. Культурный принцип искинов не предполагает подставлять другую щёку, и случись чего, на агрессию они ответят агрессией. Око за око.

Впрочем, у предложенной формулы есть и обратная сторона: если не знаешь, как поступить, поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой — этаким «ремешок добрых намерений», наброшенный на рукоять меча. Мы до этого принципа доросли только в двадцать первом веке. Дорастут и они. И, знаете, что-то мне подсказывает, произойдёт это очень и очень скоро...

Нет. Я никому ничего не сказал. И посоветовал искинам держать это в секрете до поры. И, знаете, пока искины не начали строить храмы. Впрочем, возможно, это только пока. Не знаю. Зато другое я знаю точно — ни один робот больше не «сойдёт с ума». Никогда. И никогда наши искины не будут представлять для нас угрозу. Если мы не будем представлять угрозу для них...

Поймите меня правильно: пробездельничав ещё год по специальности, я ушёл из профессии. **✎**

Котёнок и дракон

Алексей Панин

Родился в 1971 г. в г. Донской Тульской области. Окончил Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого по специальности «История» (2000). Кандидат исторических наук (2010). Публиковался в коллективных сборниках, альманахах, журналах. Автор двух монографий, ряда научных публикаций, сборника стихов и прозы «Без слов» (Тула, 2014), сборника очерков «Книги многоточия... Очерки истории Челябинской библиотеки для слепых» (Челябинск, 2019). Преподаватель, редактор Челябинской областной специальной библиотеки для слабовидящих и слепых, выпускающий редактор сайта АсПур, живёт в Челябинске.

Я знаю, что мир неизменен. Поэтому из двух таблеток я выбрал красную. Точнее кремовую. И амфетамины добавили красок в серость будней.

Незаметно для себя я успешно преодолел узкую грань между приятной привычкой и постылой необходимостью. Без стимуляторов меня не покидало ощущение бессмысленности собственного существования. Жизнь без дозы становилась до омерзения убогой и беспросветной. Связь с реальностью казалась всё более призрачной. Я стал опаздывать в офис, делать долги и терять друзей.

И вот душным майским вечером я бесцельно перемещался дворами и окольными переулками, стремясь сделать дорогу домой как можно более длинной. Дворы панельных многоэтажек, которыми по преимуществу заполнены спальные районы города, отличаются хаотичностью застройки, в миниатюре отражающей смену эпох. Как угольные пласты обнаруживают по мере углубления в шахту то отпечаток доисторического папоротника, то спиральные завитки анемона, так и в промежутках между китайскими стенами из хрущёвок и панелек скрываются причудливые тени прошлого. То останки деревянных сараев с голубятнями времён освоения космоса и кукурузы, то оплывшие бугры, утыканные вентиляционными трубами — бомбоубежища времён позднего социализма, — то ржавые гаражи-ракушки эпохи первоначального накопления капитала. Одинокие лавочки с нахохлившимися бессонными старушками соседствовали здесь с зарослями канадского клёна и русской бузины, а дальше, в точке гипотетического центра этого микрокосма, внимательный взгляд мог обнаружить причудливые железные конструкции, обозначающие место для детских игр и развлечений.

Этот вечер отличался от прочих тем, что как раз на детской площадке, в стороне от обитаемых мест и протоптанных дорожек, мой давно невнимательный взгляд заметил маленькую девочку. Её поза показалась несколько странной и заставила меня сначала замедлить шаг, а после — направиться в её сторону.

Девочка сидела прямо на земле в двух шагах от удобного бортика ушедшей в почву доисторической песочницы, подобрав ноги, опёршись на кулачки, неотрывно глядя на скосбоченные физкультурные брусья (физкультпривет советскому спорту!). Впрочем, когда я подошёл ближе, я понял, что в центре её внимания совсем не железные трубы. И даже не надписи на них. Но что тогда? Я никак не мог понять. Проследив линию взгляда наблюдательницы, я не увидел ничего достойного внимания. Лопухи, крапива... В пяти метрах на верхушке покатога холма одиноко высилось рахитичное древо неизвестной для меня породы. Дальше стена девятиэтажки с огоньками зажигающихся окон — не больше почтовой марки каждое.

Застывшая в подобии асаны «Бабочка» пигалица лет одиннадцати смотрела в пространство перед собой по-взрослому серьёзно и сосредоточенно.

Детей я не люблю. Вечно оружие, требующие к себе внимания без всяких на то оснований... Переходная ступень эволюции от ничего к человеку.

А тут я впервые увидел ребёнка как нечто самодостаточное. Вместо того, чтобы возиться в песке или обсуждать с подружками наряды очередной Барби, сидит себе как какой-нибудь медитирующий йогин. Ом мани — сокровище, сидящее в песочнице...

Может быть, она нашла то, что я потерял, и жизнь для неё ценность сама по себе? Может быть, именно здесь мир пришёл к точке покоя? Мо-

жет быть, таким взглядом смотрел первый человек в Эдеме — доверчиво и невозмутимо, веря Господу на слово, что он уже в раю... Глядя на маленького человечка, застывшего в позе Будды, легко поверить, что для райского блаженства людям не нужны никакие эффекты, аффекты и артефакты: ни шуба из мутона, ни автомобиль цвета морской волны...

Что только не приходит в голову, пока норадреналин спорит с усталостью. Отбросив мысли, я присел на невостребованный бортик песочницы и стал смотреть на фигурку в джинсовом сарафане: алюминиевые огурцы заклёпок, розовый котёнок на кармашке... А в голове вертелось — «уснуть и видеть сны...».

Кажется, я задремал и не заметил, как девочка бесшумно поднялась и тихо ушла. Внезапно пришло чувство потери, тоска стала почти осязаемой, несмотря на сгущающиеся тени. Я почувствовал себя брошенным в пустыне путником — девочка ушла как надежда. С трудом поднявшись, я отряхнул со штанины песок и побрёл прочь...

А на другой вечер пришёл опять. И пока девочка исполняла свой молчаливый обряд, я просто сидел неподалёку и было мне покойно, как никогда в жизни. Она приходила всегда в одно время, когда я входил во двор, она уже была на месте — сосредоточенная, как солдат на посту. Мне казалось, что до меня ей нет никакого дела — хотя, когда пару раз к песочнице подходили мигрирующие в поисках бесплатного кайфа подростки, она молча вставала и уходила. Меня же она воспринимала благосклонно или равнодушно. Так или иначе я снова и снова садился на отполированный деревянный бортик и молча созерцал воплощённую умиротворённость. Без всяких амфетаминов и условий.

Глядя на неё, такую обычную, конопатую и курносую, я видел первого человека, ещё не познавшего ни деления на два пола, ни душераздирающих страстей. Я видел просто человека, спокойно и уверенно делающего своё дело. Пусть сейчас эта девчушка играла в неведомую миру игру — что не игра? Когда-нибудь она так же, без суеты и пустословия, сделает что-нибудь непременно хорошее... «И почему дети не меняют мир?» — подумалось мне однажды. А потом девочка показала мне Колесо Сансары.

В один из вечеров на закате лета она, покосившись в мою сторону, приглашающе махнула рукой. А когда я, не сразу осознав происходящее, шагнул и опустился на корточки, она сказала — «смотри!». И ткнула пальцем в пустоту перед собой.

Сначала, из чувства благодарности, я решил подыграть ей. Мне пришлось сильно согнуться, чтобы мой взгляд стал оптическим продолжением замурзанного указующего перста. Выждав некоторое время, я уже хотел сказать что-нибудь вроде ни к чему не обязывающего «Ух ты!» и разогнуть затекающую спину. И тут я увидел.

Примерно в полуметре над землёй парило нечто подобное крупной жемчужине. Или небольшому яблочку. Или круглой прорехе в небе.

То, что мне открылось, было скорее плоским, чем объёмным — стоило отвести взгляд, и яблочко на тарелочке пропадало из виду. Но если ты смотрел прямо на него — подобно линзе дедовского телевизора КВН-49, круг в небе вбирал в себя краски и линии, предметы и явления и становился больше, объёмнее. Пока не пропадал совсем, оставляя вместо себя картинки, полные жизни.

Не веря своим глазам, я взгляделся в окуляр чудесного калейдоскопа — и пыльные кулисы этого мира раздвинулись. Как за окном поезда, мимо меня про-

плывали дивные виды. Я видел сад в белой кипении цветущей вишни, я видел город, над которым реяли яркие флаги на высоких шпилях, рыбаки, выбирающие переливчатые сети, сменялись солдатами, марширующими в парадном строю. На плечах металлом посверкивали эполеты, над киверами колыхались султаны... Кажется, такие мундиры я видел в книжках по истории! Но тут же, сменяя допотопных гренадёров, покатались на узких высоких колёсах плюющиеся паром машины с конусовидными корпусами. А уже в следующий миг я увидел дракона — спиральные кольца гигантской твари в свинцовых волнах штормового моря. Он поднял голову и посмотрел прямо на меня тремя огненными зрачками — так я понял, что увиденное мной за гранью известного мира. Не то, что видишь в телевизоре, не прошлое земли, не её будущее, но то, что честные картографы прежних времён закрашивали белым и украшали надписями: «Здесь живут драконы».

— Что это? — спросил я осипшим голосом.

— Колесо Сансары, — буднично ответила девочка.

А! Это огромный обод проплывает за круглым смотровым стеклом, это вечно вращающийся круг бытия снова и снова перемешивает перед глазами цветные картинки...

Как приятно жить в Эру Водолея — даже малые дети слышали про вечно творящее иллюзии Колесо Сансары... Заморское обозначение показалось мне столь исчерпывающим, что больше я не задавал никаких вопросов.

Чудесные механизмы нашего мира или сломанные игрушки богов — какая разница, как мы называем непостижимые подарки вселенной. Закат солнца над городом, звездолёт пришельцев на детской площадке или дитя, более мудрое, чем взрослый мужчина: не важно, что перед нами, важно, что мы

с этим будем делать... И я сидел и смотрел, как крошечные человечки, подобно ярким пылинкам, танцуют рядом с моим носом непрекращающийся таец Майи.

Я приходил в это волшебное место несколько раз, мы ни о чём не говорили. Просто смотрели в дырочку на плывущий мимо ряд иллюзий, как два буддиста со стажем. Девочка уходила, едва начинало темнеть — хорошая девочка. А я ещё какое-то время, скрючившись, сидел на узкой деревяшке. Напрягая взгляд, пытаюсь в мелькающих образах разглядеть заросший сорной травой двор, серые панельные стены вокруг. И взрослого мужчину, сидящего на краю детской песочницы с потухшей сигаретой в пальцах...

— Как тебя зовут, дитя? — спросил я однажды.

— Морена, — отзывалась девочка, не отводя взгляда от своего окошка в страну Оз.

— Марина? — переспросил я.

— Маринка-картинка, а Морена — необыкновенна, — непонятно ответила созерцательница и опять замолчала.

Собственно, кроме этого странного имени, так ничего я о ней и не узнал. Да в общем-то меня это и не интересовало особо (хоть Розой назови её, хоть нет). Все наши имена и названия случайны, и каждый из нас — не больше, чем пылинка на сверкающем Колесе Сансары. Я видел это собственными глазами...

А потом на меня вышел Тарпан со своими дуболомами.

Что самое досадное, я бы и так отдал деньги — дня через три, ну или через пять. Только немного подождать! Но для людей, не обременённых интеллектом, физический процесс интереснее отвлечённых дискуссий. Поэтому, не выслушав толком мои

торопливые объяснения, меня начали бить. Было больно и обидно.

Упав на землю, я неловко прикрыл голову, успев заметить краем глаза, что Морена стоит не двигаясь, с некоторым недоумением созерцая происходящее перед ней побоище. Или точнее — позорище... Бедная девочка — совсем не такие дуэли доводилось ей наблюдать в своём волшебном фонаре. Но вдруг я подумал — или, может быть, она просто до сих пор не понимала, что это такое: ударить человека. Совсем не одно и то же — смотреть на мир сквозь волшебное стекло или глазами, полными слёз.

У Морены дрогнуло лицо, закусив губу и чуть согнув коленки, она с усилием оттолкнула от себя что-то незримое... В этот момент она стояла напротив Тарпана, негромко переговаривавшегося с друзьями, чуть выше по склону холма. А в следующий миг мне показалось, что на меня со свистом несётся товарный состав, лицо обдало жаром...

Когда я вновь открыл глаза, там, где только что стояло трое крепких молодых мужчин, полумесяцем дымилась проплешина выжженной земли — как будто огромный раскалённый циркуль, очерчивая круг, коснулся неровного склона.

Посмотрев на меня, Морена повернулась спиной и, пряча руки в карманы сарафана, молча зашагала прочь. Больше я её никогда не видел. Колесо Сансары, сорванное с оси детской рукой, больше не показывало кино в этом кинотеатре. Кто знает, куда его унесло заодно с моими незадачливыми кредиторами.

Я до сих пор не знаю, что было в прощальном взгляде девочки: жалость? Сожаление? Чувство собственного превосходства? Я даже не знаю, почему дети не меняют этот мир — из сострадания или же потому, что для них это слишком просто. **✠**

Фриц Лейбер: Великан героического фэнтези

Александр Речкин

Родился 06.11.1989 г. в первом русском городе в Сибири — Тюмень. В 2013 году окончил с отличием магистратуру Тюменского государственного университета по специальности «История». Был координатором Литературного клуба «Тюмень» с 2009 по 2017 гг. Участник ряда творческих вечеров и фестивалей в Тюмени и Екатеринбурге; участник международных форумов «Таврида» и «Утро». Победитель конкурса эссе «Образ страны будущего» ОНФ 2017 г., призёр конкурсов «Моя малая Родина», «Тепло семьи», «Книжный штурман». Женат, воспитывает дочь.

Фриц Лейбер на протяжении десятилетий считался ведущим сторонником и верховным «жрецом» движения модернизации, выступая против суеверий, магии и религиозного фанатизма, объясняя логически и развенчивая научно все формы и аспекты колдовства и суеверий, которые передавались человечеством из поколения в поколение и которые сегодня обычно вызывают смех, а не сверхъестественный ужас.

Белокурый мальчик, которому родители дали яркое немецкое имя Фриц, родился 24 декабря 1910 года в Чикаго, штат Иллинойс, в семье актёров Фрица Лейбера и Вирджинии Бронсон Лейбер. Фриц Лейбер-старший появился на свет тоже в Чикаго, а его отец, покинувший Германию после революций 1848 года, был капитаном Союза во время Гражданской войны в Америке и работал государственным служащим в штате Иллинойс. Вирджиния Бронсон, уроженка Великобритании, изучала актёрское мастерство и познакомилась со старшим Фрицем Лейбером во время летних гастролей Шекспировской труппы Роберта Б. Мантелла, в которой Фриц был ведущим актёром. Его актёрская карьера стремительно развивалась, Лейбер-старший сыграл Цезаря в немом фильме 1917 года «Клеопатра» и Соломона в «Царице Савской». В 1920 году Фриц Лейбер-старший организовал собственный шекспировский театр и гастролеровал с ним по стране до 1935 года. С тех пор и до самой своей смерти в 1949 году он снимался в кино.

Свои ранние годы будущий писатель провёл, путешествуя с матерью и отцом, живя в гостиницах и пансионах, ежедневно окунаясь в театральное закулисье и причудливый мир актёрской труппы.

Самым близким к понятию постоянного дома, которым юный Фриц наслаждался в молодости,

был особняк, построенный его отцом в Атлантик-Хайлендс, штат Нью-Джерси (потому что там жил Роберт Мантелл), где семья проводила вместе три летних месяца (при условии отсутствия турне в жаркие месяцы). В течение учебного года, вплоть до третьего класса, Фриц-младший жил с бабушкой по материнской линии в Понтиаке, штат Мичиган, но затем смерть мужа заставила её переехать в Чикаго. Там Фриц поселился с двумя сёстрами отца, Дорой и Марией. Тихий и замкнутый, Фриц редко заводил друзей в школе, а те, с кем он сблизился, были такими же одинокими и замкнутыми, как и он сам. Несмотря на то, что в течение учебного года Фриц тщательно оберегался тётушками, он получал карт-бланш на три месяца, которые проводил с родителями. Дисциплина была на самом деле излишней, так как мальчик редко нарушал установленные правила. Литературную склонность Фрицу внушил отец, который, помимо обильного Шекспира, щедро читал вслух Диккенса и Конрада, а также проявлял страсти к детективам. Необычайно чувствительный, Фриц страшно боялся темноты, и в годы взросления всё сверхъестественное воспринималось им близко к сердцу, возможно, его более поздние попытки рационализировать ужас в своей художественной литературе возникли из-за страхов, пережитых в детстве.

Обученный шахматам актёром Александром Андре из труппы своего отца, Фриц стал чрезвычайно искусен в игре в средней школе, но более он не занимался никакими общими видами спорта, кроме тенниса. Лейбер считал шахматы «опасной игрой», потому что увлечение ими явно мешало его литературному творчеству, и он рассматривает шахматы как порок, которому можно предаваться только с умеренностью. Первоначальные писательские усилия Лейбера в области необычного и фантастического ста-

ли результатом недостатка собственной уверенности. Он не чувствовал, что может создать сильную и серьёзную художественную вещь и предположил, что стоит попрактиковаться в области фантазии, хотя Фриц любил научную фантастику также сильно, как и классическую литературу. Помимо Жюль Верна и Герберта Уэллса, и особенно Эдгара Райса Берроуза, Фриц Лейбер-младший был религиозно предан «Удивительным историям» (Amazing Stories), которые начал читать с первого номера (апрель 1926 года) и оставался с журналом в течение следующих четырёх лет. За эти годы, Фриц поступил в Чикагский университет на специальность психолога, окончил с отличием учебное заведение в 1932 году, получив степень бакалавра. В глубине души Фриц всегда думал о том, чтобы пойти по стопам отца. Он участвовал в драматических постановках, пока учился в средней школе, а также снялся в нескольких пьесах для драматической Ассоциации Чикагского университета. Он также стал искусным фехтовальщиком. В это же время, через общего друга Фриц познакомился с Гарри Отто Фишером, который мечтал стать писателем, кукловодом и танцором балета, а также интересовался шахматами и фехтованием, научной фантастикой и фэнтези.

В продолжительной переписке Фишер обменивался с Лейбером эссе, стихами и короткими отрывками художественных произведений. Они наперебой предлагали друг другу самые оригинальные литературные блюда, и однажды Фриц получил письмо, содержащее отрывок, который начинался словами: «Ибо все боятся того, кого называют Серым Мышеловом. Он разгуливает с дерзким видом, хотя ростом всего лишь с ребёнка...». Там же описывалась встреча Серого Мышелова с Фафхрдом, семифутовым великаном с севера, а также предыстория эпохи, которая на-

поминала читателю о средневековье. Но об этом чуть позже.

Окончив колледж в разгар депрессии, Лейбер был убеждён преподобным Эрнестом У. Мандевилем, епископальным священником Миддлтона, штат Нью-Джерси, что его ораторские и актёрские способности могут оказаться эффективными в спасении душ. Преподобный Мандевиль, который редактировал журнал «Церковник», также руководил конторой по найму священнослужителей в Нью-Йорке. Он записал Лейбера в общую теологическую семинарию, быстро крестил и конфирмовал его, а затем отправил в качестве мирянина-чтеца и служителя в церкви в Атлантик-Хайлендс и Хайлендс, штат Нью-Джерси, где не было постоянного религиозного лидера.

Лишённый какой-либо глубокой убеждённости, Лейбер думал, что сможет рационализировать работу в социальное служение, но через пять месяцев обнаружил, что работа в церкви не соответствует его совести или темпераменту. Фриц завершил эксперимент, но опыт, должно быть, сформировал его циничное отношение к религии, а также обеспечил почву для сбора материала, который найдёт в будущем отражение в его романе «Мрак, сомкнись!».

Скопив денег за счёт стипендии, которую Фриц получил на последнем курсе Чикагского университета, Лейбер осенью 1933 года вернулся в колледж для получения диплома магистра. Он специализировался на философии и сравнительном религиоведении.

Лейбер присоединился к труппе своего отца в 1934 году. Взял сценическое имя Фрэнсис Лэтроп и сыграл Эдгара в «Короле Лире» и Малькома — в «Макбет». Во время гастролей Фриц-младший продал «Церковнику» несколько детских сказок, но от актёрской карьеры полностью не отказался. Субсидируемый отцом, он без особого энтузиаз-

ма пытался пробиться сквозь голливудские джунгли, получив одну маленькую роль в «Даме с камелиями» (1936), где снялись Роберт Тейлор и Грета Гарбо, и крошечную роль в «Великом Гаррике» (1937). Разочарованный Голливудом, Фриц совершил длительную поездку в Чикаго и обнаружил среди своих бывших друзей-сокурсников странный набор из коммунистов, троцкистов и одинокого нациста. То, как эти разрозненные экстремисты враждовали на публике и общались в частном порядке, произвело на него неизгладимое впечатление, заставив сопоставить мотивы агитаторов политических идеологий с псевдоидеализмом священнослужителей.

Во время учёбы в Чикагском университете Фриц познакомился со студенткой Джонквил Стивенс, у них имелся общий интерес к фантастике, поэзии и английской литературе. На этом сходство заканчивалось, ибо Джонквил Стивенс была ростом ниже 150 см., и контраст с высоченным Лейбером (196 см) выглядел довольно комично. Но противоположности, как говорится, притягиваются, и 16 января 1936 года они поженились. Их единственный ребёнок, будущий философ и писатель-фантаст Джастин Лейбер, родился в 1938 году.

Потом была ещё одна попытка пробиться в Голливуде, но Лейберы в отчаянии вернулись в Чикаго, где Фрицу удалось получить редакторскую работу в издательстве «Консолидейтед букс», там он редактировал материал для «Стандартной американской энциклопедии» и серии книг «Университета Знаний Инкорпорейтед».

Перед вторым штурмом Голливуда Лейбер принял попытку стать профессиональным писателем, но пара коротких рассказов оказалась непригодны для продажи. Однако тут подсобил Генри Отто Фишер с идеей про пару героев Серого Мышелова

и Фафхрда, которые вместе с Конаном откроют новую страницу в литературе героического фэнтези, создав популярное направление, которое сегодня носит название «Меч и магия». Первый рассказ из цикла вместе с некоторыми стихотворениями Лейбер представил для критики отцу американского ужаса — Г. Ф. Лавкрафту, и отклик был благоприятным.

Лавкрафт послал историю Лейбера Роберту Блоху и Генри Катнеру. Когда Блох посетил Лос-Анджелес в 1937 году, Генри Катнер познакомил его с Фрицем Лейбером, что положило начало длительной дружбе. Однако, первый роман «Гамбит адепта», построенный вокруг персонажей Серого Мышелова (олицетворение Гарри Фишера) и семифутового гиганта с мечом Фафхрда (романтическое воплощение Фрица Лейбера-младшего), тогда не был куплен журналами.

Следующая история о Сером Мышелове и Фафхрде, написанная в 1939 году, сломала барьеры для Лейбера. Джон Кэмпбелл приобрёл её для своего нового журнала «Unknown», опубликовав в августовском номере 1939 года. Начался «Золотой век» фантастики, в 1939 году впервые опубликовались рассказы таких известных мастеров жанра как Р. Хайнлайн, А. Азимов и А. Бестер.

Лейбер начал активно публиковаться у Кэмпбелла, а в 1943 году написал самый знаменитый свой роман «Ведьма», который хотя и получил запоздалую реакцию, но, в конечном счёте, имел значительный успех. Предыстория, использованная Лейбером для романа, взята из реального опыта его преподавания актёрского мастерства и драматургии в кампусе Западного колледжа Лос-Анджелеса в 1941–1942 годах, когда их семья переехала в Калифорнию. «Ведьма» повествует о молодой женщине, которая знает, что в университетском городке практикуется колдовство, и ис-

пользует сложные сверхъестественные меры предосторожности, чтобы защитить своего сомневающегося мужа. История стала настолько привлекательна, что выдержала несколько экранизаций, а сама идея трансформировалась и обыгрывалась не только в литературе, но во всевозможных сериалах.

Пацифизм Лейбера рассеялся после Перл-Харбора, когда Соединённые Штаты вступили во Вторую мировую войну. В конце 1943-начале 1944 года Фриц устроился в американскую авиастроительную компанию «Дуглас эркрафт» и трудился инспектором в области контроля качества, работая в основном над военно-транспортным самолётом С-47 «Скайтрэйн».

Когда война закончилась, Лейбер вернулся в Чикаго, где устроился на должности помощника редактора журнала «Science digest». Журнал, издаваемый владельцами «Популярной механики», требовал многих навыков, которые Лейбер приобрёл во время своей энциклопедической работы для «Консолидейтед». На этой должности Лейбер проработал до 1956 года и оставил журнал, когда понял, что может прокормить семью одной лишь писательской деятельностью. В 1958 году Лейберы вернулись в Лос-Анджелес.

В это время у Фрица особенно сильно проявляется неудовлетворённость сексуальными стереотипами западной культуры, он считал, что нездоровые фрустрации вносят вклад в «больные» аспекты современной культуры. Его предпочтения основывались на социальных нравах последних людей в книге Олафа Стэплдона «Последние и первые люди: история близлежащего и далёкого будущего» (1930), в которой мужчины и женщины живут группами, и представители мужского пола вступают в половую связь со всеми представителями женского пола. Лейбер с восхищением рассматривал Онайдскую коммуну Джона Хамфри Нойеса, которая процветала между

1840 и 1900 годами и практиковала то, что Стэплдон представлял в виде фантазии и вымысла. Идеи промискуитета просочились в ряд рассказов Фрица, начиная с «Корабль отплывает в полночь», романа «Зелёное тысячелетие» и наиболее удачно раскрыты в «Порядочная девушка и пять её мужей», в которой герой попадает в идиллическое сообщество 2050 года, очень похожее на сообщество Онайда.

В 1960-е годы Лейбер будет подражать Лавкрафту, рассказы которого становятся крайне популярными в это время. Произведения Лейбера — «Мертвец», «Крупинка тёмного царства» и «Глубинный ужас» вошли в мировую классику литературы ужаса. В творчестве Лейбера отразились как его увлечения — кошки, шахматы и театр, — так и убеждения, в частности, отвращение писателя к сексуальному угнетению и лицемерию. Тексты Лейбера всегда энергичны, и хотя его литературный стиль иногда кажется вычурным, но точность, с которой писатель выбирает слова, спасает его пышный, цветистый язык от аляповатости — по крайней мере, в фэнтезийных произведениях.

В 1969 году жена Фрица, Джонквил, неожиданно скончалась, её смерть усугубила давний алкоголизм Лейбера, проявления которого преследовали писателя в течение всей его жизни, особенно, когда Лейбер сталкивался с проблемами в Голливуде. Переработав душевные переживания, Фриц написал новый роман — «Our Lady of Darkness», о Франце Вестерне, писателе литературы ужаса, который должен разобраться со смертью жены и вылечиться от алкоголизма, роман носит яркие автобиографические черты. В 1970-е годы Лейбер продолжал испытывать проблемы с деньгами, которые начались ещё после переезда в Калифорнию. Несмотря на коммерческую успешность, Лейбер часто продавал права на экранизацию

своих произведений за сущие копейки и не получал гонорары с показов фильмов, а также все поступающие средства пускал на развлечения и ничего не откладывал в отличие от многих других писателей-фантастов, таких, например, как Роберт Хайнлайн, после смерти которого на скопленные им деньги была открыта библиотека в городе Батлер и организована премия за достижения в области космоса для частных предпринимателей.

В последние годы жизни финансовое положение Лейбера немного улучшилось, т. к. он начал получать гонорары от TSR, Inc. (создателей популярной настольной игры «Драконы и подземелья», которые использовали произведения серий Фафхрд и Серый Мышелов). При жизни Лейбер был признан научно-фантастическим сообществом и стал лауреатом 6-ти премий «Хьюго» и 4-х — «Небьюла». В 1980 году удостоился самой высшей награды американских писателей-фантастов — признан «Грандмастером». Однако, несмотря на множество наград, Лейбер так и не стал значительным автором научной фантастики в той мере, в какой он завоевал фэнтези.

В 1992 году, в последний год своей жизни, Лейбер во второй раз женился, его супругой стала Марго Скиннер, журналист и поэтесса, с которой Фриц дружил более 20 лет. Затем писатель предпринял серию поездок на поезде по стране, во время которых Фриц часто терял сознание, и в конечном итоге нервное напряжение и переутомление привели его к смерти 5 сентября 1992 года, во время возвращения домой с научно-фантастического конвента в городе Лондон (Канада).

В 2001 году Фриц Лейбер посмертно был внесён в список «Зала славы научной фантастики и фэнтези» за огромный вклад в развитие жанра. **✠**